

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1>

ISSN 2410-0765 (Print)

ISSN 3033-7992 (Online)

АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ФӘННӘР АКАДЕМИЯСЕ

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Научный журнал

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2026. Том 16, № 1

Academic Journal

FROM HISTORY AND CULTURE
OF PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

2026, vol. 16, no. 1

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77-87862 от 22 июля 2024 г.

Выходит 4 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Батурина, 7, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843) 292 84 82 (приемная), +7(843) 292 19 15

ТИПОГРАФИЯ:

Издательство Академии наук Республики Татарстан
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация)

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

The journal was founded in 2011

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution "Tatarstan Academy of Sciences"
(20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
ПИ № ФС 77-87862 from July 22, 2024

Published four times a year

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Tel./Fax +7(843) 292 84 82 (reception), +7(843) 292 19 15

PRESS:

Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences
(20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

<https://iknsp-journal.ru>
E-mail: istkazan@mail.ru

All the materials of the journal are available under
the Creative Commons License "Attribution" 4.0 International (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Исхаков Радик Равильевич**, д.и.н., заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Ахтямова Алсу Вазиховна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Файзрахманов Ильшат Завдатович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Шарафиев Эмиль Илхамутдинович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор: **Багаутдинова Халида Зиннатовна**, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, председатель редакционной коллегии, д.и.н., академик АН РТ, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Минниханов Рифкат Нургалиевич, д.техн.н., академик АН РТ, президент Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Бабаджанов Бахтияр Мираимович, д.и.н., ведущий научный сотрудник, заведующий отделом исламоведения, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз (Ташкент, Республика Узбекистан)

Багирова Ирада Саидовна, д.и.н., профессор, заведующий отделом Всемирной истории, Институт истории имени А.Бакиханова НАНА (Баку, Азербайджанская Республика)

Беляков Андрей Васильевич, д.и.н, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма, Институт российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Вишленкова Елена Анатольевна, д.и.н., профессор, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Мюнхен, Германия)

Вовина Варвара Гелиевна, д.и.н., заместитель директора, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Габдрафикова Лилия Рамилевна, д.и.н., профессор, член-корреспондент АН РТ, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Джумашев Аскар Мамбетович, д.и.н., профессор, заведующий отделом истории, Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Нукус, Республика Узбекистан)

Загидуллин Ильдус Котдусович, д.и.н., доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., профессор РАН, заместитель генерального директора, Государственный музей Востока; руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, Институт российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Иванов Ананий Герасимович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Имашева Марина Маратовна, д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Кабытов Петр Серафимович, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории Социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Котюкова Татьяна Викторовна, к.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Мажитова Жанна Сабитбековна, д.и.н., профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, НАО «Медицинский университет Астана» (Астана, Республика Казахстан)

Марискин Олег Иванович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск, Российская Федерация)

Маслюженко Денис Николаевич, к.и.н., доцент кафедры «История и документоведение», директор Гуманитарного института, Курганский государственный университет (Курган, Российская Федерация)

Николаев Геннадий Алексеевич, к.и.н. (Чебоксары, Российская Федерация)

Омурова Жамыйкат Орозбековна, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой регионоведения и кыргызоведения Института истории и регионоведения, Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына (Бишкек, Кыргызская Республика)

Самигулов Гаяз Хамитович, к.и.н., старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Таймасов Леонид Александрович, д.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Российская Федерация)

Хабутдинов Айдар Юрьевич, д.и.н., профессор кафедры истории и теории государства и права, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева (Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Chief editor: **Radik R. Iskhakov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Scientific editor of the issue: **Alsu V. Akhtyamova**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Executive secretary of the issue: **Ilshat Z. Faizrakhmanov**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

English texts' editor: **Emil I. Sharafiev**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor: **Khalida Z. Bagautdinova**, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Chairman of the Editorial Board, Dr. Sci. (history), Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Director of the Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Rifkat N. Minnikhanov, Dr. Sci. (technical sciences), Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, President of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Bakhtiyar M. Babadjanov, Dr. Sci. (history), Leading Researcher, Head of the Department of Islamic Studies, Al-Biruni Institute of Oriental Studies of the Uzbekistan Academy of Sciences (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Irada S. Bagirova, Dr. Sci. (history), Professor, Institute of History named after A.Bakikhanov of the Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Republic of Azerbaijan)

Andrey V. Belyakov, Dr. Sci. (history), Leading Researcher of the Center for the History of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Elena A. Vishlenkova, Dr. Sci. (history), Professor, Ludwig-Maximilian Universität (Munich, Germany)

- Varvara G. Vovina**, Dr. Sci. (history), Deputy Director, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation)
- Liliya R. Gabdrafikova**, Dr. Sci. (history), Corresponding member of the Tatarstan Academy of Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)
- Askar M. Dzhumashev**, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of History, Karakalpak Scientific Research Institute of Humanities of the Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (Nukus, Republic of Uzbekistan)
- Ildus K. Zagidullin**, Dr. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher, Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)
- Il'ya V. Zaytsev**, Dr. Sci. (history), Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy General Director of the State Museum of the East; Head of the Center for the History of the Russia's Peoples and Interethnic Relations, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
- Ananiy G. Ivanov**, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Russian History, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)
- Marina M. Imasheva**, Dr. Sci. (history), Associate Professor, Leading Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)
- Petr S. Kabytov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Russian History of the Social and Humanitarian Institute, Korolev Samara National Research University (Samara, Russian Federation)
- Tatyana V. Kotyukova**, Cand. Sci. (history), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
- Zhanna S. Mazhitova**, Dr. Sci. (history), Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Astana Medical University (Astana, Republic of Kazakhstan)
- Oleg I. Mariskin**, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Economic History and Information Technology of the Historical and Sociological Institute, Ogarev National Research Mordovian State University (Saransk, Russian Federation)

Denis N. Maslyuzhenko, Cand. Sci. (history), Associate Professor of the Department of History and Documentation Studies, Director of the Humanities Institute, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation)

Gennadiy A. Nikolaev, Cand. Sci. (history) (Cheboksary, Russian Federation)

Jamyikat O. Omurova, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Regional and Kyrgyz Studies of the Institute of History and Regional Studies, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Gayaz Kh. Samigulov, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Eurasian Studies Research and Education Center, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

Leonid A. Taimasov, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History of the Faculty of History and Geography, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov (Cheboksary, Russian Federation)

Aydar Yu. Khabutdinov, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of History and Theory of State and Law, Kazan Branch of the Lebedev Russian State University of Justice (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Хабибуллин А.А.

Участие мурз и служилых татар в заселении долин рек Узы
и Медведицы в последней четверти XVII – начале XIX века 14

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Дубовиков А.М.

Сотник Уральского казачьего войска Кунаковсков
в Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 годов 30

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Николаев Г.А.

Этнокультурные и бытовые контакты сельского населения
Казанской и Симбирской губерний во второй половине
XIX – начале XX века: источниковедческий аспект 54

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Абдуллин Х.М.

Офицер Набиуллы Ахметгареевич Вахитов (1886–1940) –
участник Первой мировой войны 73

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Заляев С.Р.

Подпольная деятельность «Волжской организации
генерала Алексеева» в Казани в 1918 году 83

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Габдрафикова Л.Р., Садриев Ф.Р.

Образ Каюма Насыри в татарской
периодической печати 1920-х годов 94

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Загидуллин И.К.

Особенности составления и издания избранных трудов
Каюма Насыри на татарском языке в советский период 108

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Сибгатуллина А.Т.

«Модернизированный Тукай» как симптом эпохи:
идеологические и эстетические дискуссии о переводе
татарской поэзии в 1950–1960-е годы 125

Публикация источника

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Галлямова А.Г., Габдрафикова Л.Р.

«Не надо путать вопрос о башкирской литературе
и литературе в Башкирии». Памяти Я.Г. Абдуллина 143

Новые книги, рецензии

РЕЦЕНЗИЯ

Насыров К.З.

Рецензия на книгу: Дубовиков А.М. Дореволюционная
литература о роли уральского казачества в присоединении
Средней Азии (Казань, 2025) 159

Научная жизнь

ПЕРСОНАЛИЯ

Тухватулин А.Х.

Научное наследие Равиля Усмановича Амирханова:
вклад в изучение татарской национальной
идентичности и межкультурного взаимодействия
(к 80-летию со дня рождения) 167

CONTENTS

Articles

RESEARCH ARTICLE

Khabibullin A.A.

Participation of Murzas and Service Tatars
in the Settlement of the Uza and Medveditsa River Valleys
in the Last Quarter of the 17th – early 19th Centuries 14

RESEARCH ARTICLE

Dubovikov A.M.

Sotnik of the Ural Cossack Host Kunakovskov
in the Akhal-Teke Expedition of 1880–1881 30

RESEARCH ARTICLE

Nikolaev G.A.

Ethnocultural and Everyday Contacts of the Rural Population
of the Kazan and Simbirsk Governorates in the Second Half
of the 19th – early 20th Centuries: Source Study Aspect 54

RESEARCH ARTICLE

Abdullin Kh.M.

Officer Nabiulla Akhmetgareevich Vakhitov (1886–1940) –
a Participant of the First World War 73

RESEARCH ARTICLE

Zalyaev S.R.

Underground Activities of the Volga Organization
of General Alekseev in Kazan in 1918 83

RESEARCH ARTICLE

Gabdrifikova L.R., Sadriev F.R.

Image of Kayum Nasyri
in the Tatar Periodical Press of the 1920s 94

RESEARCH ARTICLE

Zagidullin I.K.

Specifics of Compiling and Publishing the Selected Works
of Kayum Nasyri in the Tatar Language During the Soviet Period 108

RESEARCH ARTICLE

Sibgatullina A.T.

“Modernized Tukay” as a Symptom of the Era:
Ideological and Aesthetic Discussions on the Translation
of Tatar Poetry in the 1950s–1960s 125

Publication of the source

RESEARCH ARTICLE

Gallyamova A.G., Gabdrafikova L.R.

“Do Not Confuse the Question of Bashkir Literature
and Literature in Bashkiria”. In Memory of Ya.G. Abdullin 143

New books, reviews

REVIEW

Nasyrov K.Z.

Book review: Dubovikov A.M. Pre-Revolutionary
Literature about the Role of the Ural Cossacks
in the Annexation of Central Asia (Kazan, 2025) 159

Scientific life

PERSONAL

Tukhvatulin A.Kh.

Scientific Heritage of Ravil Usmanovich Amirkhanov:
Contribution to the Study of Tatar National Identity and Intercultural
Interaction (Dedicated to the 80th Anniversary of his Birth) 167

СТАТЬИ

ARTICLES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH ARTICLE

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.14-29>

Участие мурз и служилых татар в заселении долин рек Узы и Медведицы в последней четверти XVII – начале XIX века

А.А. Хабибуллин

*Медресе «Шейх Саид» Духовного управления
мусульман Саратовской области
Саратов, Российская Федерация
Ali.xabibullin@yandex.ru*

Резюме. В статье рассматривается роль темниковских мурз и служилых татар в заселении и освоении долин рек Узы, Медведицы и их притоков, протекающих по территории современных Саратовской, Пензенской и Волгоградской областей. В контексте обращения к истории российского фронта в XVII–XVIII вв. отдельное внимание уделяется этимологии названий рек, указывающих на развитие в этом регионе в далеком прошлом бортнического промысла. На основе анализа сведений из неопубликованных источников, исследований прошлых веков и современности в хронологической последовательности прослеживается история основания в конце XVII – начале XIX в. татарских селений на территории Узинского стана Пензенского уезда, с 1780 г. вошедших в состав Петровского уезда Саратовского наместничества (с 1797 г. Саратовской губернии).

Ключевые слова: мурзы и служилые татары; бортные ухажья; отказная грамота; Узинский стан; Петровский уезд; Акчурины; Тангалычевы

Для цитирования: Хабибуллин А.А. Участие мурз и служилых татар в заселении долин рек Узы и Медведицы в последней четверти XVII – начале XIX века. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 1. С. 14–29. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.14-29>

Participation of Murzas and Service Tatars
in the Settlement of the Uza and Medveditsa River Valleys
in the Last Quarter of the 17th – early 19th Centuries

A.A. Khabibullin

*Sheikh Said Madrasa of the Spiritual Administration
of Muslims of the Saratov Region
Saratov, Russian Federation
Ali.xabibullin@yandex.ru*

Abstract. The article examines the role of the Temnikov Murzas and Service Tatars in the settlement and development of the Uza and Medveditsa river valleys and their tributaries, flowing through the territory of the modern Saratov, Penza, and Volgograd Oblasts in the context of the history of the Russian frontier in the 17th – 18th centuries, particular attention is paid to the etymology of river names that indicate the development of wild-hive beekeeping in this region in the distant past. Based on the analysis of information from unpublished sources, as well as historical and modern research, the author traces in chronological order the history of the foundation of Tatar settlements in the late 17th – early 19th centuries on the territory of the Uzinsky Stan of the Penza Uyezd. Since 1780, these settlements became part of the Petrovsky Uyezd of the Saratov Namestnichestvo [Viceroyalty] (since 1797 – the Saratov Governorate).

Keywords: Murzas and Service Tatars; Wild-hive beekeeping grounds; Otkaznaya gramota; Uzinsky Stan; Petrovsky Uyezd; the Akchurins; the Tangalychevs

For citation: Khabibullin A.A. Participation of Murzas and Service Tatars in the Settlement of the Uza and Medveditsa River Valleys in the Last Quarter of the 17th – early 19th Centuries. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 1, pp. 14–29. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.14-29> (In Russian)

В условиях глобализационных процессов, урбанизации и депопуляции российских сел тема участия мурз и служилых татар в заселении долин рек Узы и Медведицы и их притоков, протекающих по территории Саратовского Поволжья, представляет особую актуальность. Интересна она и в свете изучения истории татарского народа, и в целом – истории Саратовской и Пензенской областей. Не является случайным и обращение в рамках изучаемой темы к вопросу основания расположенных в северной части Саратовской и на юге Пензенской областей десятка татарских деревень, таких как Татарская Пакаевка, Яковлевка, Усть-Уза, Новая Усть-Уза, Суляевка, Старый Вершаут, Старый Карлыган и др. В последней четверти XVII в. данный анклав татарских селений Поузя входил в Узинский стан Пензенского уезда. С 1780 г. эти селения были объединены в границах Петровского уезда Саратовского наместничества (в 1796–1797 гг. в составе Пензенской губернии, с 1797 г. – Саратовской губернии). Их жители

имели общее происхождение, сходные черты хозяйственного уклада, а также единые культурные ценности, включая традиции и обычаи, диалект.

Вопросы колонизации северной части Саратовского края отражены в работах местных историков и краеведов А.Л. Хвощёва (Хвощев, 1922), В.И. Холмогорова [3], А.А. Гераклитова (Гераклитов, 1923; Гераклитов, 1926). Особо нужно отметить исследования пензенского историка-архивиста, краеведа М.В. Полубоярова, в которых представлены сведения о топонимах и гидронимах края, о времени и обстоятельствах основания населенных пунктов (Полубояров, 2016; Полубояров, 2010). Вопросы происхождения темниковских и кадомских татарских мурз, в том числе жалованных землями за государственную (военную) службу в Мещерском крае, исследованы в работах М.М. Акчурина и Т.А. Абдурахманова (Акчурин, Абдурахманов, 2011; Акчурин, Абдурахманов, 2021; Акчурин, Беляков, 2019), И.Р. Габдуллина (Габдуллин, 2006).

Отчасти вопросы участия мурз и служилых татар в заселении и освоении изучаемого региона освещены в работах пензенских краеведов Ф.М. Зюзина и Р.Х. Алюшева. В частности, во втором томе «История татар Пензенского края» изложена история татарских населенных пунктов Пензенской области (Зюзин, Алюшев, 2021). Тема освоения Саратовского Поузя на территории Узинского стана фрагментарно отражена в работах автора данной статьи (Хабибуллин, 2020; Хабибуллин, 2024). В то же время до настоящего времени рассматриваемая нами проблема не являлась предметом специального исследования.

Долины рек Узы и Медведицы, протекающих по территории Саратовского и Пензенского областей, испокон веков являлись ареалом расселения различных этносов и народов. Об их пребывании здесь в прошлом косвенно могут свидетельствовать происхождение названий рек. Так, этимологию наименования р. Узы исследователи относят к тюркскому слову «ус» – лощина; «узан» – русло (Полубояров, 2010, с. 188). По нашему предположению, оно происходит от слова «уза» – пчелиный клей, из которого изготавливали прополис. Тюркоязычное схожее слово «балавыз» [балауз] переводится как пчелиный воск. Старинное название р. Узы, известное по «Книге Большому чертежу», – «Табалык» (Талбалык). Оно, по мнению историка и краеведа М.Полубоярова, восходит к кыпчакскому «тал», «дала» – степной и «булак» – источник (Полубояров, 2010, с. 180). На наш взгляд, название образовано из татарских слов «тал» (ива) и «бал» (мед), с добавлением окончания «лык», и дословно переводится на русский язык как «медовое место, покрытое тальником». Известный топонимист А.Ф. Орлов считал, что название реки Медведицы происходит от слова «медвед» (из «меда», «медва») и связывал его происхождение с бортничеством. На распространение данного вида промысла в рассматриваемой местности указывает и название реки Баланды – правого притока р. Медведицы. В переводе с тюркского слово «баланда» означает «медовое место». Вместе с тем краеведами прошлого была выдвинута и другая

версия образования этого гидронима, переводимого как «рыбная река» [2, с. 28].

По вышеприведенным примерам видно, что этимологии названий перечисленных рек Уза, Медведица, Баланда связаны со словами, имеющими отношение к продуктам бортнического хозяйства. Это дает основание для предположения о нахождении ранее в долинах этих рек «бортных ухажьев» – участков леса с бортными деревьями, где добывали мед и воск диких пчел. Они являлись формой экономического освоения малозаселенной или совсем не заселенной территории [1, с. 85]. Бортные ухажья были основным видом вотчинных владений. При этом, по мнению исследователей, первоначальная легитимность владения вотчинами, скорее всего, берет начало еще в ордынское время (Акчурина, Абдурахманов, 2021, с. 15).

Зачастую многие вотчинные угодья, в которых располагались бортные ухажья, были значительно удалены от мест проживания владельцев. Так, согласно писцовым книгам начала XVII в., вотчины татар и мордвы Кадомского и Шацкого уездов распространялись далеко на юг до рек Хопёр, Вороны и их притоков (Акчурина, Беляков, 2019, с. 58).

Саратовский историк-архивист А.А. Гераклитов отмечал, что некоторые крестьяне дворцовых деревень Шацкого уезда в 1-й четверти XVII в. (1622–1623) владели на оброке бортными ухажьями, рыбными ловлями и бобровыми гонами «на р. на Медведице, от речки Князевки вверх по Медведице по обе стороны до верхов и с малыми речками». В писцовой книге Шацкого уезда 1622 г. указывается «Шубенской ухажей на р. на Медведице по обе стороны до верхов и с малыми речками: с Карамышом и с Калышлеи и с Баландинского юрта с речкою Идолгою...». Далее упоминается бортник Гришка Давыдов сын Васильев, Федька Семенов сын по прозвищу Блинок и другие, которые «ходят в бортной Шубенской ухажей на р. на Медведице по обе стороны до верхов и с малыми речками: с Карамышом и с Калышлеи и с Баландинского юрта и с речкою Идолгою» [цит. по: (Гераклитов, 1923, с. 272–273)].

По мнению ученого-архивиста А.Гераклитова, наиболее ранние сведения о владении мордвой бортными ухажьями в Саратовском крае относятся к 1619–1620 гг. Однако уже в самом начале XVII в. север края, так же как и его западная часть, был известен мордве, владевшей здесь «ухажаями» (Гераклитов, 1926, с. 6). В равной мере это утверждение, по нашему предположению, относится к татарским мурзам и служилым татарам. Так, д. Усть-Уза (ныне в Шемышейском районе Пензенской области) была основана на земле Сюндюка Черкасова, а с. Наскафтым – на даче К. Бабина (Гераклитов, 1926, с. 5–6). Сюндук Черкасов относился к темниковским служилым татарам. Он, наряду со своими мордовскими товарищами, владел бортными ухажьями. Так, «... в выписи 128 г. (1619/1620 г. – А.Х.) за приписью дьяка Пятого Григорьева значится: “темниковской мордве деревни Санзи дано на оброк в Свияжском уезде вотчина бортной ухажай Азурмат с лесами и дубравами и с полем нижний рубеж по Суре реке Кос-

тору Урмат с темниковским татаринном с Сюндюком Черкасовым, а верхний рубеж с темниковским же мордвинном с Копасом Бабиным...» [цит. по: (Герасимов, 1926, с. 5–6)]. Сведения о служилом татарине Сюндуке Черкасове также можно найти в известном документе под названием «Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г.», составленный Иваном Усовым и Ильей Дубровским. Он среди прочих девяти служилых татар указан в числе жителей деревни «Борки на речке на Сивинсав» (Сивинь. – А.Х.) [4, с. 88].

Еще об одном факте владения татарами бортными ухажьями на территории края известно из содержания выписи из отказной грамоты, выданной 20 сентября 1731 г. Темниковской воеводской канцелярией. В ней говорится, что служилые татары были пожалованы землями по р. Узе в период царствования Алексея Михайловича (1645–1676). В старину цифры указывались буквами, и при составлении выписи из грамоты писцы допустили ошибку, пропустив одну букву «ѣ», обозначающую цифру «6», из-за чего получился «7108» (1599/1600 г.), вместо «7168» (1659/1660 г.). Именно тогда упомянутый в документе стряпчий Нарышкин Кирилл Полуэктович занимал должность Темниковского воеводы [1, с. 263].

На основании данной отказной грамоты потомки темниковских мурз и служилых татар получили «выпись». В выписи 1731 г. говорится: «А в прошлых же годах оная выпись в бунт воровских людей от пожару утрачена»¹. Доказывая свое благородное происхождение, уже в конце XVIII в. мурзы Кудашевы также сообщали об уничтожении аналогичных документов: «... крепости на те дачи в 179 г. (1670/1671 г. – А.Х.) воровские казаки подрали, пожгли»². Вероятно, речь идет о восстании Степана Разина, и, соответственно, отказ мурзам и татарам земель по р. Узе был осуществлен до этого события.

Обозначенные в отказной грамоте земли были даны в «вотчинных и бортных ухажьях», что указывает на существование в Поузье до 1660 г. наследственных владений отдельных мурз, по-видимому, Шихмаметевых. Как указано в документе, «Умряка мурзе Касаеву сыну Шихмаметеву с товарищи мурзам и татарам велено отвести в вотчинных и бортных ухажьях на диком поле ковыльной земле»³. По мнению М.М. Акчурина и Т.А. Абдрахманова, именно владельцы вотчин, вне зависимости от степени знатности, возглавляли список челобитчиков (Акчурин, Абдрахманов, 2021, с. 19).

Границы вотчинных и бортных ухажьев были обозначены таким образом: «...в урочищах вершины Узы реки до другой вершины от другой вершины до третьей вершины Узы же, а от вершин Узинских до вершин

¹ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 19. Оп. 3. Д. 10. Л. 9–10 об.

² ГАСО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 45. Л. 21–21 об.

³ ГАСО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 10. Л. 9 об.

Казанлей реки, а от Казанлейской вершины через лес до вершины реки Карабулакской, от вершины Карабулакской до вершины реки Медведицы, от Медведицкой вершины до вершины реки Березовки Ольховка тож, а от Березовской вершины через лес и через сырт до соснового колку через степь на Узу реку против устья Шняевской речки, вверх идучи правую стороною Узы речки со впадающими речками до Караульной горы и вершины реки Узы до починного урочища»⁴ (починное урочище – начальный пункт. – А.Х.). В общей сложности протяженность описываемой территории составляла около 60 км по течению р. Узы, начиная от ее истока у современного с. Хватовка Базарно-Карабулакского района Саратовской области и заканчивая устьем р. Шняевы – правого притока Узы⁵.

Что касается личности Умряка мурзы Шихмаметева, то его род, по утверждению И.Р. Габдуллина, вел свое происхождение от Бехана – легендарного князя Темниковской Мещеры (Габдуллин, 2006, с. 278). К 1613–1614 гг. поместье предка мурз Шихмаметевых – Дивея мурзы Алакаева – находилось в д. Акчеево Темниковского уезда [4, с. 99]. Во второй половине XVII в. мурзы Кидыр и Умряк Косаевы дети Шихмаметевы проживали в д. Чюрино Темниковского уезда (Габдуллин, 2006, с. 278).

С 1660-х гг. началось оседлое заселение края и постепенное сворачивание бортнического промысла. На местах бортных владений основывались новые города и села. В 1663 г. был заложен город-крепость Пенза. С середины 1670-х гг. началось заселение северной части будущей Саратовской губернии, входившей в состав Узинского стана Пензенского уезда. Сюда из районов Алатыря, Арзамаса, пензенского Засурья для строительства засечных черт переводилась ясачная мордва, из Темниковского и Саранского уездов для несения пограничной военной службы – мурзы и служилые татары, мордовские мурзы. Они одними из первых переселились в эти места для прикрытия пензенско-сызранской оборонительной линии.

Согласно сведениям, приводимым в вышеупомянутой выписи из отказной грамоты 1660 г., 81 человек по отказным грамотам получили земли по 50 четв. в поле, «а в дву по тому ж», и сена по 1000 копен каждому, еще 45 человек – по 25 четв. в поле, «а в дву по тому ж», и сена по 500 копен каждому»⁶. Всего 126 человекам было отказано 5175 четв. земли и сена 103500 копен.

Среди тех мурз и служилых татар, кому были дарованы земли по р. Узе, помимо предполагаемого нами вотчинника Умряка мурзы Касаева сына Шихмаметева, значились Сунакай мурза Алькаев сын Еникеев и его сын Биктимир – потомки темниковского мурзы Еникая Кульдяшева, сыновья которого – Терегул, Алакай, Идеи, Енбулат и Иртуган – в 1613/1614 г. проживали в Ахмыловской слободе г. Темникова и владели

⁴ ГАСО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 10. Л. 9–10 об.

⁵ 35 км по прямой.

⁶ ГАСО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 10. Л. 9–11.

поместными землями в Темниковском уезде (Мизис, 2013, с. 28). Помимо них здесь числились потомки князей Акчуриных и Кудашевых⁷. Таким образом, по сложившейся тогда практике, вотчинники пускали в свои владения других татар, и царскими грамотами эти земли переводились в местную собственность. При этом сами промысловые угодья оставались в исключительной собственности вотчинников (Акчурин, Абдурахманов, 2021, с. 19, 20).

Земли по р. Узе тогда жаловались и русским служилым людям, помещикам. Так, с. Неёловка (ныне с. Степная Неёловка Базарно-Карабулакского района) было основано на землях, отказанных в 1675 и 1679 гг. саранскому помещику В.С. Неёлову в верховьях р. Узы (Герасимов, 1923, с. 95). При этом границы земель, отведенных Неёлову, для исследователей остаются весьма неопределенными. По-видимому, данное село расположилось на границе земель, отказанных мурзам и служилым татарам. Эти владения находились далеко от засечных черт, в беспокойной, незащищенной от набегов кочевников местности. По сообщению А.А. Герасимова, в 1680 и 1693 гг. территории Саратовского и Пензенского краев подверглись набегам со стороны татар. Саратовский воевода Г.С. Исупов в своей челобитной писал, что в 1689 г. во главе местных ратных людей воевал с астраханскими, «азовскими» татарами и «воровскими» калмыками (Герасимов, 1923, с. 304–305).

Историк Н.Ф. Хованский в своей работе «Помещики и крестьяне Саратовской губернии» указывает на 1692 г. как на дату основания поселения пахотных солдат и служилых людей на месте нынешнего поселка Базарного Карабулака (Хованский, 1911, с. 45). При этом на основании зафиксированных свидетельств местных старожилов нам известно о существовании на территории данного населенного пункта заброшенного татарского кладбища, находящегося на левом берегу р. Карабулак (Хабибуллин, 2024, с. 24).

В том же 1692 г., затем в 1700 г. земли по обеим сторонам р. Узы и по урочищам вдоль ее правого притока – р. Шняевы – были пожалованы великим государем Петром I служилым чувашам за корабельную работу. На этих землях была основана д. Шняево⁸.

В отказной грамоте 1660 г. упоминается Караульная гора, находящаяся по правой стороне Узы, по которой проходила северная граница пожалованных земель. Название горы происходит от татарского слова «карау» (смотреть, дозор). Иными словами, здесь, на правом берегу р. Узы, находился дозорный (сторожевой) пункт. Возможно, он располагался на старой засечной черте, устроенной уже в XVII в.

В период с 1680-х гг. до начала XVIII в. в Пуузье, наряду с русскими владельческими, мордовскими, чувашскими селениями, были основаны

⁷ ГАСО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 10. Л. 10–11.

⁸ ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 251. Л. 6.

такие татарские деревни, как Усть-Уза, Суляевка и Старый Вершаут. Усть-Уза – старейшее татарское село Пензенской области – было основано в мае 191 г. (1683 г. – *А.Х.*) на вотчинных землях упомянутого выше темниковского служилого татарина Сюндука Черкасова (Герасимов, 1926, с. 14). Первопоселенцами стали 20 полковых служилых татар Темниковского и Саранского уездов во главе с Альмяшем Елаевым (Алкай Елкаев) с товарищами: Бамакшой Байбулатовым, Петрушкой Умяровым, Маметом Таировым и др. Изначально татары поселились в устье р. Узы, но спустя несколько лет переселились на место, расположенное в двух верстах выше по течению реки⁹. Татарам было отказано по 25 четв. земли в поле, «а в дву по тому ж», за валом (Герасимов, 1926, с. 14). Служилые татары были поселены здесь для обеспечения безопасности перекрестка двух дорог: Узинской (Мокшазаровской) на Самарскую Луку и Пензенско-Саратовской (Полубояров, 2016, с. 793).

«Бикбулатов, как командир татарского населения (с. Усть-Узы. – *А.Х.*), ввиду малочисленности их и обилия земли, принял к себе еще товарищей мурз (мордовских мурз. – *А.Х.*) мордвов из ясачных крестьян», в числе которых были два брата – «Госмилка и Алешка Кижиделевы князья»¹⁰. А.А. Герасимов, основываясь на архивные документы, сообщал, что уступка земель воинским людям Алатырского уезда служилым полковым мордовским мурзам Алексею Лукьянову сыну Кижидееву с товарищами – девяти человекам, произошла в 1694 г. Позже, в 1697 г., им были дополнительно отказаны земли по 12,5 четв. каждому (Герасимов, 1926, с. 14).

Следующим по хронологии возникновения известным татарским селением в Поузые является Суляевка. Село находится на левом берегу р. Суляевки, правом притоке р. Узы. Река берет начало с южной стороны урочища Шихан (Шиханский лес) и впадает в Узу в среднем ее течении в 102 км от устья. Река Суляевка упоминается в отказных книгах 1688 г. (Полубояров, 2016, с. 175).

Среди основателей д. Суляевки, как и в других татарских селениях уезда, были темниковские и саранские мурзы. Например, уже ко времени первой ревизии здесь проживали потомки Алея мурзы Тангалычева: Тимай, Авдей, Умяр, Мустафа Алеевы. Вероятно, они переселились в Поузые из д. Чермешево Саранского уезда¹¹.

На сегодняшний день отказные грамоты на владение татарами землями по р. Суляевке исследователями не обнаружены. Однако проведенная нами географическая локализация сведений, содержащихся в известных отказных грамотах, позволяет определить границы жалованных мурзами и служилыми татарами четвертных владений и установить идентичное вре-

⁹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 2187. Л. 443, 443 об., 461.

¹⁰ ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 2187. Л. 461.

¹¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 2545. Л. 783, 783 об.

мя их выделения. Так, известно, что «30 июля (1692 г. – *А.Х.*) пензенским подьячим Никофором Протопоповым отказана мордовским мурзам д. Тургаковы Леонтию Кудяшеву с товарищи в дополнение к прежним их дачам в поместье земля в урочищах: от р. Узы с устья рч. Суляевы (в документе река Суляевка названа речкой. – *А.Х.*) и по той речке вверх по правой стороне до вершины, а от вершин через поле до Редкой дубровы и с липяги, а от липягов до Кувак-Тюбяка, а от Кувак по крутым суходолам правая сторона наниз до речки Ташкимяки и с каменными мечетями и наниз до Узы реки, а Узою наниз правая сторона до реч. Суляевы» [цит. по: (Гераклитов, 1926, с. 14)]. Расположения обозначенной территории определяют очертание границы земель д. Суляевки. С западной стороны она проходит по р. Суляевке, с восточной – по правому берегу р. Ташкомьяк, с южной – по правому берегу р. Узы. Из этих данных напрашивается вывод о том, что эта земля служилым татарам и мурзам, основавшим д. Суляевку, могла быть отказана не позднее конца 1680-х – начала 1690-х гг. (Хабибуллин, 2020, с. 53). Примерно в это же время на земле, отказанной 5 октября 1689 г. Бочарке Козаеву с товарищами, были основаны соседние с Суляевкой мордовские деревни: Пылково, Чумаево, а также Кулясово, Мамадыши и Алексеевка (Гераклитов, 1926, с. 17–18, 20). Тогда же, в 1691 г., земли к северу от д. Суляевки получили и русские служилые люди (Хабибуллин, 2020, с. 133).

Таким образом, в 1680-х – начале 1690-х гг. мурзы и служилые татары, наряду с другими категориями населения Темниковского, Саранского, Инсарского уездов, были вовлечены в общие процессы заселения российского фронта в северной части будущей Саратовской губернии.

В конце XVII в. наблюдалась новая волна переселений на территорию нынешнего Петровского района Саратовской области и Лопатинского района Пензенской области, что было обусловлено перемещением оборонительных линий государства на юг. В 1697 г. по указу Петра I сюда были переведены служилые люди Пензенской, Симбирской, Саранской и Инсарской оборонительных линий. В 1698 г. был основан г. Петровск как крепость на р. Медведице. Переселенцы поселились как в слободах, так и на пограничной линии. Из этих слобод образовалась линия непрерывных военно-пограничных поселков. Обеспечение безопасности земель, располагавшихся к северу от линии, способствовало дальнейшей активной колонизации края, в том числе Узинского стана Пензенского уезда. Русские помещики переводили сюда своих крестьян. Наряду с ними пустующие земли заселялись татарами, мордвой и чувашами. Согласно данным 2-й ревизии, в первые десятилетия XVIII в. в северной части будущего Петровского уезда было основано около 50 сел и деревень. Ко времени первой ревизии в Узинском стане насчитывалось 13 татарских селений (Гераклитов, 1923, с. 313, 314).

В 1695–1697 гг., в связи с Азовскими походами Петра I, направленные против Османской империи служилые татары д. Усть-Узы, наряду

с другими служилыми людьми, были переведены в Азов, где перешли на сторону неприятеля. На их место в 1699 г. (7207 г.) в Усть-Узу были переселены другие служилые татары. По всей видимости, по второй отказной грамоте земли в устье р. Усть-Узы получил 101 служилый татарин¹².

К 1700 г. д. Усть-Уза располагалась по правому берегу р. Чертанлейки (ныне р. Кула, приток р. Узы. – А.Х.) и по западной стороне озера Куларка. К этому времени ее жители, возросшие в числе и получившие дополнительные дачи, вновь уступили мордовским князьям Кижилдеевым с товарищами, уже 19 человекам, 1100 четв. «старые их дачи по 12 чет. с осминою ... да из примерные земли» [цит. по: (Герасимов, 1926, с. 14)]. Факт передачи мордовским мурзам этой земли было закреплено мировой записью. В итоге земельных уступок рядом с Усть-Узой возникло мордовское поселение Усть-Мурза. Помимо нее мордовским населением на жалованных им землях были основаны еще несколько деревень, в частности Старое Захаркино, Старая Яксарка, Шемышейка (Полубояров, 2016, с. 793, 804, 806).

В 1704 г. в междуречье Узы и Медведицы, в среднем течении Узы, четвертные владения получили 272 мурз и служилых татар Темниковского и Саранского уездов¹³. Как указано в планах генерального межевания конца XVIII в., земли татар, объединенные в Старовершаутскую дачу, тянулись на 20 км с севера на юг по левому берегу р. Вершаут – левого притока Узы – и составляли 12 504 дес. 2305 саж.¹⁴ На этих землях, окруженных такими лесными массивами, как «Туйкач», «Рахмай», «Мечеть Квача», последовательно было основано несколько селений. Старейшее из них – Старый Вершаут – располагалось в тылу Петровской оборонительной линии в 8 км от левого берега р. Узы и в 40 км к северо-востоку от г. Петровска. Первооснователями деревни стали мурзы Дулатовы и Мамлеевы, переселившиеся из д. Енаково Темниковского уезда¹⁵. Их предки Кутый Тербердеев с братьями князем Ефаем, Дулатом и Мамлеем упоминаются в купчей грамоте 1540 г. (Акчурин, Абдурахманов, 2011, с. 176, 196). Мурзы и служилые татары, наряду с другими служилыми людьми, несли сторожевую службу, прикрывая симбирское направление от нападения степных народов, и обеспечивали безопасность Сурской дороги.

В августе 1717 г. территории Саратовского и Пензенского краев подверглись кубанскому погрому. Кубанцами называли жителей предгорий Кавказа, окрестностей Азова и часть жителей Калмыцких степей: черкес, ногайцев и казаков-некрасовцев. Ими были разорены предместья городов и крепостей Царицына, Пензы, Симбирска, Саратова, Инсарска, Петровска и Ломова с их прилегающими землями. Острог Рамзай под Пензой был

¹² ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 2187. Л. 443, 443 об.

¹³ РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Д. 2533. Л. 10.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Д. 2533. Л. 9.

¹⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2545. Л. 813.

полностью выжжен. Была блокирована крепость Петровск. В числе прочих селений пострадала д. Усть-Уза, где были выжжены все дворы, а 250 человек угнаны в плен или убиты (Полубояров, 2016, с. 809).

В период между первой и второй ревизиями в долине р. Вершаут и ее притоков на территории Старовершаутской дачи были основаны служило-татарские селения Старый Карлыган (Карлыган, Акчурино), Средний Карлыган (Верхний Карлыган), Пакаевка и Уразмаметовка. Жители д. Карлыган (Акчурино), где проживало 99 душ м.п., а в д. Пакаевке (Варгаши) – 79 душ м.п., были переведены из д. Старый Вершаут (Голомбиевский, 1890, с. 257). Уже в середине XIX в. старовершаутцы на юге своих земель при озере Белом основали еще одно поселение – Новый Вершаут, а в 1926 г. – выселок Берлик.

Ко времени второй ревизии в Среднем Карлыгане Узинского стана проживало 30 душ служилых татар, переведенных из деревень Пишля, Пензятка, Кривояр Саранского уезда, Пенделка, Средняя Елюзань и Нижняя Елюзань Пензенского уезда¹⁶. В Уразмаметовке, основанной переселенцами из д. Умыс Саранского уезда и д. Кунчерино (Кунчерово) Пензенского уезда и получившей свое название от имени мурзы Уразмамета Сунчалыева сына Аллагулова, числилось всего 27 душ м.п.¹⁷ Уразмаметовка была основана юго-восточнее от д. Старый Вершаут. В 1835 г. в результате земельных переделов жители Уразмаметовки переселились в д. Пакаевку.

После событий кубанского погрома 1717 г. и до второй ревизии (1745 г.) произошло основание еще одного поселения на р. Узе – д. Яковлевки. В 1731 г. потомки мурз и служилых татар, кому были пожалованы земли на р. Узе по отказной грамоте 1660 г., получили выписку из этой грамоты из Темниковской канцелярии и в 1735 г. официально были переведены в новопоселенную деревню.

Их обращение с челобитной по поводу выдачи выписки было обусловлено нехваткой земель. К началу XVIII в. новые жалования земель прекратились. Прежние четвертные владения мельчали по причине раздела земель между наследниками. У некрещеных мурз отнимались крестьяне. В этих условиях потребовалось подтвердить свои права на те земли, которые были отказаны отцам и дедам просителей. Как показала практика, те татары, которые не успели основать свои поселения, лишились своих четвертных владений, т.е. прав на землю.

По всей видимости, название д. Яковлевка (Янкя Оз) было образовано от имени одного из ее первооснователей – Янгазы мурзы сына Тохтара (род. 1717) – потомка князей Кудашевых. Мурзы Янгаза и Ислам Тохтаровы – Кудашевы в Кунчеровских переписных книгах показаны князьями Акчуриными, за которыми числились крепостные крестьяне. Известно, что в составленной Кудашевыми поколенной росписи Янгаза значился как

¹⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2545. Л. 822 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2545. Л. 821.

Яков, а его сын Курамша в 1784 г. указывал свое отчество как «Яковлев»¹⁸. Среди переселенцев из д. Кунчерово также были родоначальники одной из многочисленных в д. Яковлевке фамилий Тугушевых – Мухай Кудашев с сыном Усеином и с братом Адельшей и его сыном Сеитом. До переселения на свои земли на р. Кададе они проживали в д. Аллагулово Темниковского уезда¹⁹. Происхождение рода мурз Дамаевых (Тюмеевы, Тамаевы), так же как и род Тугушевых-Токшаиковых, Кудашевых, связано с Кадомским уездом²⁰. Житель д. Яковлевки Абдулла Давыдов Дамаев в начале XIX в. так писал о своем роде: «Род мой происходит из древа от мурз татарских, выехавших из Золотой Орды. Они служили Российскому престолу, за которую жалованы были поместьными землями»²¹. Его предок Ждан мурза Утемишев (1697) происходил из д. Большой Шуструй Темниковского уезда. С именем Абдуллы Дамаева связано основание на правом противоположном по расположению с д. Яковлевкой берегу р. Узы чувашско-татарской д. Абдуловка (1795–1811).

Между первой и второй ревизиями (1719–1748 гг.) продолжалось освоение долины р. Узы. Ясачными и служилыми чувашами д. Шняево и д. Кунчерово Симбирского уезда была основана д. Белая Гора (Шурту)²². После 3-й ревизии (1762 г.) здесь, рядом со служилыми чувашами, на купленной у них земле поселились татарские мурзы, основав еще одну часть деревни – «Акчурино» («Курмыш»). По ревизии 1782 г., в д. Белая гора (Акчурино) была записана семья Акчурина Ханмурзы Мусеева²³. Его родители – Мусяй мурза Асанов (Алеев) сын князь Акчурин с женой – проживали в д. Тарлаково (второй) Пензенского уезда.

Во второй половине XVIII – начале XIX в. на землях, отказанных темниковским мурзам и татарам в 1660 г., было основано еще 17 деревень²⁴. Большинство из них принадлежали помещикам, которые самовольно захватывали земли или покупали четвертные земли у татар.

Самым южным из татарских селений, основанных в Петровской округе Саратовской губернии, стала Новая Усть-Уза. В контексте заселения свободных территорий, лежащих по левому берегу р. Медведицы, начало истории поселения можно отнести к концу 1780-х гг. Согласно преданиям, из д. Усть-Узы Безводнинской волости того же Петровского уезда в новопоселенную деревню Усть-Узинский выселок переселились 10 семей во главе с Манюш бабаем (в ревизиях указан как Манюш Манцыров (1767–

¹⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2545. Л. 728–730 об.

¹⁹ ГАСО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 76. Л. 18.

²⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 414. Л. 206.

²¹ ГАСО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 10. Л. 1.

²² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3127.

²³ ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 49. Л. 234–235.

²⁴ ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 633. Л. 4.

1830))²⁵. Основная волна переселения малоземельных и безземельных крестьян татарской деревни из Поузыя на берега р. Медведицы происходила в 1820-е гг. Официальное оформление состоявшегося факта было оформлено в 1829 г. К этому времени в Новой Усть-Узе проживало около 500 человек²⁶. По плану генерального межевания в даче деревни значилось 4504 дес. 2046 саж. земель²⁷.

Таким образом, результаты данного исследования показывают, что мурзы и служилые татары, по всей видимости, уже в начале XVII в. имели в Поузые Саратовского края свои бортные ухажья, являвшиеся основным видом вотчинных владений. Первые зафиксированные исследователями факты о существовании таких владений на территории края относятся к 1619–1620 гг. За верную военную службу по защите южных рубежей Российского государства со второй половины XVII в. мурзы и служилые татары жаловались четвертными землями в пределах старых вотчин.

Изложенная в данной статье в хронологической последовательности история основания татарских селений в последней четверти XVII – начале XIX в. является неотъемлемой частью процесса заселения долин рек Узы и Медведицы Саратовского и Пензенского краев. Она наглядно демонстрирует участие татар, наравне с другими этносами, в хозяйственном освоении региона. Проявленные в прошлом всеми служилыми людьми принципы сплоченности в деле защиты рубежей Отчизны, взаимопомощи в мирном строительстве и в настоящее время определяют духовно-нравственный базис нашего общества.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Документы и материалы по истории Мордовской АССР / отв. ред. Б.Д. Греков, В.И. Лебедев. Т. 1. Ч. 2: Социально-экономические отношения в Казанском крае, Саранском и Темниковском уездах в XVIII в. Саранск: МНИИЯЛИ, 1950. 580 с.

2. *Козинец С.Б.* Топонимический словарь Саратовской области. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2013. 222 с.

²⁵ ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 857. Л. 654 об.

²⁶ ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 857. Л. 657 об. – 658.

²⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 380. Оп. 26. Д. 557. Л. 3 об., 4, 6 об.

3. Материалы для истории колонизации Саратовского северо-восточного края до второй половины XVIII века / сост. В. и Г. Холмогоровы. Саратов: Типография губернского земства, 1891. 290 с.

4. Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / сост.: М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 220 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акчурин М.М., Абдурахманов Т.А. Челобитная вдовы мурзы Тляша Кутыева // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Вып. II. Казань: Яз, 2011. С. 176–196.

Акчурин М.М., Абдурахманов Т.А. «Оныя земли... издревле татарские и мордовские»: фактор вотчинных владений в процессах переселения татар мещерских уездов // Туган жир: Төбәк тарихы буенча журнал [Родной край: Краеведческий журнал]. 2021. № 3. С. 14–27.

Акчурин М.М., Беляков А.В. Вотчины как наследие ордынской государственности (на примере документов мещерских уездов XVI–XVII вв.) // Золотоордынское наследие: Материалы VI Международного Золотоордынского Форума, Казань, 26–28 июня 2019 г. Вып. 3. Казань, 2019. С. 56–68.

Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М.: Изд. Р.Ш. Кудашев, 2006. 317 с.

Герасимов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратовское общество истории, археологии и этнографии. Саратов: Друкар, 1923. 376 с.

Герасимов А.А. Саратовская мордва (к истории мордовской колонизации в Саратовском крае). Отдельный оттиск из Известий краеведческого института изучения Южно-Волжской области. Т. 1. Саратов: Сарполиграфпром, 1926. 22 с.

Зюзин Ф.М., Алюшев Р.Х. История татар Пензенского края. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. 412 с.

Мизис Ю.А. Бортные ухажья как форма заселения и освоения южно-русского пограничья в XVI–XVII вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. № 10 (126). С. 80–85.

Полубояров М.С. Весь Пензенский край: историко-топографическое описание Пензенской области. М.: ООО «САМ полиграфист», 2016. 813 с.

Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. М.: Изд-во ЗАО «ФОН», 2010. 224 с.

Голомбиевский А.А. Петровский уезд по «Переписным книгам» переписи 1723–1725 гг. и генеральной ревизии 1744–1747 гг. // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. 2. Вып. 2. Саратов: Типография губернского земства, 1890. С. 252–258.

Хабибуллин А.А. Суляевка в краю родников: история татарского села. Саратов: Наука, 2020. 380 с.

Хабибуллин А.А. Яковлевка (Янкя Оз) на реке Узе: история татарского села [Базарно-Карабулакский район Саратовской области]. Саратов: Наука, 2024. 482 с.

Хвощев А. Очерки по истории Пензенского края: с этнографической, 2 историческими картами Пензенского края и планом г. Пензы XVIII в. Пенза: Гос. изд-во Пензенское отд., 1922. 150 с.

Хованский Н.Ф. Помещики и крестьяне Саратовской губернии. Саратов, 1911. 190 с.

REFERENCES

Akchurin M.M., Abdurakhmanov T.A. Petition of the Widow of Murza Tlyash Kutuyev. *National History of the Tatars: Theoretical and Methodological Problems*. Iss. 2. Kazan: Yaz Publ., 2011. Pp. 176–196 (In Russian)

Akchurin M.M., Abdurakhmanov T.A. "Those Lands... Have Been Tatar and Mordovian Since Ancient Times": Factor of Votchina Estates in the Migration Processes of the Tatars of Meshchera Uyezds, *Tugan Jir: Regional History Journal*. 2021, no. 3, pp. 14–27. (In Russian)

Akchurin M.M., Belyakov A.V. Votchinas as a Legacy of Horde Statehood: Case Study of the Meshchera Uyezds Documents in the 16th – 17th Centuries. *Golden Horde Heritage: Proceedings of the VI International Golden Horde Forum*. Iss. 3. Kazan, 2019. Pp. 56–68. (In Russian)

Gabdullin I.R. *From Service Tatars to the Tatar Nobility*. Moscow: R.Sh. Kudashev Publ., 2006. 317 p. (In Russian)

Geraklitov A.A. *History of the Saratov Region in the 16th–18th Centuries*. Saratov: Drukar Publ., 1923. 376 p. (In Russian)

Geraklitov A.A. *Saratov Mordvins: On the History of Mordovian Colonization in the Saratov Region*. Vol. 1. Saratov: Sarpoligrafprom, 1926. 22 p. (In Russian)

Zyuzin F.M., Alyushev R.Kh. *History of the Tatars of the Penza Region*. Vol. 2. St. Petersburg: SPbSUE Publ., 2021. 412 p. (In Russian)

Mizis Yu.A. Wild-Hive Beekeeping Grounds as a Form of Settlement and Development of the South Russian Frontier in the 16th – 17th Centuries. *Tambov University Reports. Series: Humanities*. 2013, no. 10(126), pp. 80–85. (In Russian)

Poluboyarov M.S. *Entire Penza Region: Historical and Topographical Description of the Penza Oblast*. Moscow: SAM Poligrafist, 2016. 813 p. (In Russian)

Poluboyarov M.S. *Antiquities of the Penza Region in the Mirror of Toponymy*. Moscow: FON Publ., 2010. 224 p. (In Russian)

Golombievsky A.A. Petrovsky Uyezd According to the Census Books of 1723–1725 and the General Revision of 1744–1747. *Proceedings of the Saratov Academic Archival Commission*. Vol. 2. Iss. 2. Saratov, 1890. Pp. 252–258. (In Russian)

Khabibullin A.A. *Sulyaevka in the Land of Springs: History of a Tatar Village*. Saratov: Nauka Publ., 2020. 380 p. (In Russian)

Khabibullin A.A. *Yakovlevka (Yankya Oz) on the Uza River: History of a Tatar Village*. Saratov: Nauka Publ., 2024. 482 p. (In Russian)

Khvoshchev A.L. *Essays on the History of the Penza Region: With an Ethnographical Map, Two Historical Maps of the Penza Region, and a Plan of the Town of Penza of the 18th Century*. Penza: State Publ., Penza Branch, 1922. 150 p. (In Russian)

Khovansky N.F. *Landowners and Peasants of the Saratov Governorate*. Saratov, 1911. 190 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Хабибуллин Артур Ахатович – кандидат исторических наук, директор медресе «Шейх Саид» Духовного управления мусульман Саратовской области (Саратов, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0000-7565-3506>; e-mail: Ali.xabibullin@yandex.ru

About the author:

Artur A. Khabibullin – Cand. Sci. (history), Director of the Sheikh Said Madrasah of the Spiritual Administration of Muslims of the Saratov Region (Saratov, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0000-7565-3506>; e-mail: Ali.xabibullin@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 20.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 15.02.2026

Принята к публикации / Accepted 11.03.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH ARTICLE

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.30-53>

Сотник Уральского казачьего войска Кунаковсков в Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 годов

А.М. Дубовиков

Поволжский государственный университет сервиса

Тольятти, Российская Федерация

alex@dubovikov@yandex.ru

Резюме. Офицер Уральского казачьего войска, сотник Кунаковсков – участник Ахалтекинской военной кампании 1880–1881 гг., героически погибший во время штурма главной текинской твердыни – крепости Геок-Тепе. Но и до штурма этой крепости Кунаковсков не раз отличался в ходе той кампании. Самым ярким таким примером является проведенное под покровом ночи измерение расстояния до рва у вражеской крепости и далее – до ее стен с целью определения длины будущей подземной галереи и установки порохового заряда. К сожалению, в связи с безвозвратной утерей Архива Уральского казачьего войска, уже не представляется возможным восстановить ни биографические данные этого уральского казака-офицера, ни его послужной список. Так как его фамилия очень редкая, и она не относится к числу распространенных в Уральском войске казачьих фамилий, в землях бывшего Уральского казачьего войска не удалось отыскать ни его потомков, ни потомков его родственников, ни даже однофамильцев. Все, что о нем известно, это небольшие фрагменты из статей и книг, содержащих информацию об Ахалтекинской кампании и написанных, как правило, офицерами из числа ее участников, из которых только один описал, хотя и очень кратко, уральского сотника – его внешность, характер и склонности. Остальные упоминали только лишь его деятельность, связанную с выполнением боевых задач. Но и эти сведения довольно разнообразны и противоречивы; детали тех же замеров, произведенных Кунаковсковым, у разных авторов описаны по-разному. В статье представлены сведения разных авторов о Кунаковскове, а также проведен анализ этих данных.

Ключевые слова: сотник Кунаковсков; Ахалтекинская военная кампания; взятие Геок-Тепе; уральское казачество; капитан А.Н. Маслов; подполковник А.Л. Гуляев; полковник Н.Йомудский

Для цитирования: Дубовиков А.М. Сотник Уральского казачьего войска Кунаковсков в Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 годов. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 1. С.30–53.

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.30-53>

Sotnik of the Ural Cossack Host Kunakovskov
in the Akhal-Teke Expedition of 1880–1881

A.M. Dubovikov

Volga Region State University of Service

Tolyatti, Russian Federation

alex.dubovikov@yandex.ru

Abstract. An officer of the Ural Cossack Host, Sotnik Kunakovskov was a participant of the Akhal-Teke military campaign of 1880–1881, who heroically died during the storming of the main Teke stronghold – the fortress of Geok Tepe. Even before the storming of this fortress, Kunakovskov distinguished himself more than once during that campaign. The most striking such example is the measurement of the distance to the ditch at the enemy fortress and further – to its walls, carried out under the cover of night, in order to determine the length of the future underground gallery and install a powder charge. Unfortunately, due to the irrevocable loss of the Archive of the Ural Cossack Host, it is no longer possible to restore either the biographical data of this Ural Cossack officer or his service record. Since his surname is very rare and does not belong to the common Cossack surnames in the Ural Host, it was not possible to find his descendants, descendants of his relatives, or even namesakes in the lands of the former Ural Cossack Host. All that is known about him are small fragments from articles and books containing information about the Akhal-Teke campaign and written, as a rule, by officers from among its participants, of whom only one described, although very briefly, the Ural Sotnik – his appearance, character, and inclinations. The others mentioned only his activities related to the performance of combat missions. But even this information is quite diverse and contradictory; the details of the same measurements made by Kunakovskov are described differently by different authors. The article presents information from various authors about Kunakovskov, as well as an analysis of these data.

Keywords: Sotnik Kunakovskov; Akhal-Teke Military Campaign; Capture of Geok Tepe; Ural Cossacks; Captain A.N. Maslov; Lieutenant Colonel A.L. Gulyaev; Colonel N. Yomudskiy

For citation: Dubovikov A.M. Sotnik of the Ural Cossack Host Kunakovskov in the Akhal-Teke Expedition of 1880–1881. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 1, pp. 30–53.

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.30-53> (In Russian)

Ахалтекинская экспедиция 1880–1881 гг. была продолжением неудачно завершившейся экспедиции 1879 г. По словам офицера А.В. Верещагина, следствием той неудачи было «страшное поколебание» престижа России (Верещагин, 1900, с. 112).

Были и другие негативные последствия – потери убитыми и ранеными, захват текинцами большого количества самого современного на тот

момент стрелкового оружия (своего текинцы либо не имели, либо имели ружья очень старого образца) и прочее.

Рассказывая о той кампании, авторы называют главную твердыню текинцев – то «Геок-тепе», то «Денгиль-тепе», но какое из двух названий следует считать правильным? Поначалу это были разные объекты, затем – один и тот же. Денгиль-Тепе – это название холма. Большинство авторов считали, что это – священное для текинцев место, где захоронен какой-то потомок пророка Мухаммеда. Но некоторые, например – полковник Сполатбог, так не считали, полагая, что территория, на которой находился холм, ранее была под властью персов, которых прогнали текинцы, а для последних это был лишь холм (Сполатбог, 1884, с. 2).

Текинцы, зная, что русские готовятся к войне, решили перенести свое главное укрепление – Геок-Тепе на более удобное место. Так новое укрепление было возведено неподалеку, вокруг холма Денгиль-тепе, однако оказалось, что не только лучше защищено, но, в отличие от прежнего, которое можно было легко отрезать от воды, на его территории имелось достаточное число колодцев. Это позволило бы выдерживать осаду, не испытывая проблем с водой. Холм оказался в северо-западной части нового укрепления, названного, как и прежде, «Геок-Тепе», отчего авторы используют оба названия – как «Геок-тепе», так и «Денгиль-тепе». Старое укрепление также сохранилось и по-русски стало называться «Старое Геок-тепе» (Гродеков, 1883, с. 150–151). Про Геок-Тепе Верещагин пишет, что его стены «глинобитные, сажени 3–4 вышиной, да почти такой же и толщины в основании» (Верещагин, 1900, с. 129–130).

Новую Ахалтекинскую кампанию возглавил М.Д. Скобелев, сменивший Н.П. Ломакина. Наряду с войсками Закаспийской области, подчиненными кавказскому ведомству, он решил перебросить с Кавказа дополнительные формирования. Также он желал использовать войска Туркестанского округа, с которыми участвовал в среднеазиатских кампаниях и в недавней Русско-турецкой войне, боевые качества которых он высоко ценил. Как писал Н.И. Гродеков, Михаил Дмитриевич «настойчиво повел дело о привлечении к участию в военных действиях Туркестанских войск», дабы те «опять имели бы случай показать себя» (Гродеков, 1883, с. 101, 102).

Весной 1879 г. путем расформирования двух сводных казачьих полков (Уральско-Оренбургских № 4 и № 5) были образованы два полка. Одним из них стал 2-й Уральский казачий полк, расквартированный в Самарканде, который возглавил полковник Петр Северьянович Хорошхин. В мае 1880 г. для следования в Петро-Александровск из состава того полка были выделены сотни № 4, 5, 6, которые возглавил подполковник Александр Лазаревич Гуляев (как и командир полка – «природный» уральский казак) (Гуляев, 1882, с. 3).

Проходя через земли Бухарского эмирата, не так давно ставшего русским протекторатом, казачий дивизион Гуляева повсюду встречал теплый прием (Гуляев, 1882, с. 5–8). Далее путь проходил через бывшие владения

хивинского хана, семью годами ранее также покоренного русскими, хотя хивинцы, в отличие от бухарцев, не казались такими же приветливыми в отношении русских.

Возле Петро-Александровска, куда прибыл дивизион Гуляева, находился Уральский поселок, названный так, потому что его жителями были ссыльные уральские казаки, отказавшиеся принять новое положение об устройстве их войска, а также их семьи. Для ссыльных они устроились неплохо; как отмечал Гуляев, у многих «заметно было в домах полное довольство» (Гуляев, 1882, с. 14).

В Петро-Александровске располагался штаб Амударьинского отдела, при этом местный гарнизон насчитывал два пехотных батальона, но значительная (или большая) часть их состава постоянно отсутствовала, находясь в командировках (Гуляев, 1882, с. 12–14). Чтобы как-то помочь местному гарнизону, из дивизиона Гуляева были выведены две сотни – 4-я и 6-я. Первую отправили в Нукус, вторую – на охрану экспедиции генерала Глуховского¹, исследующей Узбой (старое русло Амударьи) (Гуляев, 1882, с. 19). 5-я уральская сотня, объединившись с прибывшей в Петро-Александровское укрепление сотней оренбургских казаков, вошла в сводный казачий эскадрон Гуляева.

Примерно тогда же вышел приказ о создании «Туркестанского отряда», в состав которого, наряду с эскадроном Гуляева, были включены три пехотных роты, оренбургский казачий ракетный взвод и музыканты. Его начальником был назначен полковник Куропаткин, который должен был вскоре прибыть в Петро-Александровск (Гуляев, 1882, с. 21–22).

В 1882–1883 гг. в пяти номерах «Военного сборника» выходила статья об Ахалтекинской кампании, автор которой публиковался как «капитан Муравцев» (Капитан Муравцев, 1882; Капитан Муравцев, 1882а; Капитан Муравцев, 1882б; Капитан Муравцев, 1882в; Капитан Муравцев, 1883). Учитывая описанные автором события и их детали, а также то, что капитана с такой фамилией в отряде не было, можно легко догадаться, что автор – не кто иной, как адъютант Куропаткина, капитан Муромцев. В его статье указана точная численность, как всего отряда Куропаткина, так и казачьего эскадрона Гуляева, а именно: два штаб-офицера (вышеупомянутый подполковник Александр Лазаревич Гуляев² и войсковой старшина Георгий Осипович Бородин³), три обер-офицера, 17 урядников, 3 трубача,

¹ Очевидно, Гуляев имел в виду Александра Ивановича Глуховского (1838–1912), активного участника среднеазиатских кампаний; в 1879–1883 гг. – начальник экспедиции по исследованию Узбоя.

² За отличия в той кампании получил ряд наград, в том числе – золотую шапку с надписью «За храбрость» и персидский орден Льва и Солнца.

³ За участие в той кампании был награжден золотым оружием. Выше уже отмечалось, что в 1884 г. чин войскового старшины стал соответствовать упраздненному у казаков подполковнику; до этого он соответствовал армейскому майору, тогда же упраздненному в регулярных частях.

116 рядовых, а также 5 нестроевых – всего 146 уральских казаков (Капитан Муравцев, 1882, с. 161). Гуляев возглавил сводный эскадрон, Бородин – его уральскую сотню. Один из трех обер-офицеров был помощником командира, двое остальных (один из них – Кунаковсков) были командирами уральских казачьих полусотен. Общая же численность отряда составила 849 человек; кроме уральских казаков, это были оренбургские казаки, пехота и музыканты (Капитан Муравцев, 1882, с. 168).

Путь отряда Куропаткина лежал в направлении аула Бами, близ которого, согласно плану, должно было произойти соединение «туркестанцев» и «кавказцев». Из-за приближения русских аул был брошен текинцами, пожелавшими укрыться в своей главной твердыне – крепости Геок-Тепе.

Путь подопечных Куропаткина был сложным и опасным. Встреча с «кавказцами» едва не закончилась «дружественным огнем». Обнаружив вдали всадников в мохнатых черных папах, «туркестанские» разъезды донесли Куропаткину, что обнаружили текинцев, стремящихся обойти его отряд и ударить с фланга. Полковник отправил сотню казаков с ракетными установками навстречу противнику, дабы первыми атаковать его. Тут впервые всплыла фамилия Кунаковскова, сотника Уральского казачьего войска, ринувшегося в атаку во главе сотенного авангарда. Вскоре авангард вернулся, и сотник сообщил, что это не текинцы, а «кавказцы».

Во многом эта неразбериха произошла оттого, что посланный Скобелевым для встречи Куропаткина отряд состоял из дагестанцев князя Эристова⁴, которые своей одеждой и внешним видом очень походили на текинцев. Кавказцы, по признанию Эристова, тоже сначала не признали туркестанцев, начав приготовления к атаке (Гуляев, 1882, с. 29).

Через несколько дней Туркестанский отряд предстал перед Скобелевым (Капитан Муравцев, 1882а, с. 361). Произошло это близ бывшего аула Егян-Батыр-кала, с приходом русских ставшего Самурским укреплением. Новое название Егян-Батыр-кала получил в честь ранее сформированного на Кавказе (в ходе войны с горцами) Самурского полка, роты которого также участвовали в той кампании. Бывшие укрепления («калы») и аулы, брошенные текинцами, стали опорными пунктами, которым дали новые названия: Полтавским укреплением стал бывший аул Арчман, Оренбургским – бывший Дурун, Крымским – бывшее Келете и т.п. (Гродеков, 1883, с. 136).

На всем пути следования русский отряд постоянно подвергался набегам текинцев, у которых были превосходными не только лошади, но и сабли из дамасской стали, хотя с огнестрельным оружием были серьезные проблемы.

⁴ Очевидно, Гуляев имел в виду полковника Давида Евстафьевича Эристова (Эристави-Ксанского) (1843–1910), командира 1-го Полтавского конного полка Кубанского казачьего войска, участника Ахалтекинской кампании.

Некоторые калы близ Геок-Тепе приходилось брать штурмом, встречая при этом упорное сопротивление. Всем им тоже давали русские названия; так появились калы Ольгинская, Великопетровская и др.

Наиболее упорное сопротивление противник оказал при штурме Янги-калы. Перед штурмом рекогносцировку ее окрестностей проводили казаки Уральской и Оренбургской сотен с казаками Кавказа – тремя сотнями и одним взводом (лабинцами, полтавцами и саманцами), под руководством лично Скобелева, кроме которого участниками рекогносцировки были еще три генерала – Анненков, Петрусеви́ч и Гродеков (Терентьев, 1906, с. 150). Этот факт наглядно свидетельствует не только о важности того мероприятия, но и о доверии со стороны генералов в отношении эскадрона Гуляева, включая уральцев и их офицеров.

Вскоре после рекогносцировки последовал штурм Янги-калы. Полковник Куропаткин возглавил колонну, в которую наряду с пехотой и артиллерией вошел эскадрон Гуляева. Часть казаков, спешившись и укрывшись в канаве, прикрывала пехоту огнем. Вторая часть вела огонь, двигаясь пешим строем. Третья часть, в составе полусотни, участвовала в захвате холмов и установке на них батареи, начавшей обстрел аула. Спустя какое-то время все казаки Гуляева включились в атаку, а затем, уже верхом атаковали правый фланг «калы», стремясь окружить противника (Капитан Муравцев, 1882а, с. 363–366). «Муравцев» (капитан Муромцев) не забыл отметить Кунаковскова. Он пишет, что при «наступлении кавалерии на разрушенные постройки» уральский сотник сумел оказать ей «большое содействие» (Капитан Муравцев, 1882а, с. 367).

Конечно же, не забыл отметить своих офицеров, включая Кунаковскова, и Гуляев. Вот описанный им фрагмент штурма Янги-калы: «Взвод оренбуржцев, бывший в авангарде дивизиона, вскоре начал перестрелку с конными текинцами, и я на смену авангарда вызвал от дивизиона отборных наездников с сотниками Кунаковсковым и Смирновым. Неприятельские всадники начали постепенно отходить к кишлаку, где засела их пехота, открывшая вскоре по дивизиону сильный огонь... Сотнику Буренину приказано было отвести всех коноводов за сферу выстрелов; войсковой старшина Бородин назначен был идти с Уральской сотней в цепь, куда придана была и половина Оренбургской сотни» (Гуляев, 1882, с. 38).

Все уральские офицеры показали высокое боевое мастерство, успешно выполнив поставленную задачу и не потеряв ни одного казака (лишь один получил ранение (Капитан Муравцев, 1882а, с. 368).

Спустя трое суток (23 декабря 1880 г.) произошел очередной крупный бой, в ходе которого погибли несколько офицеров (в основном – из Кавказского отряда) и десятки нижних чинов. «Туркестанцам» осторожный Куропаткин велел начать отход, но подоспевший Скобелев увлек их в контрнаступление своим личным примером, после чего русские заняли прежние позиции. Дивизион Гуляева в том бою потерь не понес (Гуляев, 1882, с. 43–45). К сожалению, тогда из ворот Геок-Тепе неожиданно вырвался конный

отряд, в бою с которым погибли около 70 человек, включая двух офицеров и генерала Петрусевича (Капитан Муравцев, 1882а, с. 374–376).

Сразу после этого началась непосредственная осада Геок-Тепе; активно приступив к осадным работам, русские рыли окопы, строили редуты, а в самом начале января приступили к рытью «мин» (так раньше называли подземные траншеи для закладки пороховых зарядов с целью подрыва части крепостной стены). При этом текинцы не раз совершали вылазки, порой наносившие русским серьезный урон.

В ночь на 28 декабря противник предпринял самую крупную вылазку, в которой приняли участие до 10 тысяч текинцев. Тогда погибли 86 нижних чинов и 6 офицеров, включая князей-кавказцев, подполковников Магалова и Мамацева. Основную же массу погибших составили солдаты и офицеры Апшеронского батальона (а также их врач), первыми подвергшиеся атаке – 4 офицера и 74 нижних чина. Урон, нанесенный текинцами русским, на некоторое время вызвал у них падение боевого духа (Капитан Муравцев, 1882б, с. 174–181). Однако эта вылазка заставила русских сделать правильные выводы, дабы не допустить ничего подобного в дальнейшем.

Вдохновленные успехом, текинцы еще несколько раз совершали вылазки, но таких, как та, что была в ночь на 28 декабря, больше не было. Тем не менее, их итогом стала потеря русскими около ста человек убитыми и ранеными, а также одного орудия. Наиболее удачной среди последующих вылазок текинцев была третья, а самой неудачной – четвертая, как, впрочем, и пятая (последняя, 6 января 1881 г.) (Капитан Муравцев, 1882б, с. 191–192; Капитан Муравцев, 1882в, с. 298–299; Капитан Муравцев, 1883, с. 151–152).

После всех этих вылазок пространство перед крепостью было завалено трупами текинцев, начавшими разлагаться, исторгая вокруг зловоние. Тогда пришлось объявить короткое перемирие, во время которого шли переговоры с текинцами по поводу уборки трупов.

Штабс-капитан Черняк⁵, как один из тех, кто, наряду с другими офицерами-саперами (капитаном Масловым и подполковником Рутковским) руководил «минными работами» (рытьем подкопа под крепостную стену с последующей закладкой порохового заряда), упомянул Кунаковскова лишь единожды. Но при этом он был единственным автором, сообщившим об участии уральского сотника в переговорах по поводу уборки трупов в качестве одного из двух парламентариев. По этому поводу Черняк отметил, что текинцам «предложили выслать кого-либо для переговоров к траверсу, и когда было получено на это согласие, то к вышедшему Тыкмасардарю с двумя другими текинцами с нашей стороны отправился пол-

⁵ К сожалению, установить его имя и отчество не удалось. В своей первой статье (об Ахалтекинской кампании 1879 г.) он представился как «штабс-капитан Черняк», во второй своей статье (о кампании 1880–1881 гг.) – как «А. Черняк». Пока не удалось обнаружить какие-либо другие данные об этом офицере.

ковник Йомудский с сотником Кунаковским. Цель переговоров, ... предложить текинцам убрать трупы их сотоварищей» (Черняк, 1889, с. 459).

Возможно, Черняк упомянул бы Кунаковскова не один раз, если бы довел свой рассказ хотя бы до взятия Геок-Тепе, в ходе которого погибли несколько офицеров, включая Кунаковскова. Но саперный офицер закончил свое повествование на прогремевшем взрыве стены, удачное производство которого было главной и фактически единственной задачей саперов. В предпоследнем абзаце своей статьи он указал, что «по земле прошла чувствительная волна, в воздух грузно поднялась масса обломков стены и пыли, и минная брешь открыла войскам 15-саженной ширины вход в крепость». Небольшой последний абзац содержит хвалебные слова, как в адрес русских, которые «не остановятся перед решением поставленной задачи», так и в адрес текинцев, чье упорное сопротивление доказало, что «не в магазинном ружье, а в человеке сосредоточено главное боевое могущество» (Черняк, 1889, с. 462).

Упоминание о переговорах об уборке трупов присутствует и у других авторов, однако предоставляемая ими информация порой имеет существенные различия. Так, бывший гардемарин Майер назвал полковника Йомудского «подполковником», притом «Гомудским», занимавшим в отряде Скобелева всего лишь должность переводчика: «Подполковник Гомудский, главный переводчик штаба, вышел из траншеи и вступил в беседу с двумя старшинами» (Майер, 1886, с. 225). Однако уже через пару страниц Майер назвал «Гомудского» полковником: «Наш переводчик, полковник Гомудский, разговаривавший со старшинами, медленно возвращался к своим траншеям» (Майер, 1886, с. 227).

Назвал Йомудского подполковником и Терентьев, также слегка исказив при этом его фамилию («подполковнику Юмудскому, командированному в Охотничью для выслушивания разговоров в крепости, приказано было прокричать текинцам, чтобы они прекратили огонь») (Терентьев, 1906, с. 183). Речь о «выслушивании разговоров» тут не случайна; этим Терентьев хотел показать свободное владение Йомудского языком туркмен (текинцев), являвшихся его соплеменниками. Далее Терентьев зачем-то утверждает, что «Скобелев выслал ... офицеров с переводчиками для переговоров» (Терентьев, 1906, с. 184).

Фамилия Йомудского однозначно указывает на его этническую принадлежность. Йомуды – одно из наиболее крупных туркменских племен. В ту пору нередко офицерам, имевшим инородческое происхождение, давали фамилии, или прибавки к фамилиям, указывающие на него. Например, прапорщик Алиханов-Аварский⁶, прапорщик Абадзиев⁷ (ординарец Скобе-

⁶ В 1875 г. майор Алиханов-Аварский был разжалован в рядовые; рядовым принял участие в Ахалтекинской экспедиции 1879 г.; в 1880–1881 гг. был в чине прапорщика.

⁷ То есть представитель северокавказского племени абадзехов.

лева (Щербак, 1900, с. 148)) и т.д. Неслучайно другой участник той кампании, полковник К.К. Гейнс, в своей книге, посвященной Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг., привел следующие строки о Йомудском: «Майор Йомудский, служащий в 12-м Белгородском уланском полку, был приглашен в эту экспедицию, как йомуд родом, знакомый с обычаями и языком народа, и как имеющий влияние на своих соотечичей» (Гейнс, 1882, с. 59).

Гейнс, еще больше, чем прочие авторы, понизил Йомудского в чине, назвав майором, хотя и правильно указал фамилию: «Майор Йомудский, получив приказание вступить в переговоры с текинцами относительно уборки тел, из траншеи стал выкликать текинцев с предложением прекратить огонь и выслать людей для переговоров» (Гейнс, 1882, с. 58). Между тем, биография Йомудского хорошо известна⁸.

И ни у кого из упомянутых выше авторов нет ни слова о втором офицере-парламентере. Напротив, анонимный автор, представившийся как «В.Н.Г.», определив число русских парламентаров тремя человеками, не назвал при этом ни одной фамилии: «С обеих сторон вышло по три депутата: они уселись по-восточному на нейтральной почве и завязали переговоры. Последние не привели ни к чему: текинцы отвечали отказом на предложения и о сдаче аула, и об уборке тел» (В.Н.Г., 1888, с. 417). Маслов, упоминая эти переговоры, так же, как и автор-аноним, называет трех человек, но, кроме Йомудского, которого, как и Терентьев, назвал Юмудским, не упомянул никаких других имен: «Для переговоров должны были выйти с обеих сторон на середину, против правого угла редута, по три человека. С нашей стороны вышел Юмудский с двумя конвойными» (Маслов, 1882, с. 105). Ранее Маслов назвал Йомудского подполковником: «В час пополудни явился на Ширванский редут подполковник Юмудский (родом туркмен)» (Маслов, 1882, с. 104). Щербак определил численность русской делегации, посланной на переговоры в несколько человек, не забыв упомянуть Йомудского, указав лишь его фамилию, но, как и Гейнс, назвав его майором: «Для переговоров с неприятелем отправился майор Йомудский, знавший хорошо их язык, так как был сам родом туркмен. Кроме его, отправилось несколько других офицеров с переводчиками» (Щербак, 1900, с. 156).

Прежде чем начать «минные работы», следовало измерить расстояние до крепостного рва и от рва до стены, включая ширину и высоту рва. Сле-

⁸ Николай (Аннамухаммед) Йомудский был самым младшим сыном, родившимся уже у престарелого отца, некоего Кията, представителя туркменской знати из племени йомудов. В 1844–1848 гг. он получал военное образование на офицерских курсах при Каменец-Подольском уланском полку, после чего 30 лет прослужил в 12-м Белгородском уланском полку, как верно указал Гейнс, а затем продолжил службу в Закаспийском округе в чине полковника. Ранее он принимал участие в Крымской (1853–1856) и Русско-турецкой (1877–1878) войнах. Его сын, Николай Николаевич, вышел в отставку в 1910 г. в чине подполковника. Другой сын, Иван Николаевич, погиб в Первую мировую войну.

лать это вызвался сотник Кунаковсков. После наступления ранней декабрьской темноты, он провел разведку, совершив необходимые замеры. История с этими замерами, как и личность самого сотника, вызывает ряд вопросов.

Выполнять поставленную задачу ему пришлось не один раз. При этом каждый раз у него были помощники. Однако у авторов, описывавших этот подвиг, присутствуют расхождения. Гуляев в своей книге об Ахалтекинской кампании пишет, что Кунаковсков делал свои замеры трижды, называя его помощниками двух человек: унтер-офицера 13-го Туркестанского линейного батальона Константинова и уральского казака Тетикова (Гуляев, 1882, с. 56–57).

Гродеков, также являясь участником той кампании, сообщил, что сотник Кунаковсков подбирался к стенам Геок-Тепе дважды, не забыв упомянуть тех же двух его помощников: «Первый раз с сотником Кунаковским отправился охотником унтер-офицер 13-го Туркестанского линейного батальона Наум Константинов, а в другой раз казак Уральского войска Сафрон Тетиков» (Гродеков, 1883, с. 260).

Точно такие же данные привел и анонимный автор небольшой брошюры об Ахалтекинской экспедиции: «В эту ночь (на 5-е число) сотник Уральского войска Кунаковский, вызвался охотником измерить неприятельский ров, который только что перед тем был занят большими массами неприятеля». Далее он сообщает о повторном измерении, проведенном после завершения первого измерения: «Окончив измерение рва, офицер этот послан был с тесьмою (меркою) для точного измерения расстояния от передовых ложементов перед “Охотничьей” калою, до крепостного рва» (Осада, 1882, с. 34). Помощники сотника у автора те же, что и у Гродекова: «В первый раз с сотником Кунаковским ходил охотником унтер-офицер 13-го туркестанского линейного батальона Наум Константинов, а в другой раз – казак Уральского войска Сафрон Тетиков» (Осада, 1882, с. 34). Можно предположить, что анонимный автор позаимствовал эту информацию у Гродекова, однако его брошюра вышла годом ранее книги генерала (ее 3-го тома). Вторично Кунаковсков в его работе упоминается только в числе четырех офицеров, погибших при штурме (Осада, 1882, с. 48).

О двух произведенных замерах писал и другой участник той кампании, Константин Константинович Гейнс, в ту пору – полковник. Но его версия довольно оригинальна. Согласно ей, второй замер проводился вообще без Кунаковскова, но с участием его бывшего помощника.

Гейнс полагает, что первый замер уральский сотник Кунаковсков произвел вместе с унтер-офицером Константиновым: «В эту ночь решено было начать минную галерею; отметили место, приняли направление, оставалось узнать расстояние от крепости и измерить ров; вызвали для этого охотников: сотник Уральского казачьего войска Кунаковский и унтер-

офицер Туркестанского линейного батальона Константинов взялись исполнить желаемое и вышли из редута» (Гейнс, 1882, с. 54).

Вторичные замеры, согласно Гейнсу, производил тот же Константинов, а с ним какой-то уральский казак, имя которого полковник вообще не указал. Якобы дело в том, что в первом случае Кунаковсков измерял расстояние, считая шаги, но для более точных данных пришлось использовать тесьму. «Когда все притихло, тот же Константинов и казак Уральского войска, узнав, что необходимо иметь точный промер, вызвались вторично сделать измерение тесьмою; предприятие кончилось также счастливо», – пишет Гейнс (Гейнс, 1882, с. 54).

Та же причина повторного измерения (необходимость использовать тесьму) упоминается и у других авторов. Например, у М.А. Терентьева. Еще в перечне тем главы IX его книги имеется такой пункт: «Сотник Кунаковский измеряет дважды ров крепости» (Терентьев, 1906, с. IV). Но Терентьев считает, что первичные измерения велись не путем подсчета шагов, а путем завязывания узлов на веревке: «Готовясь к минной войне, решено было измерить расстояние от Ширванского редута до рва и самый ров. Это исполнил сотник уралец Кунаковский, вызвавшийся охотником. Закрепив конец веревки в редуте, он пробежал до рва с другим концом, завязал узел, где веревка дошла до края рва, затем спустился в ров, смерил глубину, завязал другой узел, наконец, перешел ров, вытянул веревку до стены и завязал третий узел» (Терентьев, 1906, с. 180–181).

Что касается нового измерения, то тут Терентьев, как и Гейнс, как и анонимный автор брошюры «Осада и штурм текинской крепости...», упомянул про тесьму: «Инженеры нашли, однако, что отметка узлом недостаточно точна, и надо бы измерять не от редута, а от овальной траншеи, и потому сотник отправился вторично уже с тесьмою» (Терентьев, 1906, с. 181). Нетрудно заметить, что и в первом, и во втором случае генерал не упомянул никого, кроме самого сотника Кунаковского. Кроме того, никто из авторов, кроме Гейнса, не считает, что такие измерения могли проводиться без офицера, в данном случае – без Кунаковского.

Кстати, капитан Маслов, рассказывая о производстве первого замера, тоже пишет, что он производился не путем подсчета шагов, а путем вязания узлов на веревке (Маслов, 1882, с. 102).

А вот что по этому поводу пишет «капитан Муравцев» (капитан Муромцев), ссылаясь на «Журнал военных действий Туркестанского отряда»: «На этот подвиг вызвался из Туркестанского дивизиона сотник Уральского казачьего войска Кунаковский. Пользуясь темнотою и нерешительностью неприятеля, он с тремя спутниками (уральский казак Тетеков и два стрелка 13-го Туркестанского батальона, из коих один – унтер-офицер Наум Константинов) вышел из Ширванского редута, и, несмотря на не прекращавшийся огонь с крепости, благополучно измерив расстояние, добрался до рва, четыре раза спускался в него для измерения глубины, и затем тем же путем вернулся в Ширванский редут» (Капитан Муравцев, 1883, с. 150).

О трех спутниках Кунаковскова пишет и Куропаткин: «Кунаковский, с тремя нижними чинами, измерил благополучно расстояние до рва крепости» (также полагая, что замеры производились только один раз) (Куропаткин, 1899, с. 187).

Еще более эту историю запутал и сам Кунаковсков. В беседе с капитаном Масловым, офицером-сапером (как позже вспоминал сам Маслов), сотник сказал, что делал замеры вместе со своими казаками-земляками, не уточнив при этом, сколько раз они это проделали. На вопрос: «С кем Вы ходили?», он ответил: «Да с моими же уральцами». А на вопрос об оренбуржцах он пояснил, что те не пошли, «потому что они какие-то никудашники» (Маслов, 1882, с. 102–103). Такое мнение Маслов не разделял, считая оренбуржцев тоже хорошими казаками, которые не приняли участие в замерах лишь потому, что их не пригласили (Маслов, 1882, с. 103).

Не раскрывая никаких деталей о первой вылазке, Маслов пишет, что Кунаковсков был с двумя уральскими казаками: «Плану, снятому топографом еще из первой параллели, не вполне доверяли, да и, наконец, требовалась точность, Кунаковский, узнав об этом, взялся измерить расстояние до рва, и, получив на это согласие Куропаткина, прополз туда вечером с двумя казаками и веревкой, измерил расстояние, сделав на ней заметку» (Маслов, 1882, с. 102). Видимо, капитан Маслов поверил рассказу сотника, не пытаясь уточнять детали, касающиеся его помощников.

Кроме того, Маслов отметил присущие всем казакам-уральцам, включая и самого Кунаковскова, амбиции, которыми можно объяснить приведенные выше ответы сотника. «Уральцы – народ гордый, и только себя считают настоящими казаками», – пишет капитан (Маслов, 1882, с. 103). К такому выводу он пришел, пообщавшись не только с Кунаковсковым, но и с прочими его земляками. Надо признать, что такая оценка – отнюдь не плод субъективизма Маслова; подобные заключения можно обнаружить и у других авторов – участников той кампании, в ходе которой им приходилось иметь дело с уральцами. К их числу можно отнести, например, поручика П.П. Калитина. Этот офицер одного из туркестанских батальонов отметил, что уральские казаки ценят себя выше, чем кого-либо, включая казаков других войск, что «они очень гордятся своим происхождением и считают себя умнее и выше всех на свете; в словах уральца, когда он говорит с вами, всегда проскальзывает некоторая ирония и сарказм, приправленные их природным юмором» (Калитин, 1890, с. 106).

В то время как Маслов, отмечая превосходство уральских казаков над оренбургскими, ограничивался лишь рамками эскадрона Гуляева, в котором присутствовали, как те, так и другие, Калитин смотрел шире. Поручик считал всех уральцев обладателями более высоких боевых и моральных качеств, чем оренбуржцев. «Потомки московских стрельцов и разного вольного люда, когда-то заброшенные на Урал, уральцы в течение веков, живя бок о бок с номадами, ведя с ними непрестанную войну, и, производя малые и большие степные набеги, усвоили себе их привычки и сноров-

ки, и сделались незаменимыми в степных походах», – так Калитин объяснял свою позицию (Калитин, 1890, с. 105). Иную оценку поручик дал оренбургским казакам: «Противоположность уральцам составляют оренбургцы, хотя они хорошие служаки, опытности и сноровки уральцев у них нет, большинство из них – крестьяне-пахари, давно переименованные в казаки; им негде было воспитывать в себе ту широкую самобытность, какою отличаются уральцы, и, кроме того, вся их жизнь сложилась при совершенно других условиях» (Калитин, 1890, с. 106).

Что же касается контингента участников Ахалтекинской кампании, то уральские казаки, оказавшиеся в эскадроне Гуляева, действительно, были намного опытнее своих оренбургских сослуживцев. Причиной тому была сохранявшаяся в Уральском войске «наемка» – возможность выхода на службу «охотников» вместо очередников, благодаря чему основная масса уральских казаков в отряде Гуляева была представлена именно охотниками, уже имеющими богатый боевой опыт, приобретенный в Средней Азии и на Балканах. За внеочередной выход на службу охотник получал, как денежную «подмогу», так и возможность пожить трофеями в случае успешных действий.

В остальных «старинных» казачьих войсках наемка уже была упразднена, а в «новых» войсках (включая Оренбургское) ее не было изначально. Кроме того, для многих охотников боевые походы были естественным и основным способом существования, вне которого они себя не могли представить. По этому поводу Калитин писал: «Лошади у оренбургцев значительно хуже, а люди очень молоды... Уральская сотня – красавцы на подбор, бороды окладистые, народ крупный и плечистый, все смотрят атаманами, лошади им под стать, такие же крупные и гладкие, как сами хозяева, в сотне много георгиевских кавалеров за прошлую турецкую войну» (Калитин, 1890, с. 91). Автор этих строк упомянул лошадей не зря; лошади оренбуржцев были собственностью их войска, тогда как лошади казаков уральской сотни были их собственными, благодаря чему казаки имели возможность отобрать для похода лучших.

О том же писал и Маслов, признавая превосходство уральских казаков над оренбургскими, но пока лишь в рамках подопечных подполковника Гуляева, поясняя, что «вследствие системы найма, в рядах их войска наполовину служат старые казаки, увешанные крестами, хорошо снаряженные и на добрых конях; понятно, что к оренбуржцам, где все – народ молодой, они относятся несколько свысока» (Маслов, 1882, с. 103).

По поводу измерения расстояния до крепостного рва интересные данные привел А.В. Щербак. Если верить этому военврачу, то первоначально эту задачу, по предложению Скобелева, должен был выполнить его ординарец, прапорщик Абадзиев (предположительно, с двумя осетинами). «Генерал Скобелев ... послал Абадзиева с двумя осетинами к полковнику Куропаткину еще накануне, 2-го числа, поручив Абадзиеву измерить глубину и ширину неприятельского рва», – пишет Щербак (Щербак, 1900,

с. 148). Как ни странно, Куропаткин не стал, согласно Щербак, выполнять пожелание командира отряда, поскольку ночь тогда выдалась слишком светлой, тогда как для выполнения столь опасного задания требовался покров темноты. «Благодаря светлой ночи, Куропаткин не решился отпустить Абадзиева на такое опасное предприятие и оставил его при себе, до более удобного момента», – продолжает Щербак (Щербак, 1900, с. 148). И тут, по всей видимости, нашелся «охотник» в лице Кунаковскова, однако ни его, ни капитана Гетшеля, Щербак в своей книге не упомянул.

Но вернемся к Кунаковскову. Подполковник Гуляев, непосредственный начальник сотника, пишет, что ему было поручено подготовить наградной лист для представления данного офицера к ордену Святого Георгия, так как этот орден, как награда офицерская, требовал утверждения в Петербурге: «За этот подвиг мне велено было сей час же изготовить наградный лист на Кунаковскова о награждении его орденом св. Георгия по статуту» (Гуляев, 1882, с. 56–57). Что же касается награждения Знаками Отличия Военного Ордена – наград для нижних чинов, то столичного утверждения для этого не требовалось, и оба помощника Кунаковскова – Константинов и Тетиков – получили их сразу: «Ходившие с ним охотниками 13 Турк. лин. батальона унтер-офицер Константинов и казак Уральской сотни Сафрон Тетиков получили тут же знаки военного ордена» (Гуляев, 1882, с. 57).

Гродеков, узнав о гибели Кунаковскова при штурме текинской крепости, заметил, что уральский сотник мог получить свой «Белый Крест», если бы выжил, назвав его «заслужившим 5 января право на Георгиевский крест» (Гродеков, 1883, с. 258). То есть, согласно этому автору, сотник только имел право на представление к «Георгию», тогда как Гуляев пишет о представлении как о свершившемся факте.

Гродекову вторит и «Муравцев»: «Кунаковский, заслуживший перед тем право на Георгиевский крест измерением рва, и храбрейшие казаки – Тетеков, Жигулин и Соболев – пали героями» (Капитан Муравцев, 1883, с. 292). Правда, «Муромцев-Муравцев» здесь не совсем точен: в отличие от названных им первых трех казаков, Соболев не был убит при взятии крепости Геок-Тепе, а скончался позже от полученного ранения (Гуляев, 1882, с. 70).

Более того, Гродеков, видимо, оценил подвиг Кунаковскова скромнее, чем его земляк-подполковник. Генерал пишет, что после замеров, выполненных сотником, Скобелев распорядился провести их перепроверку, и ее заново осуществил капитан Гетшель со своими помощниками (Гродеков, 1883, с. 270–272). Возможно, по этой причине ряд авторов приписали Кунаковскому трехкратное проведение замеров (или даже увеличили до трех число его спутников).

О проведении новых замеров Гетшелем пишет и М.А. Терентьев в своем известном трехтомнике «История завоевания Средней Азии», где

значится, что Гетшель тоже проделал это дважды: «Все-таки впоследствии, в ночь на 9-е число, ... чтобы не заложить пороховую камеру мимо, то это взял на себя саперный капитан Гетшель, который также два раза прошел измеряемое расстояние» (Терентьев, 1906, с. 181). Правда, генерал Терентьев (который, кстати, участником той кампании не был) справедливо полагал, что для Гетшеля, благодаря ранее выполненным саперным работам, это предприятие представляло меньшую опасность, нежели для Кунаковского: «Впрочем, это не представляло уже особенного риска, потому что для стрельбы вниз, под самую стену, текинцы не могли пользоваться бойницами, и должны были высунуться через стену, а наши стрелки только этого и ждали» (Терентьев, 1906, с.181).

Маслов, повествуя о замерах, произведенных Гетшелем, считает, что это они были повторным измерением, а не вторичное хождение Кунаковского, чьи замеры из-за поспешности их проведения начальство удовлетворительными не сочло. «Измерения Кунаковского, хотя и дали, до известной степени, возможность проверить расстояние, но, так как он пошел без ведома сапер, и не в желательном направлении, то, когда минная галерея продвинулась вперед, явилась необходимость еще раз измерить расстояние до рва; на этот раз вызвался саперный капитан Гетшель, который два раза прошел с веревкой до края рва в направлении мины», – пишет Маслов (Маслов, 1882, с. 103–104).

Вызывают вопросы и условия, в которых Кунаковский и его спутники вели свои разведывательные действия. Одни считают, что все происходило под постоянным огнем противника. Другие полагают, что Кунаковский проделал все незаметно, а если и был обнаружен противником, то только на обратном пути. «На случай необходимости выручить сотника Кунаковского была приготовлена команда в 25 человек, готовая броситься вперед. Кроме того, отборные стрелки из Ширванского редута и Овальной траншеи зорко следили за огоньками со стены крепости, и на каждый выстрел текинцев отвечали несколькими, целясь на огонь», – пишет «Муравцев» (Капитан Муравцев, 1883, с. 150).

Все эти строки «Муравцева» буквально слово в слово повторил Гродеков. Сравним их: «На случай необходимости выручить Кунаковского Куропаткин приготовил команду в 25 человек, готовую броситься вперед. Кроме того, отборные стрелки из Ширванского редута и Овальной траншеи зорко следили за огоньками со стены крепости, и на каждый выстрел текинцев отвечали несколькими, целясь на огонь» (Гродеков, 1883, с. 259). Вторые предложения совпадают полностью. В первых предложениях расстояние очень незначительное («выручить сотника Кунаковского» и «выручить Кунаковского», «была приготовлена команда в 25 человек» и «Куропаткин приготовил команду в 25 человек», «готовая броситься вперед» и «готовую броситься вперед»).

Очевидно, один автор «позаимствовал» строки другого автора. Поскольку статья Муромцева публиковалась в номерах «Военного сборника» за 1882 – начало 1883 г., а тома книги Гродекова выходили в 1883–1884 гг., можно предположить, что материалы из статьи Муромцева Гродеков мог использовать, не приводя соответствующих ссылок. С другой стороны, так как Муромцев отметил, что в своей статье он использовал «Журнал военных действий», не исключено, что к тому же «журналу» Гродеков мог обращаться тоже.

Согласно Гейнсу, Кунаковска и его спутника текинцы засекли не сразу, а лишь через четверть часа, после чего открыли огонь по ним, вызвав ответные залпы русских, с целью прикрытия своих. «Тихо шли они по принятому направлению, считая шаги; чутко, с некоторым трепетом за охотников прислушивались передовые стрелки; четверть часа ничто не нарушало совершенного спокойствия, но затем раздался выстрел, последовали другой, третий – они замечены, и частая пальба наша явилась охотникам, как утешительница в опасности; они вскоре возвратились, сделав свой дело», – пишет полковник Гейнс (Гейнс, 1882, с. 54).

Маслов же полагает, что текинцы смогли обнаружить Кунаковска и его спутников только когда те уже возвращались, выполнив поставленную задачу («только на обратном пути его заметили и сделали по нем несколько выстрелов») (Маслов, 1882, с. 102).

А вот анонимный автор брошюры «Осада и штурм текинской крепости...» считает, что огонь с крепостных стен велся практически постоянно: «Работа эта была исполнена сотником Кунаковским под сильным ружейным огнем со стен крепости» (Осада, 1882, с. 34).

Возвращаясь к саперному капитану Маслову, надо отметить, что главной его заслугой следует считать не сравнение уральских и оренбургских казаков из эскадрона Гуляева, а описание сотника Кунаковска – его внешность, его характер и темперамент, в то время как других подробностей такого рода об уральском сотнике найти не удалось.

С одной стороны, из-за утраты Архива Уральского казачьего войска в годы Гражданской войны уже невозможно восстановить биографические (включая послужные) данные многих уральских офицеров. С другой стороны, фамилия очень редкая; автор данной статьи не встречал такую, как ни в одном архивном документе, так и ни в одной книге или статье (не считая тех, в которых речь шла об Ахалтекинской экспедиции). Даже среди сегодняшних потомков уральских казаков нет ни носителей такой фамилии, ни тех, кто считал бы себя потомками того сотника или его родственников.

Может быть, он был не «природным уральцем», а иногородним офицером, принятым в казаки? Но в этом можно усомниться, прочтя строки

Маслова, где он показан в качестве типичного казака-уральца, со всеми присущими его землякам качествами, нравами и занятиями.

Нет ничего странного в том, что все авторы, кроме Гуляева, ошибочно называют сотника «Кунаковским», а не Кунаковским. Бывший уральский казачий офицер, белоэмигрант Л.Л. Масянов в своей книге, вышедшей в 1963 г. в Нью-Йорке (на момент выхода которой ему было 69 лет), прояснил ситуацию с фамилиями уральских казаков. Несмотря на присутствующие в книге неточности, что вполне естественно, учитывая время ее создания и дефицит источников, есть все основания согласиться со следующими словами автора: «У уральцев все фамилии оканчивались на буквы – -ов, -ев и -ин; никаких -ич, -ский и прочее не было. Поэтому, когда они принимали кого-нибудь в казаки за боевые отличия или за заслуги перед Войском, то меняли фамилии на свой лад» (Масянов, 1963, с. 16).

Масянов также рассказал, что даже в годы Гражданской войны уральцы не отошли от своего принципа. Служивший в Уральском войске иногородний полковник Моторный после принятия в казаки стал «Моторновым» (Масянов, 1963, с. 132). Казаки приняли в свои ряды даже двух евреев – Пейроса и Гурфейна, которые искренне желали бороться с большевиками, и стали, соответственно – Пейросовым и Гурфейновым (Масянов, 1963, с. 122).

Конечно, такие тонкости были не ведомы иногородним офицерам, но хорошо известны Гуляеву, который всегда называл подчиненного ему сотника правильно – Кунаковсков.

Но вернемся к саперному офицеру Маслову. Свой рассказ о Кунаковскове он начал так: «В овальной траншее, когда ее занимала уральская сотня, я познакомился, между прочим, с сотником Кунаковским» (Маслов, 1882, с. 101–102). «Знакомство» не было случайным. Замеры производились именно от «овальной траншеи», а саперными работами руководил Яков Константинович Рутковский, чьим ближайшим помощником и был капитан Маслов. Без ведома этих офицеров не могло пройти ничего, что было бы связано с подготовкой к подрыву части стены.

Далее следовало описание уральского офицера. Как водится, свое описание Маслов начал с внешнего облика сотника: «Это был молодой человек среднего роста, плотный, с окладистой бородой». Далее Маслов попытался оценить и внутренние качества своего нового знакомого: «Как природный уралец, он имел тот оттенок казачьего офицера, который приходится встречать по станицам». В чем же Маслов углядел тот особый «оттенок»? В свободное от ратных дел время, сотник часто собирал вокруг себя подчиненных, увлеченно «толкую о рыбной ловле, об охоте, или рассказывая сказки о разбойниках и атаманах», то есть предметом их разговоров были темы, традиционные для уральского казачества. Не зря же Маслов назвал Кунаковскова «природным уральцем».

Отметил Маслов и всегда сопутствовавшие сотнику чувства бодрости и оптимизма, сообщив, что тот был «всегда веселый», не забыв, однако, добавить, что сотник также был «почти всегда слегка подшофе». По словам Маслова, Кунаковсков, выполнив порченное ему дело (измерив заданное расстояние), не отказался от своей слабости: «Вернувшись благополучно, Кунаковский был очень доволен и слегка выпил» (Маслов, 1882, с. 102).

Но при всем при том Кунаковсков мог быть для своих подчиненных не только веселым собеседником, забывшим о субординации, и даже любителем «горячительного», но и строгим командиром, если того требовала ситуация. Этот факт также был засвидетельствован Масловым: «С своими казаками он общался то по-начальнически, то как товарищ» (Маслов, 1882, с. 102).

Также очень интересен рассказ Маслова о том, как вдохновленный успехом, Кунаковсков, благополучно вернувшись с задания и «слегка выпив», не желая останавливаться на достигнутом, порывался уговорить Куропаткина дать ему возможность провести разведку в самой крепости, проникнув туда под покровом ночи: «Кунаковский, между тем, так разохотился ходить к текинцам, что целый вечер приставал к Куропаткину с просьбою, чтобы тот ему разрешил перелезть через стену, и осмотреть внутренность укрепления, на что, впрочем, согласия не получил» (Маслов, 1882, с. 103).

Впрочем, острая потребность в такой разведке отпала благодаря тому, что той же ночью в лагерь проник бежавший из крепости перс-невольник, сообщивший подробные данные о внутреннем устройстве крепости, в том числе о расположении объектов, интересующих русских (Маслов, 1882, с. 103). Возможно, сотник делал замеры, как полагают некоторые, лишь один раз, но из-за настойчивых просьб могло возникнуть мнение, что свою боевую задачу он выполнял дважды. Во всяком случае, у Маслова не было причин для обмана, и попытки Кунаковского добиться у своего начальника сходить в разведку, действительно, имели место.

На основе вариантов разных авторов относительно количества заморов, сделанных Кунаковсковым, а также количества и персонального состава его помощников, составлена следующая таблица:

Таблица 1. Замеры, сделанные сотником Кунаковским и его помощниками (без повторных замеров капитана Гетшеля)**Table 1.** Measurements Conducted by Sotnik Kunakovskov and his Assistants (Excluding Captain Getschel's Repeated Surveys)

Автор	Сколько замеров	Кто делал замеры		
		1-й раз	2-й раз	3-й раз
Гуляев	3	Кунаковсков, Константинов, Тетиков		
Гродеков	2	Кунаковсков и Константинов	Кунаковсков и Тетиков	—
Анонимный автор	2	Кунаковсков и Константинов	Кунаковсков и Тетиков	—
Гейнс	2	Кунаковсков и Константинов	Константинов и уральский казак	—
Терентьев	2	Кунаковсков		—
«Муравцев» (Муромцев)	1	Кунаковсков, Константинов, Тетиков и еще какой-то казак	—	—
Куропаткин	1	Кунаковсков и 3 нижних чина	—	—
Кунаковсков	не указал	Кунаковсков и несколько уральских казаков		
Маслов	не указал	Кунаковсков и двое уральских казаков		

Накануне штурма Геок-Тепе русские захватили несколько окружавших его кал, которые называли Туркестанской, Главной и Охотничьей, потеряв при этом 15 человек (в том числе одного офицера). Уральцы также участвовали во взятии кал, но погибших среди них не было (Капитан Муравцев, 1882б, с. 183–189).

Утром 12 января, когда «минные работы» были завершены окончательно, кусок стены в юго-восточной части крепости под действием взрыва поднялся в воздух, и начался штурм крепости. Он проводился силами трех заранее подготовленных колонн.

Кроме того, еще один пролом должна была сделать артиллерия, для чего у одного из самых слабых мест стены было сосредоточено большое количество орудий разного класса, и с этой задачей артиллеристы успешно справились. Более того, интенсивность артобстрела была настолько высока, что осколки снарядов, отлетая от стены, даже достигали отдаленных окопов, в которых находилась готовящаяся к атаке русская пехота, включая спешенных казаков.

В числе пострадавших от такого огня оказался даже Кунаковсков. «За полчаса до взрыва мины, пальба дошла до высшей степени, причем иногда наши же осколки гранат летели в занимаемые нами головные траншеи.

Так один осколок, впрочем, на излете, попал в ногу сотнику Кунаковскову, но этот храбрый офицер не пожелал идти на перевязочный пункт», – пишет Гуляев (Гуляев, 1882, с. 64).

Мощнейший подземный взрыв на некоторое время ошеломил текинцев, не ожидавших такой развязки. Однако же паники в рядах противника не произошло. Страх и растерянность продолжались у него недолго. Вскоре после падения на землю обломков стены они открыли плотный огонь по ринувшимся в пролом русским.

Уральским казакам было приказано крепость не штурмовать, а, находясь за ее пределами, вести огонь по текинцам, находящимся на стенах и в районе обвала стены, прикрывая огнем атакующую пехоту. Однако приказ не был выполнен; как только взлетел на воздух кусок стены, и его обломки упали вниз, уральцы не смогли удержаться на месте и дружно ринулись к провалу. Для некоторых из них, в том числе и для Кунаковскова, это закончилось трагически.

Командир сотни Г.О. Бородин пытался удержать своих подчиненных, но ему это не удалось, как не удалось и самому Гуляеву. «Уральская полусотня побегла к стене почти вслед за ширванцами, и опередила Туркестанские роты. Схватив лично за подол шинели урядника Ерина, и 3–4 казаков, тоже выскакивавших из траншеи и хотевших бежать за своими, я увидел, что этим делу не поможешь», – вспоминает уральский подполковник (Гуляев, 1882, с. 65).

«Неприятель, ошеломленный в первую минуту взрыва, быстро оправился, занял обвал и прилежащие к нему стены, встретил нашу колонну сперва сильным огнем, а затем вступил ... в рукопашную схватку», – пишет «Муравцев». Не забыл капитан упомянуть и уральцев. «В порыве поддержать своих, они выскочили из Ширванского редута, где должны были поддерживать атаку только огнем, и бросились вперед, имея во главе своих офицеров. Один из первых, вскочивших на обвал, сотник Кунаковский, заслуживший перед тем право на Георгиевский крест измерением рва, и храбрейшие казаки – Тетеков, Жигулин и Соболев пали героями», – продолжает он (Капитан Муравцев, 1883, с. 292).

Рвущихся в атаку уральцев подзадорили и бросившиеся к пролому солдаты, после чего удержать уральцев на месте было уже невозможно, и этот факт зафиксировал Гуляев. «Внезапный порыв на штурм командир сотни войсковой старшина Бородин объяснил тем, что вскочившие на обвал ширванцы и охотники кричали будто бы нашим казакам: “что же вы братцы-уральцы не помогаете нам?” Этих слов было достаточно, и полусотня ринулась тоже на стену крепости», – вспоминает он (Гуляев, 1882, с. 65).

Гуляев, будучи командиром этих «ослушников» и находясь уже внутри крепости, обратился к своему прямому начальнику, Куропаткину, по поводу дальнейших действий – стоит ли пытаться вернуть уральцев на исходные позиции? Ответ полковника был предсказуем: «Видел, что де-

лать – очень горячий народ... Все идет пока прекрасно, пусть они будут тут» (Гуляев, 1882, с. 66).

Гуляев был первым, кто опознал Кунаковскова в одном из погибших офицеров. Вот его слова: «На самом обвале лежали два трупа офицеров и несколько нижних чинов. Лицо одного убитого офицера было закрыто уральской фуражкой. Я снял фуражку с лица этого офицера и увидел, что убит Кунаковсков» (Гуляев, 1882, с. 66).

Позже, узнав подробности гибели земляка, Гуляев отметил, что сотник, получив пулевое ранение в грудь, еще пытался продолжать сражаться, но после того как следующая пуля поразила его в сердце, он упал замертво. «Сотник Кунаковсков убит в то время, как Уральская полусотня вскочила на обвал. Две пули в грудь, из которых одна прямо в сердце, сразили этого храброго молодого офицера», – пишет он (Гуляев, 1882, п. 48 в «Комментариях»).

В.А. Чалусов, урядник Уральского войска, написал хорошее стихотворение об Ахалтекинской кампании, ставшее казачьей песней, в которой есть такие строки [1, с. 140]:

В рядах колонн непобедимых
Уральских сотня казаков,
Имея храбрых командиров,
Пошли на приступ через ров.

В главе Кунаковсков со взводом,
Вбежавший первым на обвал,
Лихой наш сотник слыл героем,
Убит, бедняга, наповал.

После успешного завершения штурма Геок-Тепе командование имело полное право наказать уральцев за их ослушание, однако этого не последовало. После того как они внесли свою лепту во взятие крепости, заплатив за это жизнями нескольких казаков, включая офицера Кунаковскова, подобное показалось бы «черной неблагодарностью». Напротив, в их адрес прозвучало много добрых слов. Вот, к примеру, слова Куропаткина: «Зная вашу храбрость и потери до штурма, я желал побережь вас и потому назначил вас при штурме в резерв. Но вы угодили в опасность по своей охоте. Еще раз спасибо за храбрость, братцы-уральцы» (Гуляев, 1882, с. 69).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Сборник уральских казачьих песен / собрал и издал Н.Г. Мякушин. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. 289 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

В.Н.Г. Очерк экспедиций в Ахал-теке 1879 и 1880 гг. (окончание) // Военный сборник. 1888. № 6. С. 396–426.

Верецагин А.В. Новые рассказы (1855–1895). СПб.: Тип. Э.Арнольда, 1900. 220 с.

Гейнс К.К. Очерк боевой жизни Ахалтекинского отряда. 1880–1881. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1882. 84 с.

Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881. Т. 3. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1883. 351 с.

Гуляев А.Л. Поход на Амударью и в Текинский оазис уральских казаков в 1880–1881 годах. Уральск: Тип. В.И. Жаворонкова, 1882. 88 с.

Калитин П.П. Ахал-Текинская экспедиция // Русский вестник. 1890. Т. 28. СПб.: Тип. Тов. «Общественная польза», 1890. С. 79–112.

Капитан Муравцев. Туркестанский отряд в Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. (из журнала военных действий Туркестанского отряда в Ахал-Текинской экспедиции с ноября 1880 г. по 14-е марта 1881 г.) // Военный сборник. 1882. № 3. С. 159–183.

Капитан Муравцев. Туркестанский отряд в Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. (из журнала военных действий Туркестанского отряда в Ахал-Текинской экспедиции с ноября 1880 г. по 14-е марта 1881 г.) // Военный сборник. 1882а. № 4. С. 358–376.

Капитан Муравцев. Туркестанский отряд в Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. (из журнала военных действий Туркестанского отряда в Ахал-Текинской экспедиции с ноября 1880 г. по 14-е марта 1881 г.) // Военный сборник. 1882б. № 5. С. 167–192.

Капитан Муравцев. Туркестанский отряд в Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. (из журнала военных действий Туркестанского отряда в Ахал-Текинской экспедиции с ноября 1880 г. по 14-е марта 1881 г.) // Военный сборник. 1882в. № 12. С. 292–299.

Капитан Муравцев. Туркестанский отряд в Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. (из журнала военных действий Туркестанского отряда в Ахал-Текинской экспедиции с ноября 1880 г. по 14-е марта 1881 г.) // Военный сборник. 1883. № 1. С. 149–158, 288–332.

Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: Изд. В.Березовского, 1899. 224 с.

Майер А.А. Год в песках. Наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 (из воспоминаний раненого). Кронштадт: Тип. «Кронштадтский вестник», 1886. 261 с.

Маслов А.Н. Завоевание Ахал-Теке. Очерки последней экспедиции Скобелева (1880–1881). СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1882. 206 с.

Масянов Л.Л. Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1963. 160 с.

Осада и штурм текинской крепости Геок-Тепе: (с двумя планами) / Издание редакции ж-ла «Чтение для солдат». СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1882. 67 с.

Сполатбог Н.Н. Покорение Ахал-Теке (Из записок полковника Сполатбога). Тифлис: б/и., 1884. 25 с.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии (с картами и планами): в 3 т. Т. III. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1906. 532 с.

Черняк А. Заметки об экспедиции генерала Скобелева в Ахал-Теке (из записок саперного офицера) // Военный сборник. 1889. № 12. С. 390–462.

Щербак А.В. Ахал-Тэкинская экспедиция генерала Скобелева в 1880–1881 гг. 2-е изд. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1900. 176 с.

REFERENCES

V.N.G. Sketch of Expeditions to Akhal-Teke in 1879 and 1880 (Conclusion). *Voennyi Sbornik*. 1888, no. 6, pp. 396–426. (In Russian)

Vereshchagin A.V. *New Stories (1855–1895)*. St. Petersburg: E. Arnhold Typ., 1900. 220 p. (In Russian)

Geins K.K. *Sketch of the Combat Life of the Akhal-Teke Detachment. 1880–1881*. St. Petersburg: Department of Appanages Typ., 1882. 84 p. (In Russian)

Grodekov N.I. *War in Turkmenia. Skobelev's Campaign in 1880–1881*. Vol. 3. St. Petersburg: V.S. Balashev Typ., 1883. 351 p. (In Russian)

Gulyaev A.L. *Campaign to the Amu Darya and to the Teke Oasis of the Ural Cossacks in 1880–1881*. Uralsk: V.I. Zhavoronkov Typ., 1882. 88 p. (In Russian)

Kalitin P.P. Akhal-Teke Expedition. *Russkiy Vestnik*. 1890, Vol. 28. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza Typ., 1890. Pp. 79–112. (In Russian)

Captain Muravtsev. Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition of 1880–1881 (From the Journal of Military Actions of the Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition from November 1880 to March 14, 1881). *Voennyi Sbornik*. 1882, no. 3, pp. 159–183. (In Russian)

Captain Muravtsev. Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition of 1880–1881 (From the Journal of Military Actions of the Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition from November 1880 to March 14, 1881). *Voennyi Sbornik*. 1882a, no. 4, pp. 358–376. (In Russian)

Captain Muravtsev. Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition of 1880–1881 (From the Journal of Military Actions of the Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition from November 1880 to March 14, 1881). *Voennyi Sbornik*. 1882b, no. 5, pp. 167–192. (In Russian)

Captain Muravtsev. Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition of 1880–1881 (From the Journal of Military Actions of the Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition from November 1880 to March 14, 1881). *Voennyi Sbornik*. 1882v, no. 12, pp. 292–299. (In Russian)

Captain Muravtsev. Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition of 1880–1881 (From the Journal of Military Actions of the Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition from November 1880 to March 14, 1881). *Voennyi Sbornik*. 1883, no. 1, pp. 149–158, 288–332. (In Russian)

Kuropatkin A.N. *Conquest of Turkmenia (Campaign to Akhal-Teke in 1880–1881): With a Sketch of Military Actions in Central Asia from 1839 to 1876*. St. Petersburg: V. Berezovskiy Publ., 1899. 224 p. (In Russian)

Maier A.A. *Year in the Sands. Sketches of the Akhal-Teke Expedition 1880–1881 (From the Memoirs of a Wounded Man)*. Kronstadt: Kronshtadtskiy Vestnik Typ., 1886. 261 p. (In Russian)

Maslov A.N. *Conquest of Akhal-Teke. Sketches of the Last Expedition of Skobelev (1880–1881)*. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1882. 206 p. (In Russian)

Masyanov L.L. *Fall of the Ural Cossack Host*. New York: Vseslavyanskoye Publ., 1963. 160 p. (In Russian)

Siege and Storming of the Teke Fortress Geok Tepe: (With Two Plans). St. Petersburg: Panteleev Brothers Typ., 1882. 67 p. (In Russian)

Spolatbog N.N. *Conquest of Akhal-Teke (From the Notes of Colonel Spolatbog)*. Tiflis, 1884. 25 p. (In Russian)

Terentiev M.A. *History of the Conquest of Central Asia (With Maps and Plans): In 3 Volumes*. Vol. 3. St. Petersburg: V.V. Komarov Typolit., 1906. 532 p. (In Russian)

Chernyak A. Notes on the Expedition of General Skobelev to Akhal-Teke (From the Notes of a Sapper Officer). *Voennyi Sbornik*. 1889, no. 12, pp. 390–462. (In Russian)

Shcherbak A.V. *Akhal-Teke Expedition of General Skobelev in 1880–1881*. 2nd ed. St. Petersburg: V.V. Komarov Typ., 1900. 176 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор Института туризма и социальных технологий, Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-9995-8328>; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

About the author:

Alexander M. Dubovikov – Dr. Sci. (history), Professor of the Institute of Tourism and Social Technologies, Volga Region State University of Service (Tolyatti, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-9995-8328>; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 12.11.2025

Поступила после рецензирования / Revised 13.02.2026

Принята к публикации / Accepted 06.03.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH ARTICLE

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.54-72>

Этнокультурные и бытовые контакты сельского населения Казанской и Симбирской губерний во второй половине XIX – начале XX века: источниковедческий аспект

Г.А. Николаев

Исследователь

Чебоксары, Российская Федерация

nicga50@rambler.ru

Резюме. Изучение этнокультурных и бытовых контактов средневожских разно-этнических аграрных социумов накладывает на исследователей-гуманитариев особую ответственность. Названная тема принадлежит к разряду многосложных и тонких и, в силу эмоционального восприятия ее обществом, как никакая другая, требует тщательно продуманных, взвешенных оценок. Средневожскую деревню отличает многонациональный и поликонфессиональный состав населения. Соседствуя на протяжении столетий, этнические и конфессиональные группы крестьянства нашли свою нишу в ее социокультурном пространстве, научились находить общий язык между собой в самых разных сферах повседневной жизни. В эпоху капиталистической модернизации их взаимодействие стало еще более интенсивным. Успех в разработке указанной проблематики автор статьи напрямую связывает с выявлением и извлечением необходимых сведений из большого массива исторических источников и проведением критической оценки информации. Находя исключительно важным данное обстоятельство, он сосредотачивает свое внимание на источниковедческом аспекте изучения темы, делится с научной аудиторией собственным поисковым опытом, анализирует информационный потенциал имеющейся в распоряжении исследователей документальной базы.

Ключевые слова: этнокультурные связи; бытовые контакты; вожская деревня; этнические общины; капитализм; исторические источники

Для цитирования: Николаев Г.А. Этнокультурные и бытовые контакты сельского населения Казанской и Симбирской губерний во второй половине XIX – начале XX века: источниковедческий аспект. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 1. С. 54–72.

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.54-72>

Ethnocultural and Everyday Contacts of the Rural Population
of the Kazan and Simbirsk Governorates in the Second Half
of the 19th – early 20th Centuries: Source Study Aspect

G.A. Nikolaev

Researcher

Cheboksary, Russian Federation

nicga50@rambler.ru

Abstract. The study of ethnocultural and everyday contacts of the Middle Volga multi-ethnic agrarian societies imposes a special responsibility on humanitarian researchers. The named topic belongs to the category of complex and delicate ones, and, due to its emotional perception by society, like no other, requires carefully thought-out, balanced assessments. The Middle Volga village is distinguished by a multinational and poly-confessional composition of the population. Neighboring for centuries, ethnic and confessional groups of the peasantry found their niche in its socio-cultural space and learned to find a common language with each other in various spheres of everyday life. In the era of capitalist modernization, their interaction became even more intensive. The author of the article directly links the success in developing these issues with the identification and extraction of the necessary information from a large array of historical sources and the conduct of a critical evaluation of the information. Finding this circumstance extremely important, he focuses his attention on the source study aspect of the study of the topic, shares his own search experience with the scientific audience, and analyzes the information potential of the documentary base available to researchers.

Keywords: Ethnocultural Ties; Everyday Contacts; Volga Village; Ethnic Communities; Capitalism; Historical Sources

For citation: Nikolaev G.A. Ethnocultural and Everyday Contacts of the Rural Population of the Kazan and Simbirsk Governorates in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries: Source Study Aspect. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 1, pp. 54–72.
<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.54-72> (In Russian)

Этнокультурные связи и бытовые контакты жителей волжской многонациональной деревни во второй половине XIX – начале XX в. получили отражение в разных исторических источниках: в метрических книгах, первичных листках Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., отложившихся в архивах делопроизводственной документации административных, ведомственных и прочих учреждений, этнографических сочинениях и записках современников, письмах и воспоминаниях представителей сельской интеллигенции и чиновников разного уровня,

миссионерской публицистике, напечатанных в периодической печати корреспонденциях с мест, и т.д. Это сложное и многослойное, взаимосплетенное этнокультурное явление, характеризующееся взаимосвязанностью всех его составляющих компонентов, может быть образно представлено, пожалуй, лишь в виде социокультурной мозаики, созданной из многих тысяч крупниц их повседневной социальной жизни. Исследователи, накопившие относительно внушительный объем исторического нарратива по данной теме, непременно обнаружат, что по отдельным ее аспектам они имеют противоречивые, а порой и диаметрально противоположные сведения. Такая ситуация не случайна, ибо в исторических источниках запечатлены: во-первых, субъективное восприятие современниками реальной действительности; во-вторых, проявление разнонаправленных тенденций в межэтнических связях и бытовых контактах волжских аграрных социумов, выражавшихся в эпоху капиталистической модернизации в их сближении и дистанцировании.

Рассматриваемая проблематика принадлежит к разряду не только многосложных, но и, вследствие эмоционального ее восприятия обществом, исключительно тонких, требующих, возможно, как никакая другая, глубоко продуманных и взвешенных оценок. В этой связи представляется актуальным обращение к источниковедческому аспекту темы, ибо свои выводы ученые-гуманитарии строят на информации, отразившейся в исторических источниках. Указанный сюжет до настоящего времени остается без должного внимания историков и этнологов. Автора настоящих строк интересуют следующие вопросы: какие реалии повседневной жизни, зафиксированные в документах и материалах, репрезентативно, а главное – более полно отражают тесноту этнокультурных связей и бытовых контактов этнических групп волжского крестьянства? какая из них может быть принята за основной критерий/показатель для их измерения? насколько близка к действительной информация об этнокультурных связях и бытовых контактах жителей многонациональной деревни, содержащаяся в разных видах письменных источников? как часто в угоду собственным интересам современники искажают информацию о них?

Попутно при поиске ответов на поставленные вопросы считаем нелишним показать и информационный потенциал исторических источников, имеющих отношение к рассматриваемой проблематике, а также возможные приемы извлечения из них необходимых сведений. Территориальные рамки статьи нами ограничены Казанской и Симбирской губерниями, где бок о бок с давних пор соседствуют представители разных народов. Разумеется, в рамках заданного объема публикации рассматриваемый аспект темы может быть поставлен лишь как научная проблема.

Великороссы, мари, мордва, татары, удмурты, чуваш и другие этносы составляют неотъемлемую часть этнокультурного ландшафта выделенных для изучения административно-территориальных единиц Российской империи. Одни этнические общности проживают в ней со времен седой

старины, другие были интегрированы в состав местного населения несколько позже. Российский социолог, экономист и публицист В.В. Берви-Флеровский на основе собственных наблюдений, сделанных в середине XIX в., пришел к выводу, что каждая этническая общность волжского региона имела «свои достоинства», причем «такого рода», которыми они могли обогатить культуру живущих по соседству этнических партнеров, являя собой тем самым значимый социокультурный потенциал для развития страны по цивилизационному пути (Флеровский, 1869, с. 139). Отмена крепостного права и укрепление в стране рыночных отношений дали новый импульс этнокультурным связям и бытовым контактам этносов региона как в местах их компактного проживания, так и за их пределами.

Выявление и сбор информации о взаимодействии разнорасовых аграрных социумов в эпоху рыночных реалий из имеющихся исторических источников требуют немалых поисковых усилий. В силу специфичности рассматриваемой темы она в них разбросана главным образом разнородной россыпью сведений в виде свидетельств и наблюдений современников. Лишь метрические книги да статистико-экономические издания дают прямые и сопутствующие относительно полные данные по отдельным ее сюжетам: соответственно о числе национально-смешанных браков и этнически неоднородных сел и деревень, где этнокультурные связи и бытовые контакты этнических партнеров обычно были регулярными и тесными. Чаще всего интересующий исследователей конкретный материал в исторических источниках в географическом плане локален, а в содержательном – фрагментарен и расплывчат. В мемуарах, письмах, корреспонденциях с мест, дневниковых записях, путевых и этнографических записках, церковных летописях он присутствует сплошь и рядом или в виде обобщений общего плана, или же в виде описаний частных эпизодов повседневного быта этнических групп крестьянского населения. Обыденные явления в жизни волжской многонациональной деревни, прежде всего потому, что они являлись именно подобной составной частью ее повседневного быта, очень часто оставались вне внимания членов обществ или же все это фиксировалось, как принято в таких случаях выражаться, лишь мимоходом, кратко. Так, из этнографического сочинения уроженки с. Албаево Мамадышского уезда Казанской губернии Елены Михайловой, выполненного в начале XX в., в частности, узнаем, что крещеные татары ее малой родины относились к окрестным русским хлебопашцам «хорошо и дружелюбно» [12, с. 158]. Сегодня мы можем лишь домысливать конкретное содержимое ее свидетельства, скрытое за данной позитивной фразой. Разумеется, любые свидетельства современников, даже самые «туманные» и поверхностные, представляют научный интерес. Ибо, чем большим их количеством будут оперировать исследователи, тем отчетливее будут проявляться перед ними контуры рассматриваемой сферы повседневной жизни разнородных аграрных социумов.

Материал по рассматриваемой проблематике, имеющийся в «шаговой» доступности исследователей, все же достаточно скромнен. Передаваемое из поколения в поколение бесценное социокультурное наследие волжских крестьян, заключающееся в искусстве нахождения общего языка с иноплеменниками и приверженцами иных вероисповеданий, совместными усилиями ученых-гуманитариев региона еще не отражено в многотомном сборнике документов, хотя необходимость в этом назрела давно. В случае реализации в ближайшем будущем указанного исследовательского проекта, хотелось бы, чтобы такое фундаментальное издание включало в себя в русском переводе и письменные источники на марийском, мордовском, татарском, удмуртском и чувашском языках. С уверенностью утверждаем, что обогатили бы его тома тонкими наблюдениями об этнокультурных связях и бытовых контактах чувашских крестьян со своими этническими партнерами на рубеже XIX–XX вв. фрагменты текстов, включенных в содержательное и добротное издание современника, этнографа-фольклориста, большого знатока менталитета и образа жизни своих соплеменников Г.Т. Тимофеева «*Tǎxǎryal*» (Девятиселье) (Тимофеев, 2002).

В социальном пространстве волжской деревни добрососедские и доверительные отношения между крестьянами разных национальностей внешне проявлялись в разных формах. К ним могут быть причислены и частое бытовое общение этнических соседей, и совместное проведение ими досуга/празднеств, и взаимные: гостевание, оказание в сложных жизненных ситуациях, а также в других необходимых случаях всяческой помощи, дарение подарков. В данном же ряду – установление этническими партнерами между собой особых приятельских отношений (имеем в виду институт досов), приглашение при крещении младенцев в восприемники, заключение национально-смешанных семейных союзов, прочие подобного рода неотъемлемые социальные составляющие повседневной действительности. Но достаточно лишь несколько углубиться в тему, чтобы убедиться, что практически все вышеперечисленные признаки, кроме, пожалуй, одного из них – выбора в жены женихами невест из инонациональной среды, являют собой, скажем так, весьма зыбкие критерии для измерения тесноты взаимоотношений этнических групп. И на самом деле, в одной местности представители одних и тех же народов хорошо ладили между собой, в другой – не очень¹. Живя в одной деревне или в соседних селениях, крестьяне разных национальностей не всегда жаловали друг друга как носителей иной этнической культуры, но при этом водили между собой хлеб-соль². Частое бытовое общение и взаимное гостевание между ними, случалось, уходило в прошлое со сменой поколений или же с изменением

¹ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 151. Л. 122, 280.

² НА ЧГИГН. Ед. хр. 218. Л. 156.

духовных ориентиров одним из партнеров³. Неокрепшие в православной вере нерусские крестьяне при крещении своих детей в восприемники приглашали любого, в том числе и иноплеменников, кого встречали по пути в храм, с которыми впоследствии они если и встречались, то, как свидетельствует современник, «не более одного-двух раз»⁴. Подобных хитросплетений во взаимных отношениях этнических групп волжских хлебопашцев наблюдалось предостаточно.

Что же касается крестьян разных национальностей, то они и сами при характеристике тесноты взаимоотношений между этническими общинами в указанном нами ряду признаков национально-смешанным бракам отводили первую позицию. По их наблюдениям, подобные семейные союзы поднимали уровень общения семей брачующихся, их близких родственников, а отчасти и членов обществ жениха и невесты на новый уровень [5, с. 352, 353]. Развивая и углубляя их довод, подчеркнем, что переселившиеся в инонациональную среду молодые люди со временем обычно полностью вращались в этнокультурное пространство супруга/супруги⁵. Конечно же, в рассматриваемое время, помимо этнически неоднородных сел и деревень, национально-смешанные браки заключались преимущественно в селениях, размещенных в контактных зонах, где общение между этническими соседями было довольно тесным. При этом, разумеется, в зависимости от национального состава жителей населенных мест доля таких браков в них сильно варьировала. Представители этносов, считавших друг друга в социокультурном плане ровней, между собой рождались чаще⁶.

Измерение степени тесноты взаимоотношений между этносами по числу заключенных их представителями национально-смешанных браков, правда, с некоторыми оговорками – не каждый жених брал иноплеменницу в жены в округе своей малой родины, таким образом, представляется правомерным. Условным предпочтительным показателем для этого, на наш взгляд, вполне может служить удельный вес таких браковенчаний в общем числе браков в отдельно взятых обществах. Необходимые для подобных расчетов сведения содержатся в метрических книгах, отложившихся в архивах. Их материалы, что отрадно заметить, содержат данные если и не по всем, то почти по всем населенным местам волжских этносов. В хронологическом плане они охватывают всю эпоху капиталистической модернизации, хотя и имеют отдельные временные лакуны. Подобная благоприятная поисковая ситуация, как видим, открывает возможность показать в исторической динамике тесноту этнических связей и бытовых контактов волжских этносов практически на всей территории двух рассматриваемых нами административно-территориальных единиц. Названный при-

³ НА ЧГИГН. Ед. хр. 206. Л. 183.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.И. Ашмарина. Ед. хр. 26. Л. 610.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 206. Л. 180.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 217. Л. 455.

ем результативен, в чем легко можем убедиться. Так, в конце XIX в. на основе собственных наблюдений доктор медицины М.Ф. Кандарадский населенные пункты мари и чувашей Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, расположенные на Горной стороне на небольшом удалении друг от друга, включил в зону сильного смешения двух народов через частые браки (Кандаратский, 1889, с. 89). Произведенные нами на основе данных метрических книг за 1901–1910 гг. подсчеты полностью подтверждают его выводы. К примеру, в ок. Верхние Олгаши с невестами, взятыми из среды мари, за первое десятилетие XX в. свили семейное гнездо 8,3% чувашских женихов, в ок. Ижекасы – 11,8%, в д. Кармыш – 13,5%, в ок. Токшик – 13,5%, в ок. Хырлыхкасы – 50% и т.д.⁷

По абсолютному большинству населенных мест двух волжских губерний подсчет числа национально-смешанных браковенчаний на основе записей метрических книг об этнической принадлежности женихов и невест дает объективную картину о тесноте взаимоотношений этнических партнеров. Указанный поисковый прием искажает реальную картину лишь по очень небольшой части селений, в частности, по принадлежавшим молькеевским кряшенам. Прежде небольшая историческая справка об их весьма специфическом сообществе. Его немногочисленные представители проживали в девяти населенных пунктах Казанской губернии. Шесть из них входили в Цивильский уезд (с. Большое Тябердино, с. Молькеево, с. Старое Тябердино, д. Старые Курбаши, д. Хозесаново, д. Янгозино-Суринское), три – в Тетюшский уезд (д. Баймурзино, д. Полевая Буа, д. Старый Курбаш). Формирование жителей данных селений в этноконфессиональную общность в изучаемое время еще не получило полного завершения. Между собой молькеевцы общались на татарском языке, а во всем остальном, как отмечали современники, они «мало чем» отличались от окрестных чувашей⁸. Хотя и не все, но очень многие молькеевские кряшены свободно владели языком этнического партнера. С чувашами, хорошо усвоившими в свою очередь татарское наречие, они находились в тесном общении [2, с. 227]. Многие окрестные жители считали молькеевских кряшен потомками татар-мусульман, когда-то в прошлом принявших христианскую веру и впоследствии перенявших обычаи чувашей⁹. Были и такие, кто причислял их к потомкам чувашей, удмуртов и мещеряков, в стародавнее время переселившихся в среду татар-мусульман и освоивших через общение с ними татарский язык, но сохранивших при этом свою традиционную веру, а впоследствии принявших крещение¹⁰. Причем инте-

⁷ Подсчитано по: Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 557. Оп. 4. Д. 105. Л. 43–437; Д. 106. Л. 45–226; Д. 107. Л. 49–64.

⁸ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп.4. Д. 184. Л. 36 об.

⁹ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп.4. Д. 184. Л. 36 об.

¹⁰ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп.4. Д. 184. Л. 12 об.

рес соседей к этнической истории молькеевцев был выраженным, глубоким. Так, священник с. Чутеево Семен Ломоносов склонен был считать, что жители д. Хозесаново, значавшиеся по документам чувашами, на самом деле являлись «татарами из мещеряков». В пользу своей версии он приводит следующие доводы: хозесановцы живут намного чище чувашей; в отличие от последних чисты лицом, имеют высокий рост и крепкое телосложение, лишь немногие из них живут в курных избах; общаются между собой на татарском наречии, хотя и владеют, за исключением детей, чувашским языком¹¹.

В православных храмах округа вступавших в брак молькеевских крещен священнослужители из чувашей, что следует особо отметить, записывали только чувашами, священнослужители из крещеных татар – только «старокрещеными татарами», священнослужители из великороссов – либо чувашами, либо «старокрещеными татарами»¹². Столь же важный факт. Старотябердинская волостная администрация фиксировала молькеевцев старокрещеными татарами, а Кошелевская предпочитала не обременять себя определением размытой этнической самости «чуваше-татар» и никак не обозначала в исходящей от ней документации их национальную принадлежность¹³. В пореформенное время сами молькеевцы идентифицировали себя по-разному: одни считали, что они происходят из татар, другие – из чувашей. Но были и такие, кто затруднялся однозначно причислять себя к той или иной этнической общности. Но в начале XX в., за исключением отдельных лиц старшего возраста, они позиционировали себя уже крещенами¹⁴.

При обработке материалов метрических книг исследователи сталкиваются и с другими сложностями. Дело в том, что в них не все служители православного культа при венчании женихов и невест указывали национальность брачующихся. Но эта ситуация почти всегда легко преодолима. Этническую принадлежность жителей населенных мест можно установить по опубликованным справочным и статистико-экономическим изданиям второй половины XIX – начала XX в. В них выделены две группы сел и деревень – мононациональные и национально-смешанные (Крестьянское землевладение, 1907; Крестьянское землевладение, 1907а); [7; 9–11]. Статистики к числу первых причисляли селения, где та или иная этническая группа составляла все или почти все их население, к числу последних – населенные пункты, где два и более этнических групп были или относительно равновеликими по числу жителей, или же ни одна из них численно на порядок не преобладала над всеми остальными, взятыми вместе (Крестьянское землевладение, 1909, с. 14). Указанный нами исследовательский

¹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 196. Л. 65, 66.

¹² ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 184. Л. 10–12.

¹³ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 184. Л. 10–12.

¹⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд К.В. Элле. Ед. хр. 603. Л. 124.

прием не дает искомые результаты по второй группе селений. Не применим он и в случаях, когда мононациональные населенные пункты, расположенные на относительно небольшом расстоянии друг от друга, носили одинаковые названия. Такие ситуации действительно имели место в Казанской и Симбирской губерниях, но они встречались достаточно редко. Великороссы и татары-мусульмане, проживавшие в составе нескольких семей в инонациональных деревнях, за редким исключением, предпочитали родниться со своими же соплеменниками. По этой причине причисление таких селений к мононациональным топографическим единицам не будет сколько-нибудь ощутимо сказываться на доле браков, заключаемых мари, мордвой, чувашами и удмуртами с русскими и татарскими хлебопашцами.

В целом же метрические книги являются надежным источником при подсчете искомого показателя для измерения тесноты отношений этнических сообществ. Более того, они дают косвенный материал и для уточнения этнического состава национально-смешанных селений. Так, в справочных и статистико-экономических изданиях начала XX в. национальный состав жителей д. Балабаш-Норуссово Буинского уезда Симбирской губернии определен и как состоящий из русских и мордвы [7, с. 34; 9, с. 411], и как состоящий из чувашей и мордвы [10, с. 94]. Но подсчеты, выполненные нами на основе данных метрических книг, показали, что в 1901–1910 гг. брачными партнерами женихов данного сельского общества являлись девицы и женщины, жившие в одном чувашско-мордовском, в двух русско-чувашских, в двух мордовских, в двух русских и в двенадцати чувашских деревнях¹⁵. Несколько озадаченные полученным результатом, мы продолжили поиск. Вскоре нам все же удалось разубить данный, выразимся так, гордиев узел. Обращение к материалам приходской церковной летописи показало, что в д. Балабаш-Норуссово проживали представители трех этнических общин: чувашаи, мордва и русские¹⁶.

Пожалуй, здесь нелишне попутно подчеркнуть, что бытовые контакты этнических групп волжского крестьянства между собой были более тесными, чем этнокультурные. Межконфессиональные браки в их среде заключались весьма редко. Подавляющим большинством жителей деревни такие семейные союзы не жаловались. Естественно, сказывался и запрет на переход православных лиц в иные вероисповедания в российском законодательстве.

В корпусе исторических источников, отражающих этнические связи и бытовые контакты этнических групп волжского крестьянства, важное место занимают материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Опубликованные результаты названного демографического обследования

¹⁵ Подсчитано по: ГИА ЧР. Ф. 557. Оп. 3. Д. 36. Л. 99–103, 140–147, 194–203; Д. 37. Л. 34–40, 88–95, 147–155, 197–207; Д. 38. Л. 31–40, 95–102, 145–155.

¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 63. Л. 11.

широко используются в исторической и этнологической литературе для показа особенностей расселения этносов в административно-территориальных единицах, их миграции за пределы губерний, изменения национального состава последних и входивших в них уездов, а также определения контингента лиц, сменивших свою этническую принадлежность и т.д. Исключительно ценными для изучения этнических процессов в деревне являются данные переписных листов демографического обследования, к которым исследователи обращаются не столь часто. Между тем без их привлечения не представляется возможным сколько-нибудь полно осветить взаимную ассимиляцию волжских крестьян на рубеже двух веков.

В первичных материалах переписи 1897 г. представлена информация о двух группах жителей сельских поселений: наличном и временно пребывающем. Прежде поведем речь о первых. Сведения, характеризующие их, позволяют показать роль и место крестьянской семьи как социального института в аккультурации и ассимиляции в собственном этнокультурном поле инонациональных брачных партнеров. Данный процесс может быть прослежен по языку, который считали родным домохозяин, его жена и их дети. Входя в дом мужа, жена-иноплеменница, как правило, постепенно осваивала не только наречие супруга, но также обычаи и традиции новой этнокультурной среды. Спустя годы все члены такой социальной ячейки очень часто находили себя членами единой этнической общины. Как явствует из записей в переписных листах демографического обследования 1897 г., в семье Андрея и Ульяны Степановых из ок. Евсейкин Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, где домохозяин являлся марийцем, а его жена чувашкой, и родители, и их дети общались на марийском языке¹⁷. В с. Томилово Сенгилеевского уезда Симбирской губернии в семье Стригалкиных – мордвина Семена и великоросски Ирины – и старшее, и младшее поколения родным языком считали мордовский¹⁸. Заметим, что наблюдаемый сценарий в этнокультурной эволюции национально-смешанных семейных союзов являлся одним из основных, но отнюдь не единственным. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть другие их варианты. Обратимся, в частности, к материалам переписных листов по Симбирской губернии. В семье уроженца с. Чеберчино Алатырского уезда Дмитрия Кручинкина сам домохозяин находил родным мордовский язык, а его жена Прасковья и пятеро их детей таковым считали русское наречие¹⁹. Жившие в с. Чиндяково Алатырского уезда супруги Седойкины – мордвин Федор и великоросска Мария, родными для себя считали соответственно мордовский и русский языки. Но таковым наречи-

¹⁷ Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. 300. Оп. 1. Д. 4. Л. 30, 30 об.

¹⁸ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 597. Оп. 1. Д. 62. Л. 183–184.

¹⁹ ГАУО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 33. Л. 465–466.

ем своих малолетних детей – Татьяны и Ивана – родители в ходе переписи нашли необходимым указать мордовский²⁰.

Из первичных материалов переписи 1897 г. можно извлечь ценные сведения и о бытовых контактах разноэтничных групп средневожского крестьянства. В ок. Евсейкин Козьмодемьянского уезда Казанской губернии в момент его проведения в семье мари́йца Андрея Степанова и чувашки Ульяны Никитиной временно пребывали два жителя чувашской д. Хундыкасы: Васильев Никита и Трофимова Анна. Первому было 96 лет, он, будучи в преклонных годах, совершенно оглох, и, поскольку нуждался в уходе, находился у зятя и родной дочери «на прокормлении»; вторая являлась племянницей жены домохозяина и гостила у тети²¹. В данном же населенном пункте 28 января 1897 г. перепись зарегистрировала в семье мари́йца Захара Спиридонова уроженца чувашской д. Большое Карачкино Алексея Семенова, приехавшего навестить свою родную сестру Феодосию. Последняя была удочерена домохозяином и воспитывалась в его семье. Что ожидаемо, родным языком она считала мари́йский²².

Особо отметим, что часть инонациональных обывателей, зарегистрированных демографическим обследованием в обществах вожских крестьян в качестве временно пребывающих лиц, не являлась родственниками домохозяев и членов их семей. В мордовском селе Томылово Сенгилеевского уезда Симбирской губернии счетчики, посетившие семью Чиляковых, к примеру, застали восьмидесятилетнюю уроженку русского с-ца Озерки Дарью Иванову, собиравшую в данном населенном пункте подаяние²³. В указанной же губернии в с-це Алакаевка Сызранского уезда в семье великороссов Засориных вместе членами были переписаны два постояльца: торговцы-разносчики из татар-мусульман Насыр и Мухбин Ульбаевы, являвшиеся уроженцами д. Самайкино²⁴. Согласно данным, отмеченным в переписном листе, в дворохозяйстве великоросса Павла Кузенкова с. Ульяновко Свижского уезда Казанской губернии находился прохожий, татарин Гильман, по видимому, в силу какой-то надобности зашедший к ним²⁵.

Как известно, первичные материалы демографического обследования 1897 г., отосланные губернскими переписными комиссиями в Главную переписную комиссию, подлежали уничтожению (Литвак, 1990, с. 123). Вторых же экземпляров переписных листов в архивах региона отложилось не так много. Выявление выписок из переписных листов и сделанных на основе его данных сводок в делопроизводственной документации админи-

²⁰ ГАУО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 38. Л. 54–55.

²¹ ГА РМЭ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 4. Л. 30, 30 об.

²² ГА РМЭ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 4. Л. 47, 47 об.

²³ ГАУО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 56. Л. 155, 155 об., 156.

²⁴ ГАУО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 48. Л. 115, 115 об., 116.

²⁵ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 106. Оп. 1. Д. 9. Л. 28, 28 об., 29.

стративных учреждений в какой-то мере почти сродни поиску иголки в стоге сена. Но оно все же не принадлежит к разряду безнадежных поисковых занятий. Так, в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии по обе стороны чувашско-марийского пограничья селения этнических соседей в справочных и статистико-экономических обследованиях зарегистрированы мононациональными топографическими единицами (Крестьянское землевладение, 1907а, с. 18–54, 70–76, 90–102). Обнаружение заполненных ведомостей по одному из переписных участков уезда, отложившихся в фонде Сундырского волостного правления, позволило установить, что в контактной зоне в среде мари, помимо вышедших замуж за марийцев чувашских женщин и женившихся на марийках чувашских мужчин, чувашские крестьяне проживали как в составе целых семей, так и небольшими группами. Из выявленных сведений следует, что в 1897 г. в марийских селениях Токари и Горная Кушерга (Эсаново) «обыкновенно проживали» 18 чувашей в возрасте от 12 до 31 года, перебравшихся туда из чувашских деревень Мутикасы и Хачики (Ямбахино). В их числе была представлена также молодая семья чувашей Арсения и Марфы Прокопьевых²⁶. Надеемся, что дальнейшие поиски помогут уточнить обстоятельства, приведшие к появлению чувашей в указанных марийских деревнях.

Некоторый объем информации об этнокультурных связях и бытовых контактах волжских крестьян в изучаемое время отложился в делопроизводственной документации государственных учреждений. В ней она преимущественно представлена в деловой переписке и отчетной документации. Интерес органов государственной власти разных уровней к рассматриваемым нами вопросам был обусловлен проводимыми в стране масштабными преобразованиями, прежде всего реализуемым правительством во внутренней политике курсом, направленным на дальнейшую интеграцию российского общества, на укрепление связи между его народами и конфессиональными группами, а также на их культурную унификацию. Вскоре после отмены крепостного права последовали шаги по кардинальному обновлению миссионерского дела в стране, приведшие в итоге к разработке и применению на практике в регионе миссионерско-просветительской системы Н.И. Ильминского.

В социальной жизни волжских аграрных социумов конфессиональное начало было туго вплетено в национальное, в свою очередь национальное начало – в конфессиональное. Именно это обстоятельство обусловило присутствие сведений об этнокультурных и бытовых контактах в качестве «побочного продукта» в отчетной и прочей документации служителей культа, направленной в адрес духовных учреждений²⁷. Но сбор подобной

²⁶ ГИА ЧР. Ф. 44. Оп. 1. Д. 518. Л. 5 об., 11 об., 24 об., 29, 31 об., 36, 38, 39, 41, 57, 59 об.

²⁷ ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 128 г. Л. 434, 434 об.; ГАУО. Ф. 134. Оп. 7. Д. 839. Л. 35–38 об.

информации проводился и по инициативе последних. В частности, согласно указу казанского архиепископа Антония от 16 декабря 1867 г., приходским священникам епархии было предписано дать подробные сведения о конфессиональной ситуации на местах их службы. В числе прочих вопросов, на которые им необходимо было дать ответ, присутствовал и следующий: «В каком отношении находятся они (здесь речь идет об «инородцах»-язычниках. – Г.Н.) как к русским, так и крещеным однородцам, входят ли с ними в общение, в семейное родство, или живут отчужденно?»²⁸ Поступившая с приходов в адрес владыки информация вооружает исследователей ценнейшим материалом по вынесенной в заголовок настоящей статьи теме. Так, согласно свидетельству священника с. Федоровское Свияжского уезда Моисея Смелова, в 1860-х гг. в приходе чувашиязычники жили с крещеными сородичами и русскими мирно, в добром соседстве, поддерживали с ними тесные хозяйственно-бытовые связи, но не роднились, ибо не были расположены к принятию православия. По его наблюдениям, великороссы не вступали в брак и с крещеными чувашами, находя подобный союз для себя неравным²⁹.

Отчасти информация в аспекте контактов этнических групп крестьянства представлена и в делопроизводственной документации административных и прочих учреждений. После отмены крепостного права в части их национально-смешанных простых и сложных общин, где партнеры в силу разных причин стали дистанцироваться друг от друга, стал набирать силу процесс дробления сообществ на отдельные административные и земельные единицы по этническому и этноконфессиональному признакам. Подобные ситуации порождали документальный «след» в виде многочисленных прошений и жалоб хлебопашцев в разные инстанции, а также деловую переписку по данному поводу административных учреждений разного уровня между собой³⁰. Крестьяне, вовлеченные в такие тяжбы, излагая в исходящей от них документации суть возникшего разлада, давали характеристику собственным этнокультурным и бытовым контактам с этническими партнерами. Последний сюжет, в свою очередь, в той или иной мере находил отражение в делопроизводстве административных учреждений, куда они обращались³¹.

Разные аспекты повседневной жизни волжской многонациональной деревни получили освещение в периодической печати и в источниках личного происхождения. Объектом внимания корреспондентов газет и журналов становились межэтнические браки, совместное проведение крестьянами разных национальностей досуга, традиционных народных праздников и

²⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 195. Л. 216, 217.

²⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 195. Л. 73, 76.

³⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 71. Д. 845. Л. 1–6.

³¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 71. Д. 98. Л. 2–3 об.

прочих действ [1; 3, с. 3]. Наряду с грамотными жителями деревень авторами заметок и статей в них выступали и известные ученые-гуманитарии региона. Именно благодаря публикациям последних, в частности, чувашского писателя, фольклориста, историка и этнографа С.М. Михайлова, русского историка, этнографа и фольклориста В.К. Магницкого, во второй половине XIX в. широкой читательской аудитории стали известны совместные весенне-летние празднества волжских народов – чувашей, великороссов, мари и татар-мусульман [4; 8]. Периодические издания, выходившие в стране, вне сомнения, являют собой потенциальный резерв для введения в научный оборот новых фактов по изучаемой теме.

Богатая информация по интересующим нас сюжетам содержится в этнографических записках современников, созданных в основном выпускниками народных училищ и прочих учебных заведений – местными жителями. Такие сочинения они создавали, откликаясь на призыв представителей национальной интеллигенции, изучавших историю и культуру волжских народов. Особенно преуспел в сборе необходимого материала для научных изысканий через сеть корреспондентов чувашский этнограф и историк Н.В. Никольский, регулярно публиковавший в периодической печати специальные программы для сбора сведений по истории, этнографии, фольклористике своих соплеменников (Никольский, 1904). Его объемное рукописное собрание, хранящееся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, включает в себя большой массив писем со свидетельствами и тонкими наблюдениями современников об этнокультурных и бытовых контактах представителей разных этносов. Так, из выполненного уроженцем д. Новое Изамбаево Тетюшского уезда Казанской губернии Арсением Петровым сочинения явствует, что местные чуваша чувствовали себя комфортнее в обществе татар, чем в среде великороссов³².

Как известно, жители средневожской многонациональной деревни являлись приверженцами разных религий. Естественно, все события и процессы, как в собственных обществах, так и за их пределами, члены таких общин воспринимали и в оптике собственных мировоззренческих ценностей. Во всех духовных традициях в тесных межэтнических связях и контактах верующие находили специфический инструментальный воздействия одного культурного поля на другое, посредством которого одна община могла расширить свое культурное поле за счет привлечения в свое лоно приверженцев других вероисповеданий. Печать подобного их миропонимания и мировосприятия ожидаемо находим и в исторических источниках по изучаемой теме. Здесь важно указать, что к использованию этноконфессионального компонента повседневной жизни при отстаивании собственных интересов весьма специфически прибегали и крестьяне, приводя его в качестве основного аргумента в системе доводов.

³² НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 208. Л. 247, 248.

Опираясь на реалии действительности волжской деревни второй половины XIX в., проясним эту ситуацию. Как уже нами было отмечено, в пореформенное время в социальном пространстве части национально-смешанных селений, в основном чувашско-татарских, постепенно набирало силу движение за учреждение автономных в административном и земельном отношениях обществ. Оно было вызвано в жизнь социально-экономическим и этноконфессиональным факторами, причем первый из них очень часто был основным. Татарских хлебопашцев, для которых был характерен более высокий естественный прирост населения, не устраивал грядущий передел земли по ревизским душам – с 1870-х гг. сельские общества региона постепенно возобновили коренные переделы земли, а чувашей, у которых данный показатель был меньшим, – передел угодий по наличным душам. Чтобы добиться раздела общества на две автономные административные и земельные единицы по ревизским душам, в ходатайствах, поданных в разные инстанции власти, при характеристике своих контактов с татарами чувашаи намеренно сгущали краски: показывали их как недружественные, делая при этом акцент обязательно на вероисповедный момент³³. Болезненный для обеих сторон шаг, на который они шли, был глубоко продуман: власть, представленная главным образом приверженцами православия, по идеологическим причинам «развод» чувашей с этническими партнерами найдет целесообразным, что позволит им сохранить свое землепользование в прежнем объеме. Татары же, жившие в национально-смешанных селениях, обычно ратовали за сохранение совместного с чувашами общества. И их поведение опиралось на глубоко взвешенное начало: при переделе земли по ревизским душам их доля в общем землепользовании останется неизменной, а при переделе по наличным душам – получит приращение. Выражая свое несогласие вынесенными не в их угоду по таким тяжбам административными учреждениями решениями, приукрашивая реалии, татары обычно уверяли, что с чувашами они тесно общаются и что между ними нет вообще никаких трений ни на бытовой, ни на религиозной почве. В поступившем 6 октября 1892 г. в Симбирское губернское присутствие от татарских крестьян чувашско-татарской д. Белая Воложка Буинского уезда Шарафетдина Абульханова и Садыка Сабитова жалобе, в частности, читаем: «Не можем обойти молчанием того обстоятельства, что выселяются чувашаи не потому, что между нами происходили какие-либо ссоры, притеснения к ним с нашей стороны, и не из чувства религиозности, а просто из боязни, как бы не состоялся передел земли по наличным душам»³⁴.

Как видим, реконструкция действительной картины об этнокультурных и бытовых контактах на основе отразившейся в исторических источниках информации являет собой отнюдь не простое поисковое занятие.

³³ ГА РТ. Ф. 51. Оп. 5. Д. 1258. Л. 1.

³⁴ ГАУО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 32. Л. 10–11 об.

Укажем еще на следующие моменты. Ревнители православия в тесных контактах и связях чувашей, мари и удмуртов с татарами-мусульманами находили нежелательный этноконфессиональный процесс, потенциально ведущий к сужению социального поля христианства. Одновременно их тревожило сохранение этнокультурной дистанции между великороссами и названными этническими группами, ибо в обозримом будущем вторые, в их представлении, должны были полностью слиться с первыми³⁵. В свете подобной их позиции присутствие в православной миссионерской публицистике положения, что все этнокультурные и бытовые контакты татар-мусульман с нерусскими этносами связаны со стремлением первых переманить их в свою веру, не выглядит случайным явлением (Коблов, 1911, с. 94–96). Искажалась природа взаимодействия разнорасовых общин и ревнителями этничности из «иногородцев». В тесных контактах с социально-культурно продвинутыми этническими соседями они находили социально-психологический инструмент, деформирующий поведенческий стереотип менее развитых этнических сообществ. Его негативное следствие, по их мнению, внешне проявлялось в среде последних в обильном возлиянии Бахусу, сквернословии, мошенничестве и т.п. Подобное восприятие современниками реалий действительности, естественно, находило отражение и на написанных таковыми лицами документах [6, с. 303].

Содержащиеся в исторических источниках сведения, которые, казалось бы, уж точно не искажают повседневность волжской деревни, тем не менее требуют критического отношения, а в ряде случаев – и необходимых пояснений. Проиллюстрируем это на конкретном примере. В 1907 г. газета «Волжско-Камская Речь» писала: «В Казанском уезде деревни Айша, Ковали, Ильинское, Белая Безводная, Параты и Лягушкино имеют смешанное население, где постоянно совершаются браки между черемисами (мари. – *Г.Н.*) и русскими» [1]. Перед нами рядовая описательная информация. На первый взгляд, она вообще не требует критической оценки. Но щепетильный исследователь обязательно прибегнет к такому аналитическому приему. При этом ему предстоит дать ответ на следующие вопросы: почему перечисленные корреспондентом селения не фигурируют в опубликованных справочных изданиях и статистико-экономических обследованиях начала XX в. как национально-смешанные? (Крестьянское землевладение, 1907, с. 32, 36, 80); [11, с. 72, 74, 78, 80]; сколько случаев браковенчаний объединяет он под расплывчатой характеристикой «постоянно»: в среднем один раз за год?; в среднем один раз за два года?..

Подведем итоги проведенному анализу. Создание конкретно-исторических исследований предполагает широкую опору на исторические источники. Но выполнение этого обязательного условия по рассматриваемой многосложной теме сопряжено с определенными трудностями. По отдельным ее сюжетам информация дошла до нас лишь в виде единичных

³⁵ НА ЧГИГН. Отд. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 195. Л. 37–39, 63, 70.

свидетельств. Этнокультурные связи и бытовые контакты этнических групп средневожского крестьянства получили отражение в источниках преимущественно в виде россыпи сведений в форме наблюдений и свидетельств разных лиц. Поиск и извлечение из сохранившейся документальной базы нужной информации само по себе являет трудоемкий процесс, который приумножен в нашем случае очень часто еще и необходимостью выполнения такой технической операции, как установление по месту проживания хлебопашцев их национальной принадлежности. Получение объективной картины о взаимодействии этнических общин возможно лишь при опоре на материалы, характеризующие их связи в динамике как в аспекте сближения, так и в аспекте дистанцирования. К искажению искомой картины ведет и неучет специфичности отраженной в части источников информации – она требует критической оценки, которая выражается в ее противоречивости, субъективности, а часто – и в заданности. Но при должном усердии исследователя, как показывает наш скромный поисковый опыт, трудности источниковедческого плана, связанные с изучением рассматриваемой интереснейшей и тонкой темы, все же преодолимы.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Волжско-Камская Речь. 1907. № 197.
2. *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями народов тюркского, финского и других племен. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1875. 229 с.
3. *Магницкий В.К.* Село Кучкеи // Волжский вестник. 1887. 21 февраля.
4. *Магницкий В.К.* Беловолжская ярмарка: этнографические материалы // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1873. № 60.
5. Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского: сб. документов и материалов / сост.: Р.Р. Исхаков, Х.З. Багаутдинова. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ; ЯЗ, 2015. 620 с.
6. Образование и христианское просвещение чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – начале XX века: документы и материалы из фондов Н.И. Ильминского и Казанской учительской семинарии / сост., авторы вступ. статьи, археогр. предисл., примеч. Г.А. Николаев, Р.Р. Исхаков. Чебоксары: ЧГИГН; Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2023. 496 с.
7. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 4. Буинский уезд Симбирск: Тип. А.П. Балакиришкова, 1914. С. 2–221.

8. *Спиридон Михайлов*. Балдран-базар в Козьмодемьянском уезде // Казанские губернские ведомости. Прибавление. Часть официальная. 1852. № 21.
9. Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: Симбирская губ. тип., 1897. 417 с.
10. Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: Симбирская губ. тип., 1913. 283 с.
11. Справочная книга Казанской епархии. Казань: Тип. А.М. Петрова, 1904. 798 с.
12. Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей Казанских кряшенских курсов (педагогического техникума) (1921–1922): сборник материалов и документов / сост., авт. предисл. и примеч. Р.Р. Исхаков, Г.А. Николаев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2014. 316 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кандаратский М.Ф.* Признаки вымирания луговых черемис Казанской губернии: (эпидемия зоба и кретинизма). Казань: Тип. Императ. ун-та, 1889. 68 с.
- Коблов Я.Д.* О татаризации инородцев Приволжского края // Православный собеседник. 1911. Июль-август. С. 88–112.
- Крестьянское землевладение Казанской губернии. Казанский уезд. Вып. 1. Казань: Типолит. И.В. Ермолаевой, 1907. 93 с.
- Крестьянское землевладение Казанской губернии. Козьмодемьянский уезд. Вып. 10. Казань: Типолит. И.В. Ермолаевой, 1907а. 119 с.
- Крестьянское землевладение Казанской губернии. Свод по губернии. Вып. 13. Казань: Литотип. И.Н. Харитонов, 1909. 305 с.
- Литвак К.Б.* Перепись населения 1897 г. о крестьянстве России: (источниковедческий аспект) // История СССР. 1990. № 1. С. 114–126.
- Никольский Н.В.* Программа для собирания сведений о чувашах // Известия по Казанской епархии. 1904. № 3. С. 63–72.
- Тимофеев Г.Т.* Тәхәрәл: Этнографи төрленчәкәсем. Халәх сәмахләхә. Ҙыра пынысем. Ҙырусемпе асаилүсем. Шупашкар: Чăваш кенеке изд-ви, 2002. 431 с.
- Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования. СПб.: Изд. Н.П. Полякова, 1869. 494 с.

REFERENCES

- Kandaratskiy M.F. *Signs of Extinction of the Meadow Cheremis of the Kazan Governorate: (Epidemic of Goiter and Cretinism)*. Kazan: Kazan Imperial University, 1889. 68 p. (In Russian)
- Koblov Ya.D. On the Tatarization of Non-Russians of the Volga Region. *Pravoslavniy Sobesednik*. 1911, July-August, pp. 88–112. (In Russian)
- Peasant Land Ownership of the Kazan Governorate. Kazan Uyezd*. Iss. 1. Kazan: I.V. Ermolaev Typolit., 1907. 93 p. (In Russian)
- Peasant Land Ownership of the Kazan Governorate. Kozmodemyansk Uyezd*. Iss. 10. Kazan: I.V. Ermolaev Typolit., 1907a. 119 p. (In Russian)

Peasant Land Ownership of the Kazan Governorate. Summary for the Governorate. Iss. 13. Kazan: I.N. Kharitonov Litotyp., 1909. 305 p. (In Russian)

Litvak K.B. Population Census of 1897 on the Peasantry of Russia: (Source Study Aspect). *History of the USSR.* 1990, no. 1, pp. 114–126. (In Russian)

Nikolskiy N.V. Program for Collecting Information About the Chuvashes. *Izvestiya po Kazanskoy Eparkhii.* 1904, no. 3, pp. 63–72. (In Russian)

Timofeev G.T. *Takharyal: Ethnographic Sketches. Folklore. Notes. Letters and Memoirs.* Cheboksary: Chuvash Book Publ., 2002. 431 p. (In Chuvash)

Flerovskiy N. *Situation of the Working Class in Russia. Observations and Research.* St. Petersburg: N.P. Polyakov Publ., 1869. 494 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Николаев Геннадий Алексеевич – кандидат исторических наук, исследователь (Чебоксары, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0000-1443-545X>; e-mail: nicga50@rambler.ru

About the author:

Gennady A. Nikolaev– Cand. Sci. (history), Researcher (Cheboksary, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0000-1443-545X>; e-mail: nicga50@rambler.ru

Поступила в редакцию / Received 12.12.2025

Поступила после рецензирования / Revised 26.01.2026

Принята к публикации / Accepted 19.02.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH ARTICLE

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.73-82>

Офицер Набиулла Ахметгареевич Вахитов (1886–1940) – участник Первой мировой войны

Х.М. Абдуллин

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Xalimabd@mail.ru

Резюме. Один из актуальных вопросов военно-исторической науки в Российской Федерации на современном этапе – поиск данных об участниках Первой мировой войны. Как известно, в советской историографии эта военная кампания считалась «империалистической», соответственно, не была в числе актуальных тем для изучения. В Советском Союзе ветераны Первой мировой войны, даже подлинные герои, не пользовались никакими льготами, в силу идеологии не считали эту войну предметом гордости, даже наоборот, старались всячески завуалировать и нивелировать свое участие и боевые подвиги, а память о погибших в ходе сражений и вовсе была практически забыта. Цель исследования: изучить биографию Набиуллы Ахметгареевича Вахитова (1886–1940) – участника Первой мировой и Гражданской войн. Особое внимание в статье уделено его военной службе: сначала в качестве нижнего чина Российской императорской армии, а позже – офицера пехотного запасного полка. Актуализация интереса к этой персоне еще и в том, что он был видным деятелем социалистического движения среди татар, а также сподвижником и родственником революционера Муллачура Вахитова. Ведущим методом при изучении биографии Н.А. Вахитова стал комплексный подход, основанный на исследовании разных видов источников. В работе задействованы специальные исторические исследования (монографии и научные статьи), опубликованные и неопубликованные исторические источники начала XX в. Благодаря обнаруженному в архиве послужному списку прапорщика Н.А. Вахитова выявлены новые факты из его биографии; детализированы важные аспекты, связанные с прохождением им военной службы в различных подразделениях императорской армии; уточнено время, место и точное название военно-учебного заведения, которое он окончил в период Первой мировой войны, о чем ранее не было известно.

Ключевые слова: Вахитов Набиулла Ахметгареевич; Первая мировая война; военнослужащие-мусульмане; прапорщик; 95-й пехотный запасной полк

Для цитирования: Абдуллин Х.М. Офицер Набиулла Ахметгареевич Вахитов (1886–1940) – участник Первой мировой войны. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 1. С. 73–82.

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.73-82>

Officer Nabiulla Akhmetgareevich Vakhitov (1886–1940) –
a Participant of the First World War

Kh.M. Abdullin

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
Xalimabd@mail.ru*

Abstract. One of the current issues of military-historical science in the Russian Federation at the present stage is the search for data about participants of the First World War. As is known, in Soviet historiography this military campaign was considered “imperialistic”. Accordingly, it was not among the topical themes for study. In the Soviet Union, veterans of the First World War, even true heroes, did not enjoy any benefits. Due to ideology, they did not consider this war a subject of pride; even vice versa, they tried in every way to disguise and level their participation and combat feats, and the memory of those who died during the battles was almost forgotten. The purpose of the study is to investigate the biography of Nabiulla Akhmetgareevich Vakhitov (1886–1940) – a participant of the First World and Civil Wars. Special attention in the article is paid to his military service: first as a lower rank of the Russian Imperial Army, and later as an officer of an infantry reserve regiment. The actualization of interest in this persona is also due to the fact that he was a prominent figure in the socialist movement among the Tatars, as well as an associate and relative of the revolutionary Mullanur Vakhitov. The leading method in studying the biography of N.A. Vakhitov was an integrated approach based on the research of various types of sources. Special historical studies (monographs and research articles), published and unpublished historical sources of the early 20th century are involved in the work. Thanks to the service record of Praporshchik N.A. Vakhitov found in the archive, new facts from his biography were revealed; important aspects related to his military service in various units of the Imperial Army were detailed; the time, place, and exact name of the military educational institution he graduated from during the First World War, which was previously unknown, were clarified.

Keywords: Vakhitov Nabiulla Akhmetgareevich; First World War; Muslim Military Personnel; Praporshchik; 95th Infantry Reserve Regiment

For citation: Abdullin Kh.M. Officer Nabiulla Akhmetgareevich Vakhitov (1886–1940) – a Participant of the First World War. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 1, pp. 73–82.
<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.73-82> (In Russian)

Набиулла Гареевич (Ахметгареевич) Вахитов (1886–1940) получил известность как ближайший сподвижник татарского революционера Муллачура Вахитова (1885–1918), он приходился ему дядей (Набиулла и отец Муллачура Муллазян являлись родными братьями), однако они были ровесниками, росли вместе и дружили (Козлова, 2011, с. 290). Близки они были и идейно: оба являлись сторонниками социалистических взглядов (Зайнутдинов, 2022, с. 39–41, 46–47). Родился Набиулла в уездном городе

Кунгуре Пермской губернии в семье торговца Гарее (Ахметгарее) Вахитова, правда, к концу XIX в. торговые дела отца пришли в упадок.

В 1904–1908 гг. Набиулла учился в Казанской художественной школе и активно участвовал в творческой жизни молодой татарской интеллигенции города. В театральном кружке «Шимбэ» («Суббота») выполнял обязанности оформителя таких спектаклей, как «Кызганыч бала» («Бедное дитя»), «Гыйшык бэласе» («Страдания от любви») турецкого писателя Н.Кемаля, «Бичара кыз» («Бедная девочка») Г.Ильяси. Однако в дальнейшем Н.Вахитов уходит в коммерческую сферу: в 1908–1910 гг. работал коммивояжером чайной фирмы Т.Д. Швецова, в 1910–1912 гг. – торговым представителем «Товарищества российско-американской резиновой мануфактуры» («Треугольник»), в 1912–1915 гг. – помощником бухгалтера в конторе нефтепромышленной фирмы Ш.Асадуллаева в Москве [3, с. 551].

С началом Первой мировой войны он был мобилизован в действующую армию, однако этот период его жизни наименее известен. В справочных изданиях лишь указывается, что в 1915–1917 гг. Набиулла служил в Российской армии, притом в 1917 г. являлся командиром 12-й мусульманской роты 95-го пехотного запасного полка [3, с. 551].

В какой-то степени восполнить эти лакуны в его биографии позволяет обнаруженный в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) послужной список прапорщика Набиуллы Ахметгареевича Вахитова от 17 августа 1917 г.¹ В нем указано, что он родился 2 июня 1886 г. и происходил из мещан города Кунгура Пермской губернии. «Магометанского» вероисповедания. На момент составления послужного списка орденов и знаков отличия не имел. Выдержал испытание на звание вольноопределяющегося² 2-го разряда в испытательной комиссии Казанского учебного округа³. 2 января 1915 г. он был принят на военную службу Московским уездным воинским начальником. 7 января 1915 г. назначен в 8-ю роту 99-го пехотного запасного батальона (приказ № 7). 16 января 1916 г. переведен в Запасной воздухоплавательный батальон (приказ № 17). 22 января 1916 г. выделен для укомплектования прикомандированной к батальону 7-й химической команды (приказ № 24). В ночь на 1 марта 1917 г. участвовал в газовой атаке. 11 марта 1917 г. был отправлен в распоряжение заведующего школами подготовки прапорщиков пехоты в Киевском военном округе и исключен из списков команды (приказ № 78). 18 марта 1917 г. прибыл в Управление Киевских школ подготовки прапорщиков пехоты и зачислен в Подготовительную

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 63872. Л. 1–3.

² Вольноопределяющиеся – в Русской императорской армии лица с образовательным цензом, поступившие добровольно, не вынимая жребия, на действительную военную службу нижними чинами.

³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 63872. Л. 1 об.

команду (приказ № 63). 14 апреля 1917 г. направлен на учебу в 4-ю Киевскую школу прапорщиков⁴. 15 апреля 1917 г. зачислен в списки юнкеров 1-й роты (приказ № 144). 6 августа 1917 г. возведен в чин младшего унтер-офицера (приказ № 301). Приказом командующего войсками Киевского военного округа № 1222 от 17 августа 1917 г. произведен в чин прапорщика армейской пехоты со старшинством с 17 июля 1917 г. 19 августа 1917 г. назначен в распоряжение начальника штаба Казанского военного округа и из школы убыл⁵. На этом повествование о его продвижении по службе заканчивается.

Из послужного списка нам также известно, что Набиулла был женат и принимал участие в походах и делах против Австро-Венгрии и Германии с 6 февраля 1916 г. по 11 марта 1917 г.⁶ Таким образом, на основе представленного документа можно сделать вывод, что Набиулла Вахитов не просто был мобилизован на период боевых действий, но и являлся непосредственным участником ряда сражений Первой мировой войны. Очевидно, что его образовательный ценз позволил ему, еще будучи в нижнем чине императорской армии, быть переведенным из обычной пехотной части в новую для военной науки того времени химическую команду запасного воздухоплавательного батальона. В этом подразделении в ночь на 1 марта 1917 г. Набиулла Вахитов принял участие в химической атаке – виде боевых действий, получившем распространение именно в период Первой мировой войны. Все чины химических команд были обучены применению противогазов. В российской армии в тот период был широко распространен противогаз Зелинского-Кумманта⁷, который считается первым в мире противогазом, обладавшим способностью поглощать широкий спектр боевых отравляющих веществ. Очевидно, что Н. Вахитов являлся одним из немногих пионеров-татар, задействованных в использовании химического оружия и защите от его применения.

Тот же образовательный ценз позволил направить его в офицерскую школу – в 4-ю Киевскую школу прапорщиков. Почему же военнослужащий с боевым опытом после получения офицерского чина, первых золотых погон прапорщика, не был отправлен обратно на фронт, а распределен в тыловую Казань? Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть его служебную деятельность в контексте военно-политических событий, происходивших в стране в эти годы.

⁴ 4-я Киевская школа прапорщиков – это краткосрочное военно-учебное заведение, созданное для восполнения больших потерь офицерского состава армии в период Первой мировой войны. Была создана на основании приказа №571 от 25 октября 1915 г. и рассчитана на 500 человек.

⁵ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 63872. Л. 2.

⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 63872. Л. 3.

⁷ Противогаз был разработан в 1915 г. российским ученым-химиком Николаем Дмитриевичем Зелинским и технологом завода «Треугольник» М.И. Куммантом.

После отречения императора от престола в результате революционных событий февраля 1917 г. все военнослужащие должны были присягнуть на верность Временному правительству. Так, 9 марта принимается приказ по Казанскому военному округу, содержащий в себе «форму присяги или клятвенного обещания на верность службы Российскому Государству», а также вариант присяги для лиц мусульманского вероисповедания [2]. О принятии присяги на верность Временному правительству и ее религиозном характере сообщали в своих письмах и военнослужащие на фронте [4, с. 203].

В то же время февральские события подстегнули открытое обсуждение и попытки разрешения национально-религиозных проблем исламской уммы страны. 16 марта 1917 г. начал свою работу Казанский гарнизонный мусульманский военный комитет, которым руководил офицер из казанских потомственных дворян Ильяс Алкин. Основной целью комитета было формирование мусульманских воинских частей и политическое просвещение мобилизованных воинов-мусульман. Абсолютное большинство поднятых солдатами тем составляли вопросы религиозного характера: назначение в каждый полк по одному мулле, отведение в казармах специальных мест для чтения пятикратного ежедневного намаза, объявление пятницы днем отдыха для мусульман, организация отдельного питания с использованием мяса животных, забитых по шариату, соблюдение исламских обрядов при похоронах военнослужащих-мусульман и т.д. При этом комитет пришел к заключению о невыполнимости этих требований без организации национальных военных формирований (Гиззатуллин, 2002, с. 50).

Примерно в это же время среди солдат-мусульман начинает распространяться брошюра на татарском языке под названием «Татар полклары ни өчен кирэк?» («Зачем нужны татарские полки?»), поднимавшая те же вопросы (Миңнуллин, 1994, б. 114–117). В целом в течение 1917 г. одной из главных задач мусульманского движения в России становится проблема организации регулярных национальных военных формирований и решение религиозных потребностей мусульман. Эта тема находит отражение и в работах ярких публицистов того периода. Например, военный корреспондент А.А. Тамарин-Мерецкий в одной из своих работ, вышедших в 1917 г., пишет: «Единственное, чего требуют мусульмане, – формирования мусульманских полков со своими офицерами и духовниками. Это немногое – их законное право. Во всем остальном они – русские солдаты, на которых всегда может опереться российская республика» (Тамарин, 1917, с. 31). Поручик Александр Александрович Тамарин-Мерецкий являлся крымским татаринoм по происхождению и в указанный период яро отстаивал идеи национальных воинских формирований в русской армии. Впоследствии он перейдет на сторону красных, в 1922–1923 гг. будет народным назиром (министром) по военным делам Бухарской народной советской республики.

С 17 по 26 июля 1917 г. в Казани был проведен 1-й Всероссийский мусульманский военный съезд, главным достижением которого стало создание Всероссийского мусульманского военного совета (Харби Шура, Вошуро) – высшего политического органа воинов-мусульман. За активное участие в подавлении мятежа генерала Л.Г. Корнилова Временное правительство в сентябре 1917 г. разрешило Вошуро создавать в армии мусульманские военные формирования [3, с. 645].

На основании приказа начальника Генштаба от 11 октября 1917 г. началась национализация (мусульманизация) трех пехотных запасных полков: 32-го (Симферополь), 95-го (Казань) и 144-го (Уфа), которые предназначались для 77-й (Юго-Западный фронт), 75-й (Западный фронт) и 13-й (Румынский фронт) пехотных дивизий (Исхаков, 2004, с. 337).

На основании данных Вошуро историк С.М. Исхаков выделил следующие мусульманские части, действовавшие в конце 1917 г.: Туземный корпус, два Крымских конных полка, 1-й мусульманский стрелковый корпус на Румынском фронте, 1-й мусульманский стрелковый полк в Оренбурге, 2-й мусульманский запасной полк в Уфе (был сформирован на основе 144-го запасного пехотного полка), Текинские полки; кроме того, несколько отдельных эскадронов и многочисленные роты и батальоны. Заканчивалось переформирование 32-го пехотного запасного полка в Симферополе, 95-го пехотного запасного полка в Казани и двух дивизий на фронте. Была начата мусульманизация полка в таких городах, как Москва и Елисаветполь (ныне город Гянджа, Азербайджан) (Исхаков, 2004, с. 436–437). По другим материалам, относящимся к началу января 1918 г., кроме перечисленных воинских формирований, татар и башкир направляли для службы в 6-й мусульманский полк (Белебей) и 1-й мусульманский революционный батальон Урала (Челябинск) (Габдрафикова, Абдуллин, 1915, с. 118).

Если среди мобилизованных солдат было достаточно много татар и башкир, то с офицерским составом из их числа возникли большие проблемы. Учитывая необходимость образовательного ценза на русском языке при поступлении даже в ускоренные офицерские курсы военных училищ, лишь очень небольшая прослойка образованных татар могла претендовать на такую привилегию. Как итог, после принципиального решения правительства сначала о создании мусульманских маршевых рот, а позже и отдельных полков, все лица татарской национальности из стен военно-учебных заведений стали поступать на комплектование национальных подразделений. А так как процесс шел параллельно и на фронте, и в тылу, то офицеры в действующей армии переводились на службу в мусульманизируемые подразделения на фронте, в тылу же новоиспеченные офицеры попадали в запасные полки, в составе которых во главе маршевых рот должны были уходить на пополнение на фронт.

Оказавшись осенью 1917 г. на службе в Казани, в том самом 95-м пехотном запасном полку, новоиспеченный офицер Набиулла Вахитов не-

минуемо был втянут в водоворот военно-политических событий, разворачивавшихся в столице Казанской губернии. Учитывая его крайние социалистические взгляды и близость к Муллануру Вахитову, не трудно предположить, на какой стороне баррикад оказался Набиулла Вахитов. Еще в период Первой русской революции он был активным членом боевой дружины рабочих. Затем помогал Муллануру Вахитову в печатании революционных листовок (Насыров, 1983, с. 52).

Военнослужащие 95-го пехотного запасного полка приняли самое деятельное участие в октябрьских событиях 1917 г. Набиулла во главе одного из восставших подразделений участвовал в подавлении частей верных Временному правительству и Учредительному собранию. Как итог, 12 декабря Казанский военно-окружной исполнительный комитет молодого советского правительства в регионе поддержал чаяния офицеров и солдат мусульман и переименовал полк в 95-й мусульманский пехотный запасной полк. Решение было закреплено в приказе по округу № 187 от 18 декабря 1917 г. 22 декабря 1917 г. командиром полка был назначен капитан Акрам Мухаммеджанович Биглов⁸. В январе в полку числилось 10 тысяч солдат и около 30 офицеров [1], одним из которых и был Набиулла Вахитов. Приказом № 12 по Казанскому военному округу от 8 января 1918 г. 1-й Оренбургский, 2-й Уфимский и 95-й мусульманские стрелковые полки были сведены в 1-ю отдельную мусульманскую стрелковую бригаду, управление которой формировалось при 13-й пехотной запасной бригаде в Казани (Гиззатуллин, 2002, с. 104).

В начале 1918 г. Набиулла демобилизуется из рядов старой армии и вступает добровольцем в Рабоче-крестьянскую Красную армию, участвует в разгроме «Забулачной республики», а в мае 1918 г. становится заместителем председателя Центральной мусульманской военной коллегии (Насыров, 1983, с. 53). В стране разгорается Гражданская война, и некогда однокурсники юнкерских училищ и школ прапорщиков, сослуживцы-офицеры одних полков Первой мировой войны становятся яркими врагами, разрывая страну на части по идеологическим, непримиримым принципам. Вот и офицеры, некогда служившие в 95-м мусульманском пехотном запасном полку, окажутся по разные стороны баррикад. Если Набиулла Вахитов во главе 2-го

⁸ Биглов Акрам (Мухаммедакрам) Мухаммеджанович (1871–1919) – политический и военный деятель. Из дворян. Крупный землевладелец Оренбургской губернии (850 десятин). Окончил Оренбургский кадетский корпус. Председатель Белебеевской земской управы. Депутат II Государственной думы (1907) от Уфимской губернии, один из организаторов и руководителей мусульманской фракции. Член бюджетной комиссии. В Думе поддерживал фракцию кадетов. За антиправительственные взгляды его лишили избирательных прав в III Государственную думу. Во время Первой мировой войны был призван в действующую армию. В 1917–1918 гг. командир 95-го мусульманского пехотного запасного полка в Казани. Октябрьскую революцию не принял, примкнул к Белому движению. Погиб в бою.

татаро-башкирского батальона будет усмирять левозеро-ровский мятеж в Москве летом 1918 г., а позже оборонять красную Казань (Насыров, 1983, с. 54), то его шеф по 95-му полку Акрам Биглов, наоборот, станет одним из лидеров «Забулачной республики», а в 1919 г. – командиром 16-го татарского стрелкового полка в армии А.В. Колчака [3, с. 379].

Дальнейшая судьба Набиуллы Вахитова будет тесно связана со становлением и развитием молодого советского государства. Осенью 1918 г. он вступает в РКП(б). Еще в мае 1918 г. Н.Вахитов был назначен заместителем председателя Центральной мусульманской военной коллегии. В этом качестве он принимал деятельное участие в создании национальных частей Красной Армии, читал лекции на курсах по подготовке командных кадров. Приказом политуправления Реввоенсовета республики от 1 сентября 1920 г. Набиулла Вахитов назначается председателем комиссии по упразднению Центральной мусульманской военной коллегии. После чего он переходит на работу в штаб РККА, став начальником его Восточного отдела, консультантом по восточным вопросам, помощником комиссара управления. В конце 1922 г. демобилизуется из Красной Армии и направляется в распоряжение Татарского обкома РКП(б), назначается председателем правления Татарского коммунального банка. В 1927–1929 гг. работал представителем Татарской АССР при ВЦИК РСФСР. Затем находился на руководящей хозяйственной работе в Москве. В начале 1930 г. в качестве посланца московских рабочих коммунист Набиулла Вахитов направляется в сельскую местность для помощи в проведении коллективизации, становится 1-м секретарем Чаадаевского райкома ВКП(б) Кузнецкого округа Северо-Восточной области. В этот период он заканчивает Институт Наркомата местной промышленности и далее вновь находится на ответственных хозяйственных должностях в Москве. Скончался Набиулла Вахитов там же в 1940 г. (Насыров, 1983, с. 53–55).

Таким образом, представленные материалы значительно уточнили биографические данные об одном из лидеров социалистического движения среди военнослужащих-мусульман в Казани Набиулле Ахметгареевиче Вахитове. Установлен факт его непосредственного участия в боевых действиях в Первой мировой войне, детализированы аспекты прохождения военной службы в различных подразделениях императорской армии, уточнено время, место и точное название военно-учебного заведения, которое он окончил в период Первой мировой войны.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Известия Всероссийского мусульманского военного шуро. 1918. № 12. 28 января.
2. Приказы по Казанскому военному округу. 1917 г. № 430.
3. Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. Т. 1: А–В. Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 2002. 672 с.
4. Царская армия в период Мировой войны и Февральской революции (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / сост.: А.Максимов, Е.Медведев, Ш.Юсупов; под ред. А. Максимова. Казань: Татиздат, 1932. 239 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М.* Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 395 с.
- Гиззатуллин И.Г.* Мусульманские военные организации (1917–1921). Казань: Фэн, 2002. 202 с.
- Зайнутдинов Д.Р.* Политико-правовые воззрения Муллачура Вахитова // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 3. С. 38–50.
- Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2004. 598 с.
- Козлова Э.А.* Вахитовы (моя родословная) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2011. № 1–2. С. 290–291.
- Миңнуллин Ж.* «Татар полклары ни өчен кирәк?» // Мирас. 1994. № 4. Б. 114–117.
- Насыров Т.* Вахитов Н.Г. // Борцы за счастье народное. Книга вторая. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. С. 52–55.
- Тамарин А.* Мусульмане на Руси. М.: Изд. Д. Я. Маковского, 1917. 32 с.

REFERENCES

- Gabdrāfikova L.R., Abdullin Kh.M. *Tatars during the First World War (1914–1918): Monograph*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2015. 395 p. (In Russian)
- Gizzatullin I.G. *Muslim Military Organizations (1917–1921)*. Kazan: Fen, 2002. 202 p. (In Russian)
- Zaynutdinov D.R. Political and legal views of Mullanur Vakhitov. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2022, vol. 12, no. 3, pp. 38–50. (In Russian)
- Iskhakov S.M. *Russian Muslims and the Revolution (Spring 1917 – Summer 1918)*. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Socio-political Thought Publ., 2004. 598 p. (In Russian)

Kozlova E.A. Vakhitovs (My Genealogy). *Gasyrlar Avazy – Echo of Centuries*. 2011, no. 1–2, pp. 290–291. (In Russian)

Minnullin J. “Why Are Tatar Regiments Needed?” *Miras*. 1994, no. 4, pp. 114–117. (In Tatar)

Nasyrov T. Vakhitov N.G. *Fighters for the People’s Happiness*. Book 2. Kazan: Tatar Book Publ., 1983. Pp. 52–55. (In Russian)

Tamarin A. *Muslims in Russia*. Moscow: D.Ya. Makovskiy Publ., 1917. 32 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Абдуллин Халим Миннуллович – кандидат исторических наук, заведующий отделом новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-0212-6953>; ResearcherID: F-6652-2018; ScopusID: 56707127600; e-mail: Xalimabd@mail.ru

About the author:

Khalim M. Abdullin – Cand. Sci. (history), Head of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-0212-6953>; ResearcherID: F-6652-2018; ScopusID: 56707127600; e-mail: Xalimabd@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 29.12.2025

Поступила после рецензирования / Revised 23.01.2026

Принята к публикации / Accepted 20.02.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH ARTICLE

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.83-93>

Подпольная деятельность «Волжской организации генерала Алексеева» в Казани в 1918 году

С.Р. Заляев

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

srzaliaev@edu.hse.ru

Резюме. Статья посвящена исследованию деятельности крупнейшего офицерского подполья в Казани – «Волжской организации генерала Алексеева», чья роль в захвате города Комучем в августе 1918 г. долгое время оставалась в тени масштабных военных операций. На основе анализа воспоминаний активного участника организации Н.П. Выговского, опубликованных в 1928 г. в эмигрантской газете «Русское слово» и впервые привлекаемых к исследованию, а также писем генерала Ю.Д. Романовского генералу М.В. Алексееву, датированных августом 1918 г., реконструируется структура, коалиционные связи и практическая деятельность подполья. Организация, объединявшая офицеров, земцев, профессуру и представителей торгово-промышленных кругов, поддерживала связи с Добровольческой армией, иностранными миссиями и симпатизирующими воинскими частями. Несмотря на то, что деятельность казанской подпольной организации была раскрыта чекистами в начале лета 1918 г., и часть руководства была арестована, подполье сохранило активность. Его влияние на исход штурма Казани 6–7 августа оказалось одним из ключевых. Деятельность организации была направлена не на подготовку массового восстания, а на системный саботаж (умышленно неверная наводка артиллерии, срыв приказов), дезинформацию и деморализацию большевистского тыла. Это обстоятельство, в сочетании с открытым восстанием в день штурма, привело к катастрофической дезорганизации обороны, способствовало панике и в конечном итоге предопределило успех наступающих при минимальных потерях с их стороны. Таким образом, падение Казани представлено как результат синергии внешнего военного давления и глубокого внутреннего кризиса, ключевым элементом которого стала целенаправленная работа сплоченного офицерского подполья, действовавшего как эффективная «пятая колонна».

Ключевые слова: Гражданская война; Алексеевская организация; Комуч; Казань; Н.П. Выговский; Народная армия

Для цитирования: Заляев С.Р. Подпольная деятельность «Волжской организации генерала Алексеева» в Казани в 1918 году. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 1. С. 83–93.

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.83-93>

Underground Activities of the Volga Organization of General Alekseev in Kazan in 1918

S.R. Zalyaev

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
srzالياev@edu.hse.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the activities of the largest officer underground in Kazan – the Volga Organization of General Alekseev, whose role in the capture of the city by Komuch in August 1918 for a long time remained in the shadow of large-scale military operations. Based on the analysis of the memoirs of an active participant of the organization N.P. Vygovskiy, published in 1928 in the emigrant newspaper *Russian Word* and involved in the study for the first time, as well as letters from General Yu.D. Romanovskiy to General M.V. Alekseev, dated August 1918, the structure, coalition ties, and practical activities of the underground are reconstructed. The organization, which united officers, Zemstvos, professors, and representatives of trade and industrial circles, maintained ties with the Volunteer Army, foreign missions, and sympathizing military units. Despite the fact that the activities of the Kazan underground organization were discovered by the Chekists in the early summer of 1918 and part of the leadership was arrested, the underground remained active. Its influence on the outcome of the assault on Kazan on August 6–7 proved to be one of the key factors. The activities of the organization were aimed not at preparing a mass uprising, but at systemic sabotage (intentionally incorrect artillery aiming, disruption of orders), disinformation, and demoralization of the Bolshevik rear. This circumstance, combined with an open uprising on the day of the assault, led to a catastrophic disorganization of the defense, contributed to panic, and ultimately predetermined the success of the attackers with minimal losses on their part. Thus, the fall of Kazan is presented as a result of the synergy of external military pressure and a deep internal crisis, the key element of which was the purposeful work of a cohesive officer underground acting as an effective "fifth column".

Keywords: Civil War; Alekseev Organization; Komuch; Kazan; N.P. Vygovskiy; People's Army

For citation: Zalyaev S.R. Underground Activities of the Volga Organization of General Alekseev in Kazan in 1918. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 1, pp. 83–93.
<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.83-93> (In Russian)

При анализе Гражданской войны в Казани исследователи традиционно акцентируют внимание на периоде августа-сентября 1918 г., когда город стал ключевой ареной противостояния между 5-й Красной и Народной армиями. К сожалению, это заслоняет множество важных сюжетов, в том числе деятельность подпольной Алексеевской организации. Пролить свет

на эти события позволяют воспоминания активных деятелей организации, опубликованные за рубежом и впервые использованные в данной работе.

Речь идет об обнаруженной в харбинской газете «Русское слово» серии статей под общим названием «Дела минувших дней. Алексеевская организация в Казани», детально раскрывающих деятельность этого подпольного формирования [см.: 2; 3; 4; 5]. Ее автор, скрывавшийся под псевдонимом «В-ский», был активным членом организации и непосредственным участником штурма города. Сопоставление этих мемуаров с другой статьей – «Под башнями Казани» А.Глэна, опубликованной в шанхайской газете «Вечерняя заря», позволяет с уверенностью утверждать, что за псевдонимом стоял казанский монархист Н.П. Выговский [6, с. 2].

В данной статье на основе анализа этих источников, а также обнаруженных и опубликованных историком А.В. Ганиным писем второго лидера организации генерал-лейтенанта Ю.Д. Романовского (Ганин, 2019) реконструирована целостная картина одного из прежде игнорируемых эпизодов Гражданской войны. В дополнение к опубликованным источникам использованы архивные материалы.

Начиная с 1918 г. положение казанских большевиков оказывалось все более критичным. Разрыв отношений с представителями татарской национальной элиты привел к открытому военному столкновению внутри города. После ликвидации «Забулачной республики» последовала серия погромов на национальной почве, сопровождавшихся жесткими ограничениями прав татарского населения (Запись, 1998, с. 117, 118; Бочков, 2021, с. 22; Исхаки, 1933, с. 43). Тяжелое положение наблюдалось в деревне, в результате ревизии церковного и продовольственного имущества началась череда восстаний и убийств партийных работников. Важной угрозой оставались и офицерские подпольные организации, возникшие в городе в период с 1917 по 1918 г. Наиболее крупным и известным подпольем являлась «Волжская организация генерала Алексеева» генерал-лейтенанта И.И. Попова, насчитывавшая в своем составе около 450–460 человек (Показания, 1989, с. 101), державшая связь с «Москвой и некоторыми городами на Волге» (Мейбом, 2003, с. 119).

Воспоминания казанских большевиков ясно свидетельствуют о том, что они плохо знали своих противников, действовавших в городе. Так, глава местной ЧК М.И. Лацис ошибочно полагал, что офицерское подполье входило в состав «Союза Защиты Родины и Свободы» Б.В. Савинкова и готовилось к свержению Советской власти с целью возобновления войны с Германией (Лацис, 1924, с. 5). Комиссар Л.Р. Милх считал, что заговорщики планировали по заранее составленным спискам уничтожить местных партийных работников и захватить власть в городе (Милх, 1924, с. 17).

Причина подобной путаницы скрывается в широком коалиционном представительстве. Помимо офицеров в организацию входили земцы (князь А.А. Кропоткин, Н.В. Смирнов) и представители торгово-промыш-

ленных кругов (В.Ф. Иванов, Набоков). Со слов Выговского, именно землец Кропоткин организовал встречу с «донским триумvirатом» (М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов, А.М. Каледин), по результату которой организация получила свое официальное название – «Волжская организация ген[ерала] Алексеева» [2, с. 3]. Этот же факт упомянул в письме Романовский. По его словам, встреча состоялась в ноябре 1917 г. в Новочеркасске, причем в состав казанской делегации также входили Геркен (можно предположить, что речь о П.И. Геркене, председателе Казанской губернской земской управы в 1904–1907 гг.) и барон Шлипенбах (Ганин, 2019, с. 77).

Хотя профессура Казанского университета также была осведомлена о деятельности алексеевцев, она отрицательно относилась к привлечению студентов в подпольную организацию с целью их подготовки к вооруженной борьбе [2, с. 3]. Тем не менее, алексеевцы приступили к созданию своих боевых ячеек, в которые вступали и студенты. В частности, Выговский упомянул следующие подразделения: под руководством полковника Нечаева, поручика Башмакова, поручика А.А. Богданова, капитана Цимбалова, ротмистра Фельдмана [2, с. 3].

Длительную связь казанские алексеевцы держали и с 5-м уланским Литовским полком, расквартированным в Симбирске. Ротмистр полка В.А. Зиновьев был знаком с лидерами казанской группы: Романовским, полковником артиллерии П.Г. Сушко и поручиком Геркеном. До июня 1918 г. организация планировала отправиться на Дон, в Добровольческую армию, однако восстание Чехословацкого легиона и появление Комуча заставили группу изменить планы и дожидаться приближения «каппелевцев» (Зиновьев, 2003, с. 143).

В начале лета 1918 г. в Казани действовали и другие подпольные организации – савинковская (планировавшая восстание в Поволжье) и различные разрозненные группы солдат. К примеру, в городе существовала рабочая артель грузчиков и перевозчиков, состоявшая из бывших солдат «Бессмертных гусар» («5-й гусарский Александрийский Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк») во главе с ее последним командиром полковником А.Н. Козловым [9, с. 3]. Важно отметить, что эти организации знали о существовании друг друга, но действовали автономно, что также путало большевиков.

В конце весны – начале лета 1918 г. произошло крайне важное событие – Казанской губернской ЧК удалось провести неожиданную облаву и обнаружить поименный список всех членов организации. Десятки алексеевцев во главе с лидером организации генералом Поповым подверглись аресту. Как показывают материалы допросов, глава организации пытался ввести следствие в заблуждение, представляя формирование как кассу взаимопомощи для финансирования неимущих офицеров, врачей, бывших чиновников и их семей (Показания, 1989, с. 101). Организация ради отчетности выделяла зарплаты офицерам и их военным ячейкам, из оружия собралось всего 180 винтовок и один ящик ручных гранат, из которых после

вскрытия осталось лишь 55 винтовок (Показания, 1989, с. 101). Последующие события показали, что генерал пытался либо покрыть других арестованных, либо сохранить подполье, перешедшее под руководство генерал-лейтенанта Романовского. Уверенная позиция генерала Попова не спасла его от жестокого наказания, он был приговорен к расстрелу.

Все же большинству казанских офицеров удалось либо избежать ареста (как группе капитана Ф.Ф. Мейбома, ушедшей в партизаны), либо бежать из-под стражи. Так, из тюрьмы сбежал сын покойного лидера организации – Б.И. Попов, впоследствии активный участник боев за Казань [8, с. 6]. Можно предположить, что побеги были организованы самой организацией: со слов Выговского, офицеры рассматривали возможность штурма казанской тюрьмы с помощью своего агента, служившего в учреждении.

Лацис скептически резюмировал результаты антиофицерской кампании: «ВЧК удалось устранить только верхушку. Корни оставались, и можно было предполагать, что контр-революционные организации продолжают свою работу. На деле быстро это подтвердилось...» (Лацис, 1924, с. 7). Многие казанские большевики жаловались на открытый саботаж со стороны городского офицерства. Военный комиссар Ф.Терехин отмечал, что офицерство вело себя недоброжелательно, выполняло задания формально, открыто саботируя приказы (Терехин, 1924, с. 27); видный партизнец А.И. Бочков вспоминал, что казанские летчики радовались приближению народоармейцев к городу (Бочков, 2021, с.27); член Чрезвычайной следственной комиссии В.Мазунин отмечал не только саботаж, но и открытую вербовку казанских офицеров в Алексеевскую организацию на специально организованных вечерах в «Швейцарии»¹ и балах (Мазунин, 1924, с. 38).

Л.Д. Троцкий, прибывший после падения Казани в Свияжск, был крайне разочарован деятельностью местных большевиков, допустивших подобную катастрофу: «Измена гнездилась в штабе, в командном составе и вокруг. Неприятель знал, куда бить, и почти всегда действовал наверняка. Это обескураживало» (Троцкий, 1991, с. 383). Во время посещения передовой Троцкий едва не погиб от вражеского обстрела, который, как он осознал лишь годы спустя, был организован артиллерийским офицером-саботажником. В своей автобиографии Л.Троцкий вспоминал, что офицер, под предлогом отдать приказ, по телефону скорректировал огонь неприятеля по их позиции: «Он рисковал вдвойне: попасть вместе со мною под снаряд белых или быть расстрелянным красными» (Троцкий, 1991, с. 383).

Вместе с тем следует понимать, что часть этих характеристик была дана уже после падения города. Поиск виновных среди скрытых саботажников был удобен из-за плохой организации обороны. Многие современники описывали совершенно иное положение казанского офицерства. Так, например, Милх критично относился к деятельности офицерской органи-

¹ Место общественных гуляний на окраине города, названное так за живописный рельеф, напоминавший швейцарские пейзажи.

зации, считая, что сдача города не была обусловлена их восстанием, сражавшиеся войска и вовсе «о нем почти и не знали» (Милх, 1924, с. 17). О.А. Ильина-Боратынская, представительница старого казанского дворянства, хотя и отмечала, что у казанского офицерства существовал специальный «гид», через которого добровольцы отправлялись на Дон, резюмировала: раз весь город знает об этой секретной организации, то «само по себе уже значит, что это не серьезно» (Ильина, 2003, с. 275).

Алексеевская организация, действительно, не пользовалась сильным авторитетом среди военных. Как уже было указано выше, подпольное ядро состояло из нескольких сотен членов, тогда как в городе находилось порядка 5000 офицеров. Мейбом по этому поводу сокрушался: «Закричи Муравьев: “Становись на колени!” – они (офицеры. – С.З.) бы встали» (Мейбом, 2003, с. 82). Профессор Николаевской военной академии М.А. Иностранцев также с разочарованием отмечал: «Старые кадровые офицеры почему-то лишь в весьма небольшом количестве вступают в эту организацию и предпочитают служить лакеями в ресторанах и продавать газеты, чем бороться с оружием в руках» (Иностранцев, 2017, с. 641).

При этих характеристиках стоит помнить, что каждый офицер по факту своего существования подвергался угрозе жизни из-за развернувшегося в городе красного террора. Ильина-Боратынская указывала на постоянные стычки между офицерами (безуспешно пытавшихся скрыть погоны за башлыками) и большевиками, которые заканчивались бессудными арестами и расстрелами в «графском подвале» (Ильина, 2003, с. 269). Казачка М.М. Юрлова описывала унижительную сцену допроса студентами-большевиками инвалидов ветеранов войны, которая также закончилась арестом (Юрлова, 2023, с. 177–178).

Тем не менее, даже в таких диких условиях и после вскрытия подполья организация продолжала функционировать. Алексеевцы сумели установить контакт с французскими представителями, сыгравшими впоследствии важную роль в саботаже Северной группы Народной армии. Организация направила на самолете к А.П. Степанову (руководителю Северной группы армии Комуча) офицера французской военной миссии капитана Ф.Борда, который и вынудил штаб изменить свои планы и двинуться к Казани.

В этот же момент алексеевцы наладили контакт с Сербским революционным батальоном, который был расквартирован в кремле. Под страхом быть влитым в ряды Красной Армии командир батальона М.Благотич обратился к генерал-лейтенанту Романовскому с просьбой разрешить ему использовать склад организации для осуществления прорыва: «Когда нас придут разоружать, мы выбросим ручные гранаты, прорвемся к складу, вооружимся и уйдем из города». После этого штабом было принято решение выступить с сербами совместно. Несмотря на начатую подготовку, совместной акции помешало внезапное вскрытие оружейного тайника и потеря связи с двумя подпольными отрядами. После данной неудачи ба-

тальон начал самовольно покидать город, двигаясь навстречу частям Степанова [3, с. 3].

За несколько же дней до штурма города частями Комуча организация разделилась и рассредоточилась по региону. Часть алексеевцев под руководством офицера Батуева бежала в Раифскую пустынь, остальные ячейки остались в городе, ожидая удобного момента для восстания [4, с. 3].

Прибытие частей Комуча оказалось внезапным не только для большевиков, но и для подпольных офицеров с самарским центром. Один из членов штаба Северной группы (коему и принадлежала инициатива взятия Казани вопреки приказам из Самары) В.И. Лебедев так характеризовал настроение подступающих народоармейцев: «Настроение войск было неопишимо. Это настроение и окружающая красоты природы придавали нашей экспедиции характер феерии, сказки» [1, с. 3].

Долгое время было непонятно, почему алексеевцы не подготовились к подходу долгожданной Народной армии. Выговский проливает свет на эту историю: Ф.Борд, направленный на юг, после встречи со Степановым должен был на аэроплане вернуться в Казань и сбросить пакет с данными о сроках прибытия народоармейцев в условленном месте – у кирпичных сараев за городом. Там его ждал тайный агент, который должен был подать сигнал белой простыней. Несмотря на простоту плана, погода внесла свои коррективы: в нужный момент ветер унес пакет, и найти его не удалось. Как утверждал Выговский, эта роковая случайность и погубила все дело, поставив алексеевцев в «неведение о сроках прихода наших чешских союзников» [3, с. 3].

Хотя народоармейцы признавали, что красные оказали в этом бою упорное и слаженное сопротивление, сумев даже поджечь один из пароходов [7, с. 3], нарастающая паника и многочисленные диверсии значительно ослабили обороняющихся. Зиновьев отмечал, что вражеская артиллерия не причинила штурмующим чехам вреда, поскольку полковник Сушко и другие офицеры в стане противника намеренно давали неверную наводку (Зиновьев, 2003, с. 150). Во время создания артиллерийского заслона от потенциальной повторной высадки противника – казанскими рабочими, по сознательной ошибке офицера, будет обстреляна своя же батарея (Терехин, 1924, с. 30).

Дезорганизация в большевистском лагере достигла такой степени, что алексеевцы начали открыто передвигаться по городу, арестовывая политработников. Так, были арестованы и приговорены к расстрелу партийцы Терехин и Муштаков (Терехин, 1924, с. 31). Передвижению большевистских отрядов также мешал постоянный обстрел с крыш городских зданий². Ситуацию усугубил переход на сторону Комуча сербского революционного батальона, который совместно с алексеевцами принял капитуля-

² Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. П-36. Оп. 1. Д. 284. Л. 9–10.

цию кремля. К вечеру штурма – алексеевцы также сумели захватить Арские и Каргопольские казармы. По замечанию Выговского, раифская группа принесла наименьшую пользу, т.к. вместо захвата ключевого Романовского моста, вокруг которого впоследствии шли основные бои, она двинулась в Казань, попутно разоружая встреченные части [5]. К утру 7 августа город был полностью освобожден.

Взятие Казани являлось наивысшей точкой успеха восточного антибольшевистского движения. Потери отряда В.О. Каппеля составили всего 25 человек³, в то время как противник потерял убитыми свыше 300 человек [10]. В руки Комуча попали золотой запас Российской империи и вся академия Генерального штаба. Успех был сокрушительным; по замечанию начальника Николаевской военной академии А.И. Андогского, штурм стал замечательнейшим событием в военной истории, сравнимым со взятием Очакова (Майский, 2023, с. 28).

После взятия под контроль города установилась коалиционная власть. Алексеевцы сумели занять видные посты: Романовский занял пост начальника штаба; Мейбом возглавил формирование татарских боевых частей; Фельдман стал командиром особого эскадрона конницы, которая примет участие в важном рейде на Свияжск; Нечаев – командиром 1-го Казанского Кавалерийского Добровольческого полка Казанского корпуса и т.д. Примечательно, что даже после перехода кадров организации под власть Комуча, алексеевцы сохраняют свою политическую структуру, считая своим руководителем именно генерала М.В. Алексеева. В дальнейшем эта особенность будет сильно волновать представителей новой власти. К примеру, Лебедев открыто называл представителей Алексеевской организации партией «Свободные Руки», которая всеми силами стремится проникнуть в работу штаба Северной группы. В дневниковой записи по случаю назначения Романовского начальником штаба значится: «Я ругал Степанова, но он мне формально не подчинен... Я этого Романовского просто бы в шею гнал» (Лебедев, 1928, с. 174). Несмотря на критику, алексеевцы успешно инкорпорировались в политические и военные структуры, сохраняя за собой корпоративную солидарность.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что падение Казани в августе 1918 г. стало возможным не только в результате наступления внешних сил Народной армии, но и вследствие целенаправленной и эффективной деятельности внутреннего подполья. Несмотря на свой относительно небольшой численный состав, организация сыграла роль «пятой колонны», действуя не через масштабное восстание, а через системный саботаж, дезинформацию и деморализацию тыла красных, что в конечном итоге предопределило низкие потери штурмующих и катастрофическую дезорганизацию обороняющихся.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 4. Л. 34.

Решающее значение имели широкие коалиционные связи подполья, интегрированного в общероссийскую антибольшевистскую сеть и под-держивавшего контакты с Добровольческой армией, иностранными мис-сиями и симпатизирующими воинскими частями.

Взятие Казани следует рассматривать как результат сочетания внеш-него военного давления и глубокого внутреннего кризиса советской вла-сти в регионе, важнейшим элементом которого стала деятельность сплю-щенного офицерского подполья, сумевшего нанести большевикам точный и решающий удар изнутри.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. В.И. Лебедев и Б.К. Фортунатов о взятии Симбирска и Казани // Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. 1918. 29 августа.
2. *В-ский*. Дела минувших дней. Алексеевская организация в Казани // Рус-ское слово. 1928. 18 сентября.
3. *В-ский*. Дела минувших дней. Алексеевская организация в Казани // Рус-ское слово. 1928. 20 сентября.
4. *В-ский*. Дела минувших дней. Алексеевская организация в Казани // Рус-ское слово. 1928. 21 сентября.
5. *В-ский*. Дела минувших дней. Алексеевская организация в Казани // Рус-ское слово. 1928. 25 сентября.
6. *Глэн А.* Под башнями Казани // Вечерняя заря. 1933. 9 июля.
7. Донесение Лебедева и Фортунатова о взятии Казани // Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. 1918. 9 августа.
8. *Е.* Памяти Бориса Ивановича Попова // Россия. 1970. 27 май.
9. *К.* Полк. А.И. Козлов // Голос. 1929. 15 августа.
10. Казанское направление // Вестник Комитета членов Всероссийского Уч-редительного собрания. 1918. 8 августа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бочков А.И. Три года Советской власти в Казани. 1917 – 25 октября – 1920 гг.: (хроника событий) / под ред. М.Корбута. Казань: Государственное изд-во, 1921. 63 с.

Ганин А.В. «Наша военная организация... продолжает считать Вас своим во-ждем»: Письмо и рапорт генералу М.В. Алексееву о белом подполье в Казани и Царицыне. 1918 г. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Со-временность». 2019. Т. 4. № 4. С. 75–81.

Запись сообщения Комиссариату по делам мусульман внутренней России по прямому проводу о событиях, происходивших в Казани в феврале-марте 1918 г. // Мирсаид Султан-Галиев. Избранные труды / под ред. И.Р. Тагирова [и др.]. Казань: Гасыр, 1998. С. 114–118.

Зиновьев В.А. Борьбе на Волге (май-ноябрь 1918 г.) // Каппель и каппелевцы / ред.-сост. В.Ж. Цветков [и др.]. М.: Посев, 2003. С. 143–165.

Ильина О.А. Канун Восьмого дня. Казань: Заман, 2003. 400 с.

Иностранцев М.А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А.В. Ганина. М.: Кучково поле, 2017. 928 с.

Исхаки Г. Идель-Урал. Париж, 1933. 52 с.

Лацис М.И. Четыре месяца в Казани и под Казанью // Борьба за Казань: сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г.: № 1. Казань, 1924. С. 5–14.

Лебедев В.И. От Петрограда до Казани // Воля России. 1928. № 8/9. С. 50–198.

Мазунин В. 3 месяца до и во время чехов (Казань-Арск) // Борьба за Казань: сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г.: № 1. Казань, 1924. С. 37–59.

Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М.: Государственное изд-во, 1923. 360 с.

Мейбом Ф.Ф. Тернистый путь // 1918 год на Востоке России / сост. С.В. Волков. М.: Центрополиграф, 2003. С. 82–134.

Милх Л. Партийная и Советская Казань до чехов // Борьба за Казань: сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г.: № 1 / Истпарт, отд. обл. ком. Р.К.П. (б) Татресп. Казань, 1924. С. 14–19.

Показания Попова. Первый допрос // Красная книга ВЧК / ред.-сост. А. С. Велидов. Т. 1. М.: Политиздат, 1989. С. 101–102.

Терехин Ф. Красная армия с момента формирования – до налета чехов // Борьба за Казань: сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г.: № 1. Казань, 1924. С. 19–37.

Троцкий Л.Д. «Моя жизнь. Опыт автобиографии» / под ред. А. Дмитриева [и др.]. М.: Панорама, 1991. 624 с.

Юрлова М.М. Казачка; Россия, прощай / под ред. В.В. Аристархова, перевод с английского О.Ю. Фадиной. М.: Институт Наследия, 2023. 494 с.

REFERENCES

Bochkov A.I. *Three Years of Soviet Power in Kazan. 1917 – October 25 – 1920: (Chronicle of Events)*. Ed. by M. Korbut. Kazan: State Publ., 1921. 63 p. (In Russian)

Ganin A.V. “Our Military Organization... Continues to Consider You Its Leader”: Letter and Report to General M.V. Alekseev about the White Underground in Kazan and Tsaritsyn. 1918. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019, Vol. 4, no. 4, pp. 75–81. (In Russian)

Record of the Message to the Commissariat for Muslim Affairs of Inner Russia via Direct Wire about the Events Taking Place in Kazan in February–March 1918. *Mirsaid Sultan-Galiev. Selected Works*. Ed. by I.R. Tagirov, et al. Kazan: Gasyr, 1998. Pp. 114–118. (In Russian)

Zinoviev V.A. Struggle on the Volga (May–November 1918). *Kappel and Kappelites*. Ed. by V.Zh. Tsvetkov, et al. Moscow: Posev, 2003. Pp. 143–165. (In Russian)

Ilyina O.A. *Eve of the Eighth Day*. Kazan: Zaman, 2003. 400 p. (In Russian)

Inostrantsev M.A. *Memoirs. End of the Empire, Revolution and the Beginning of Bolshevism*. Ed. by A.V. Ganin. Moscow: Kuchkovo Pole, 2017. 928 p. (In Russian)

Iskhaki G. *Idel-Ural*. Paris, 1933. 52 p. (In Russian)

Latsis M.I. Four Months in Kazan and Near Kazan. *Struggle for Kazan: Collection of Materials on the Czecho-Constituent Intervention in 1918: no. 1*. Kazan, 1924. Pp. 5–14. (In Russian)

Lebedev V.I. From Petrograd to Kazan. *Will of Russia*. 1928, no. 8/9, pp. 50–198. (In Russian)

Mazunin V. 3 Months Before and During the Czechs (Kazan-Arsk). *Struggle for Kazan: Collection of Materials on the Czecho-Constituent Intervention in 1918: no. 1*. Kazan, 1924. Pp. 37–59. (In Russian)

Maiskiy I.M. *Democratic Counter-Revolution*. Moscow: State Publ., 1923. 360 p. (In Russian)

Meibom F.F. Thorny Path. *1918 on the East of Russia*. Comp. S.V. Volkov. Moscow: Tsentropoligraf, 2003. Pp. 82–134. (In Russian)

Milkh L. Party and Soviet Kazan Before the Czechs. *Struggle for Kazan: Collection of Materials on the Czecho-Constituent Intervention in 1918: no. 1*. Kazan, 1924. Pp. 14–19. (In Russian)

Testimony of Popov. First Interrogation. *Red Book of the VChK*. Ed. by A.S. Velidov. Moscow: Politizdat, 1989. Pp. 101–102. (In Russian)

Perekhin F. Red Army from the Moment of Formation – Until the Raid of the Czechs. *Struggle for Kazan: Collection of Materials on the Czecho-Constituent Intervention in 1918: no. 1*. Kazan, 1924. Pp. 19–37. (In Russian)

Trotsky L.D. *My Life. An Attempt at an Autobiography*. Ed. by A. Dmitriev, et al. Moscow: Panorama, 1991. 624 p. (In Russian)

Yurlova M.M. *Cossack Girl; Goodbye Russia*. Ed. by V.V. Aristarkhov, trans. by O.Yu. Fadina. Moscow: Heritage Institute, 2023. 494 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Заляев Сант Рамилович – аспирант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0007-3108-3469>; e-mail: srzaliaev@edu.hse.ru

About the author:

Sait R. Zalyaev – Postgraduate Student, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0007-3108-3469>; e-mail: srzaliaev@edu.hse.ru

Поступила в редакцию / Received 15.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 13.02.2026

Принята к публикации / Accepted 10.03.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH ARTICLE

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.94-107>

Образ Каюма Насыри в татарской периодической печати 1920-х годов

Л.Р. Габдрафикова^{1,2*}, Ф.Р. Садриев¹

¹ *Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ*

² *Казанский научный центр РАН*

Казань, Российская Федерация

** bahetem@mail.ru*

Резюме. В статье рассматривается формирование «канонического» образа Каюма Насыри в татарской периодической печати 1920-х гг. Источниковую базу составляют материалы газет «Татарстан», «Кызыл Татарстан» и «Эшче», журнала «Безнең юл», а также «Татарских календарей» начала 1920-х гг. Показано, что раннесоветская пресса опиралась на дореволюционные мемуарные сюжеты, опубликованные в журнале «Шура» в 1912–1913 гг., однако усиливала конфликтность биографии Насыри через противопоставление «старого порядка» и «нового мира», а также через противостояние просветителя с мусульманским духовенством и купечеством, что сближало его идеи с задачами советского культурного строительства. Выявлены основные тематические и смысловые акценты публикаций: в 1922–1925 гг. фигура Насыри сначала связывается с идеями «обновления» татарского общества, а к середине десятилетия все чаще интерпретируется в рамках классового подхода. Определены ключевые элементы образа («Каюм бабай», «слуга народа», «борец за свет и знание», «уятучы», т.е. пробудивший), а также показана роль периодической печати и юбилейных кампаний 1922 и 1925 гг. в закреплении его символического статуса.

Ключевые слова: Каюм Насыри; история татар; татарская периодическая печать; 1920-е годы; татарские печатные календари; мусульманское духовенство; купечество; джадидизм

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р., Садриев Ф.Р. Образ Каюма Насыри в татарской периодической печати 1920-х годов. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 1. С. 94–107.

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.94-107>

Image of Kayum Nasyri
in the Tatar Periodical Press of the 1920s

L.R. Gabdrafikova^{1,2*}, F.R. Sadriev¹

¹ Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

² Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

* bahetem@mail.ru

Abstract. The article examines the formation of the “canonical” image of Kayum Nasyri in the Tatar periodical press of the 1920s. The source base consists of materials from the newspapers *Tatarstan*, *Kyzyl Tatarstan*, and *Eshche*, the journal *Bezneng Yul*, as well as the *Tatar Calendars* of the early 1920s. It is shown that the early Soviet press relied on pre-revolutionary memoir plots published in the journal *Shura* in 1912–1913; however, it intensified the conflict in Nasyri’s biography by contrasting the “old order” with the “new world”, as well as through the enlightener’s opposition to the Muslim clergy and merchant class, which brought his ideas closer to the tasks of Soviet cultural construction. The main thematic and semantic accents of the publications are identified: in 1922–1925, the figure of Nasyri was first associated with the ideas of “renewal” of Tatar society, and by the middle of the decade, it was increasingly interpreted within the framework of a class approach. Key elements of the image are determined (“Kayum Babay”, “Servant of the People”, “Fighter for Light and Knowledge”, “Uyatuchy”, i.e., “The Awakener”), and the role of the periodical press and the jubilee campaigns of 1922 and 1925 in consolidating his symbolic status is shown.

Keywords: Kayum Nasyri; History of the Tatars; Tatar periodical press; 1920s; Tatar printed calendars; Muslim clergy; Merchant class; Jadidism

For citation: Gabdrafikova L.R., Sadriev F.R. Image of Kayum Nasyri in the Tatar Periodical Press of the 1920s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 1, pp. 94–107.

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.94-107> (In Russian)

Введение. В 2025 г. Республика Татарстан отметила 200-летие со дня рождения выдающегося татарского деятеля, педагога и ученого-этнографа Каюма Насыри (1825–1902). Своей яркой деятельностью он внес особый вклад в развитие татарской культуры рубежа XIX–XX вв. Основным лейтмотивом его жизни можно назвать призыв к интеграции татар-мусульман в российское социокультурное и правовое пространство. Для реализации такого подхода он основал русско-татарскую школу, выпускал календари со всевозможной информацией, адаптированную светскую литературу различной направленности на татарском языке и т.д. При этом одним из очевидных инструментов продвигаемой им интеграции был рус-

ский язык. Поэтому неслучайно его деятельность получила определенное признание в образованных кругах татарского общества лишь в начале 1910-х гг., когда открытие русско-татарских школ, русских классов при медресе или обучение татарских детей в других русских учебных заведениях воспринималось как обыденное явление и не вызывало негативных эмоциональных выпадов со стороны старшего поколения татар. Революционные события 1917 г. и последовавшие за этим советские преобразования закрепили это положительное отношение к фигуре К.Насыри. В первые годы после установления советской власти происходил пересмотр историко-культурного наследия народов России и выстраивались новые идеологические ориентиры. Молодая Татарская автономия советского образца нуждалась в собственных героях, и в этом советском «пантеоне» одним из первых фигур стал К.Насыри.

Несмотря на то, что биография К.Насыри и его наследие неоднократно становились объектами научного изучения и на протяжении советского периода истории (Гайнуллин, 1975), и на современном этапе (Загидуллин, 2024; Каюм, 2017; Хабибуллина, 2025); [6], мы сочли важным обратить внимание на 1920-е гг. – время оформления канонического образа татарского просветителя. Именно этот период определил дальнейший вектор развития науки и культуры в Татарстане.

Для этого были проанализированы материалы татарской периодической печати раннесоветских лет, изданные как в Татарской республике, так и за ее пределами. Публикации в газетах «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан») ¹, «Эшче» («Рабочий») ², а также в журнале «Безнең юл» («Наш путь») ³ и «Татарских календарях» позволяют определить роль наследия К.Насыри и раскрыть отношение татарской общественности к его личности в первые годы советской власти. При этом часть этих публикаций была переиздана в сборниках материалов [2; 7]; (Рәхим, 1922).

Газета «Эшче» – центральная рабочая газета – в разные годы выходила в Москве и Казани. Орган Центрального и Казанского комитетов РКП(б); в рассматриваемый период, т.е. с апреля 1921 г. – Центрального бюро агитации и пропаганды среди тюркских народов при РКП(б) и Наркомата по делам национальностей, с октября 1923 г. – Центрального бюро Татаро-башкирской секции при РКП(б), с января 1928 г. – Татаро-башкирского бюро при ЦК ВКП(б), с 1930 г. – Совета Национальностей ЦИК

¹ История издания берет свое начало с 12 марта 1918 г., когда вышел первый номер газеты «Эш». Позднее название газеты неоднократно менялось: «Татарстан хәбәрләре» (1920–1922), «Татарстан» (1922–1924), «Кызыл Татарстан» (1924–1951), «Совет Татарстаны» (1951–1960), «Социалистик Татарстан» (1960–1992). С февраля 1992 г. – «Ватаным Татарстан».

² Издавалась с 1918 по 1931 г.

³ Издается с мая 1922 г. под разными названиями: «Безнең юл» (1922–1930), «Атака», «Яңалиф» (1930–1932), «Совет әдәбияты» (1933–1965), «Казан утлары» (с 1965 г.).

СССР [12, с. 149]. В газете, в частности, публиковались материалы о работе съездов коммунистических организаций, а также о ходе Гражданской войны, о реализации новой экономической политики в 1920-х гг. [12, с. 150].

Журнал «Безнең юл» объединял татарских литераторов, журналистов и ученых, став одной из центральных площадок для формирования культурной и интеллектуальной жизни в послереволюционные годы. Издавался «Безнең юл» в Казани [12, с. 55]. С первых лет существования журнала на его страницах преобладали литературные произведения. На страницах «Безнең юл» значительное внимание уделялось проблеме развития татарской культуры, театра, литературы и искусства, а также вопросам сохранения исторической памяти.

Кроме того, в начале 1920-х гг. в Казани выпускались «Татарские календари». Формально они выглядели как продолжение дела Каюма Насыри. Но по своему содержанию татарские календари начала 1920-х гг. были совершенно другими и нацелены на внедрение новых советских установок в широкие народные массы.

В 1920-е гг. интерес к персоне К.Насыри был приурочен к официальным датам: 20-летию со дня смерти К.Насыри (1922) и 100-летию со дня его рождения (1925). Так, в журнале «Безнең юл» (1922, № 3) появилось сообщение о сборе материалов к 20-летию со дня смерти «Каюм Насыри мәжмугасы» (Рәхим, 1922). Позднее, действительно, был издан специальный сборник (Каюм, 2022). В 1925 г. в этом же журнале появилось сообщение о необходимости празднования 100-летия со дня рождения К.Насыри и издания его трудов (Каюм, 2025). Это была резолюция заседания Центральной научной редакционной коллегии Наркомпроса Татарской Республики. Коллегия предложила: 1) провести открытое собрание для широкого круга, раскрыть роль Насыри и разобрать его труды; 2) ходатайствовать об учреждении в Институте журналистики стипендии имени К.Насыри; 3) переименовать улицу Евангелистов в улицу Каюма Насыри; 4) обратиться в соответствующие организации для проведения юбилейных мероприятий [5, б. 22–23]. Несмотря на приглашение широкого круга читателей к открытому обсуждению роли личности К.Насыри в истории татарского народа, в этом проекте уже был задан определенный вектор развития. На это указывает и общая тональность публикаций в периодической печати 1922–1925 гг. Пожалуй, немного выбивается из общего ряда публикация Г.Рахима уточняющего характера в журнале «Безнең юл» (1922 г.) [9] и его же объемное историко-биографическое исследование, опубликованное в 2020 г. в юбилейном сборнике [8]. Таким образом, анализ публикаций начала 1920-х гг. позволяет увидеть, как в советской печати формировался образ народного просветителя К.Насыри.

Стоит обратить внимание и на основных авторов публикаций о К.Насыри в периодической печати – это не просто представители советской татарской интеллигенции, но и люди из числа «ответственных работ-

ников», которые занимали различные должности при новой власти и специализировались в основном на вопросах пропаганды и агитации. Это Галимджан Ибрагимов (1887–1938), Гилемдар Баимбетов (1886–1933), Мухитдин Курбангалиев (1873–1941), а также ученый Гали Рахим (1892–1943) и др.

Основные элементы советского образа К.Насыри. Базой для формирования советского образа К.Насыри стали воспоминания о нем, опубликованные в татарском журнале «Шура» в 1912–1913 гг., по инициативе редактора издания Р.Фахреддина (Каюм, 2017). В них уже был обозначен особый образ жизни К.Насыри и по-своему уникальный для 1870–1890-х гг. род деятельности татарского просветителя, его склонность к интроверсии и т.д. Авторы 1920-х гг. продолжали эту линию, но усиливали моменты конфликтности его личности и общества, противопоставления «старого» и «нового» и т.д. Несмотря на то, что в начале 1920-х гг. наблюдался определенный идеологический плюрализм и мусульманское духовенство еще не испытывало открытого давления со стороны новых властей, в информационном поле уже формировался их негативный образ.

Это соотносится с тем, как в целом формулировался национальный и религиозный вопрос в раннесоветской политике. В.И. Ленин в тезисах по национальному и колониальному вопросам, подготовленных в июне – июле 1920 г. ко Второму конгрессу Коммунистического Интернационала, призывал к борьбе с «духовенством и прочими реакционными и средневековыми элементами...», а также с «панисламизмом и подобными течениями», которые, по его мнению, пытаются соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиций ханов, помещиков, мулл (Шерстюков, 2021, с. 102).

Интересно, что в татарской культуре эти советские установки в какой-то мере продолжали уже сложившиеся в информационной сфере (периодической печати, художественной литературе, театральных постановках и т.д.) дореволюционные тренды на противопоставление сторонников светских знаний, новшеств и противников этих изменений. В роли последних в новой татарской литературе и публицистике (Г.Исхаки, Ф.Амирхан, Г.Тукай, Г.Камал и др.) тогда выставляли купцов, представителей мусульманского духовенства, а их оппонентами были молодые люди (шакирды, студенты и т.д.). В раннесоветские годы при репрезентации биографии К.Насыри работали по тому же лекалу. Например, в рассматриваемых публикациях противниками новшеств в медресе выступали муллы и баи, которых называли «фанатиками». Авторы подчеркивали, что капиталисты и духовные лица обучали только религии, но столкнувшись с конкуренцией, были вынуждены признать необходимость «русско-европейских» форм обучения [1, б. 1]. Конфликты объяснялись столкновением классовых интересов. На этом фоне К.Насыри показывали как проводника светских знаний и реформ.

Анализ публикаций 1922–1925 гг. показывает, что если вначале основной упор делался на взаимосвязь К.Насыри и движения «обновления» среди татар, то к середине десятилетия общественные явления начали оцениваться с позиций классового подхода. Это было обусловлено необходимостью обоснования создания в 1920 г. Автономной Татарской Социалистической Советской Республики и постепенным смещением акцента с национального аспекта на социально-политические вопросы.

Например, Г.Ибрагимов в своей публикации в газете «Татарстан» 1922 г. называет противников идеи татарской государственности (автономии) сторонниками унитаризма, панисламистами и пантюркистами [3]. В этой связи он обращается к фигуре К.Насыри и фактически перекидывает мост от него к советскому государству. При этом Г.Ибрагимов условно выделяет три периода литературно-культурной жизни татар: «кадим дәвер» (древний период), «яңару» (обновление), которое начинается с К. Насыри, и третий, начавшийся уже после Первой мировой войны и революции [3, б. 3]. Безусловно, Г.Ибрагимов во многом опирается на классовый подход при оценке общественно-политической жизни татарского народа (Фахрутдинов, 2006, с.84). Это прослеживается и в его тексте, и в расстановке акцентов. Он отмечает, что идеи «обновления» в чем-то перекликаются и с мероприятиями советской власти по признанию права каждого народа на самоопределение.

К.Насыри в этих обстоятельствах представлен исторической фигурой, уже сталкивавшейся с идеей самоопределения и ее противниками. Г.Ибрагимов в одной из своих работ (1922 г.) цитирует высказывание К.Насыри, отражающее отношение его недоброжелателей к позиции ученого-просветителя в краеугольных вопросах татарской истории и татарского языка («*Милләтебез халкын “татар” тәсмия кылсам, яратмадылар, телебезне “татар теле” дисәм, яратмадылар*») (Ибрагимов, 2017, б. 334–335). Однако, здесь, очевидно, межличностные конфликты К.Насыри XIX в. экстраполируются на противников идеи территориальной автономизации татар начала XX в., тогда как в его случае речь идет скорее о противниках русско-татарских школ, Татарской учительской школы и о других учреждениях, ассоциированных в народном сознании с правительственной политикой в сфере просвещения «иностранцев». Например, Г.Ибрагимов высоко оценивает работы К.Насыри по морфологии и синтаксису татарского языка [2, б. 3]. Однако надо признать, что данные исследования К.Насыри в свое время были, скорее всего, ответом на запрос со стороны миссионерского сообщества, заинтересованного в глубоком изучении татарского языка и культуры. Но в 1922 г. эти практики К.Насыри представляются в печати как его интуитивное понимание обособленности татар от «общего исламского мира».

В 1922 г. в журнале «Безнең юл» высоко оценена роль календарей К.Насыри в жизни татарского народа и подчеркнута их просветительская миссия, способность к «пробуждению народа». В этом процессе важное

место отведена знаниям из таких областей, как география, история, математика, естествознание. Как известно, К.Насыри работал во всех перечисленных направлениях и готовил переводные материалы. Вместе с тем авторы не забывают и о его роли в сохранении культурного наследия татарского народа и пишут, что он в своих календарях одним из первых опубликовал результаты исследований древнейшего периода татарской литературы («Безнең юл», 2022, б. 47). Из этого отрывка следует, что календари К.Насыри представлены советскими авторами как основной инструмент просвещения широких слоев татарского общества в условиях «старого порядка». В них всячески подчеркивается, что К.Насыри первым начал прокладывать дорогу к пробуждению татарского народа. Так, в статьях Г.Ибрагимова Каюм Насыри обозначен как основоположник, «открывший дорогу» («юл яручы, сукмак салучы») [2, б. 3] и «пробудивший» («уяту-чы») [3, б. 3].

В газете «Эшче» Г.Баимбетов также отмечает, что Каюм Насыри, приложив огромные научные, культурные и литературные усилия, положил начало новой эпохе. Г.Баимбетов часто использует такие выражения, как «эпоха пробуждения», «основоположник» и т.д. Интересно, что он связывает фигуру К.Насыри даже с джадидизмом. Например, по его словам, К.Насыри «заложил основы эпохи пробуждения» («уяну чорына нигез ташы салды»), что впоследствии стало основой движения джадидов [1, б. 1]. При этом, как отмечает автор, джадидские преобразования начались еще при жизни К.Насыри, однако сам он не примкнул к «молодому поколению», не признал их («үз имичә»), равно как и некие мифические джадиды не приняли его. Хотя здесь уместно упомянуть о купцах А.Хусаинове, С.Аитове и других, которые активно общались с К.Насыри и в то же время выступали горячими сторонниками преобразований в системе конфессионального образования татар и других сторон жизни.

Вероятно, памятуя об этих моментах, Г.Ибрагимов в одной из своих публикаций отдельно отмечает и внеклассовый характер деятельности К.Насыри. Так, указывая на преемственность его трудов с новой эпохой, он отдельно проговаривает, что у К.Насыри «мы не встретим ни разговоров о революции, ни о классовой борьбе. И нет смысла искать в нем марксиста и материалиста» [2, б. 3]. Хотя для Г.Ибрагимова (и для ТАССР по умолчанию) К.Насыри важен как человек, который работал «в истории» и «вел вперед к науке», «разрушитель старого», прежде всего, старых способов мышления. Вместе с тем очень важно было показать близость К.Насыри с трудящимися массами, его постоянный труд, аскетичный образ жизни и т.д.

Например, периодика начала 1920-х гг. особенно часто подчеркивала издательскую деятельность Каюма Насыри. В публикациях делались подсчеты и приводились данные о том, сколько книг он издал, сколько лет он потратил на эту деятельность, и т.д. В «Татарских календарях» 1923 и 1924 гг. указывалось, что К.Насыри издавал подобные календари в течение

ние 25 лет, начиная с 1871 г. [10, б. 19; 11, б. 21]. На самом деле у К.Насыри были годы, когда он не выпускал календари по разным причинам (в 1886, 1887, 1895 гг.) (Миннулина, 2025, с. 76). Кроме того, отмечалось, что за 40 лет К.Насыри было издано около 40 книг. При этом подчеркивалось, что издавал он свои книги на свои средства [10, б. 19; 11, б. 21], однако в текстах не было намека на коммерческую деятельность или стремление к получению прибыли в этой сфере. В этих публикациях отдельно отмечен и «Татарско-русский словарь» К.Насыри.

По поводу календарей и их роли Г.Ибрагимов пишет и в февральском выпуске газеты «Кызыл Татарстан» в 1925 г. Для него это не «простые календари», а площадка, где продвигались научные знания, когда вокруг еще царила «схоластика». В своем материале он повторяет известные клише ориентального толка, разграничивая мир на Запад и Восток, противопоставляя «западные» знания (марксизм в том числе) и «восточные» (ислам и т.п.). Так, Ибрагимов не просто отмечает, что Каюм Насыри боролся с «восточной средневековой схоластикой» [2, б. 3], но еще и сумел связать последнюю с несуществующими на самом деле «панисламистами». Здесь можно предположить влияние и указанной выше статьи В.И. Ленина, и обнародованных дореволюционных архивов органов жандармерии, где имелся целый ряд дел о надуманном «панисламизме». Позднее в этом же ключе будет сделана работа А.Аршаруни и Х.Габидуллина, опубликованная в 1931 г. в издательстве «Безбожник» (Аршаруни, 2002).

В 1920-е гг. возобновляется сбор новой информации о жизни и деятельности К.Насыри. Некоторые из этих материалов публиковались сначала в печати. В этой связи любопытны воспоминания М.Курбангалиева. Его нельзя назвать рядовым обывателем. Будучи выпускником Казанской татарской учительской школы и земским учителем, он фактически стал продолжателем дела К.Насыри, работал в разных уездах и в Казани. Именно эту связь он и обозначает в мемуарах, опубликованных впервые в газете «Кызыл Татарстан» в 1925 г., подчеркивая деятельность К.Насыри в сфере изучения и применения татарского языка [3, б. 3]. Вместе с тем, М.Курбангалиев в своем тексте противопоставляет К.Насыри как адепта идеи «народного» татарского языка и неназванных «знаменитых» деятелей – сторонников османского и арабского языков в высокой культуре татар. Среди них были хальфы (помощники преподавателя) из медресе д. Иж-Бобья Сарапульского уезда Вятской губернии, а также некий педагог и филолог из Казани. Из-за своей «татарской» позиции, по словам М.Курбангалиева, от своих оппонентов он слышал оскорбления вроде «ученик миссионера» (Корбангалиев, 2017, б. 500–501). Очевидно, в этом тексте автор не просто так упоминает «знаменитое» медресе Буби. В 1911 г. братья Габдулла и Губайдулла Буби обвинялись в «панисламизме», но суд оправдал их, оставив за ними обвинение в революционной агитации из-за поведения шакирдов их медресе в 1905–1907 гг.

Для демонстрации конфликта между «старым» и «новым» миром авторы акцентируют внимание на неудачной попытке К.Насыри создать газету на татарском языке. Например, в журнале «Безнең юл» (1922 г.) приводится обращение К.Насыри к правительству с просьбой об издании газеты «Таң йолдызы» («Утренняя звезда»), на что получил отказ (Рәхим, 1922, б. 61).

В «Татарском календаре» 1923 г. отмечалось, что после смерти К.Насыри сыпались различные оскорбления в его адрес. При этом авторы объясняют враждебность со стороны анонимных лиц тем, что Насыри выступал против «медресе, необходимых для помещичьего периода» (*«алтавыт чоры өчен кирәк булган мәдрәсәләр»*) и поэтому его клеймили «неверный» (*«шуның өчен куфр печат бастылар»*). Вероятно, таким образом пытались синхронизировать историю татарских медресе с эпохой крепостного права, тем самым усилив устоявшееся деление на «старый порядок» и «новый мир». Противников К.Насыри называли «фанатиками» [10, б. 19]. В других источниках также фигурирует информация о том, что К.Насыри и при жизни оскорбляли, угрожали и называли «предателем» (*«сатлык»*) [Каюмова, 2024, с. 54].

Так, Г.Ибрагимов в своей статье приводит цитаты из «письма», адресованного К.Насыри и содержащего оскорбления и критику его календарей [2, б. 3]. Автор показывает, что с К.Насыри не просто спорили (мол, неправильно обозначил время восхода в своих календарях), а его оскорбляли, называли «глупцом» и «неграмотным». При этом надо отметить, что данное письмо было получено К.Насыри в начале 1880-х гг., которое он опубликовал в своем календаре в 1883 г. [8, б. 66]. Однако было бы не совсем верно распространять такое отношение к деятельности К.Насыри (на самом деле взгляд одного или нескольких анонимных лиц) на все татарское сообщество и на длительный промежуток времени. Очевидно, что в 1890–1900-е гг. восприятие наследия К.Насыри в общественном сознании татарского общества было другим. Но в тексте Г.Ибрагимова и его последователей разные периоды объединяются в одну – «невежественную» – эпоху.

Эту же линию представляет в своей статье и Г.Баимбетов в газете «Эшче» [1, б. 1]. Он отмечает, что Насыри «не смог достучаться до простых, малообразованных слоев». При этом его противниками были представители мусульманского духовенства (т.е. по умолчанию, на самом деле, люди достаточно образованные), они же – хранители «старого порядка». Оскорбительными выражениями в адрес К.Насыри были обозначены «слепой Каюм – миссионер» (*«Суқыр Каюм – миссионер»*) и «иноверец» (*кәфер*). Как утверждает автор, по этой причине после смерти К.Насыри большая часть татар-горожан отказалась идти на его похороны и почтить память [1, б. 1]. При этом сам Г.Баимбетов вряд ли мог видеть это событие лично, т.к. он, будучи уроженцем татарской деревни Чекмагушево Белебеевского уезда Уфимской губернии, приехал в Казань лишь в 1904 г. [4, с. 240], т.е. спустя два года после смерти К.Насыри. Кстати, остальные ав-

торы тоже пишут о похоронах К.Насыри, опираясь лишь на какие-то устные сведения других лиц. Г.Ибрагимов, как известно, в 1902 г. учился в медресе в Оренбурге, а казанцу Г.Рахиму тогда было всего 7 лет.

Воспоминания М.Курбангалиева от 1925 г. акцентируют внимание читателей не только на деятельности К.Насыри в области татарского языкознания, но и представляют собой описание незатейливого быта героя. Несмотря на «простую» квартиру, отличную от жилья чиновников учебного ведомства, воспитанник учительской школы М.Курбангалиев принял К.Насыри сначала за «лакея», т.е. прислугу хозяина [7, б. 3]. Этот эпизод интересен не только тем, что описывает детали быта К.Насыри, но и стремлением самого автора мемуаров представить социально-экономический статус героя на одном уровне с трудящимися массами.

В свете новых ценностных установок советские органы власти умело использовали образ Каюма Насыри. Он представлен как борец за «светлое и свободное будущее», а основными инструментами его борьбы выступали знания и стремление к просвещению. Прошлое было названо «дремучим» (*«үткән тарихының иске караңгы хәлләрен»*), и прозвучали призывы его «сломать», чтобы продвинуться хотя бы на шаг вперед к свету (Каюм, 1925, б. 113). В этих статьях также писали о том, что целью ученого было приобщение татар к светским наукам (история, география, математика, естествознание).

Авторы раннесоветского периода указывали на то, что татарское общество не сразу оценило эту работу. Например, Г.Баимбетов пишет о К.Насыри с сожалением, что в эпоху перемен он терпел гонения, пребывал в подавленном состоянии и ушел в мир иной, не сказав свое слово (*«Чор алмашына ифрат кыйналып. Ямь тапмый, тәм тапмый. Әйтер сүзен әйтми үлде»*) (Каюм, 1925, б. 113). Это еще одно противоречивое заявление, т.к. оно отрицает письменное наследие К.Насыри (ведь он так и «не сказал свое слово»). Таким образом, раскрывая душевное состояние ученого, публицисты иногда противоречат своим же тезисам. Если Г.Баимбетов рассуждает о невостребованности К.Насыри при его жизни, то в февральском выпуске журнала «Безнең юл» (1922 г.) он рассматривает период после его смерти. Автор с горечью отмечает, что даже в период расцвета джадидизма для «хадима» (мудреца) Насыри не нашлось места, и его труды лишь изредка публиковались («Безнең юл», 1922, б. 47).

Также обращает на себя внимание следующая аналогия. В публикациях 1920-х гг. К.Насыри чаще обозначается как «Каюм бабай», т.е. «дедушка Каюм». В татарской советской культуре в дальнейшем будет еще один такой образ – это «Ленин бабай» («дедушка Ленин»). Характерно, что в публикации 1925 г. М.Курбангалиев обозначает эту связь и аналогию между двумя «дедушками» и их «заветами». Он обещает, что будет работать днем и ночью, чтобы построить коммунизм, как завещал В.И. Ленин, а произведения К.Насыри станут его «острым орудием» в этом деле (Курбангалиев, 2017, б. 502).

Заключение. Таким образом, в биографии Каюма Насыри как героя для новой советской татарской культуры было несколько реперных точек. Во-первых, это конфликт старого и нового, непонимание героя большинством. Во-вторых, его стремление вперед и постоянный труд. В-третьих, преодоление конфликта, но уже после смерти героя, неизбежное наступление рассвета и пробуждение нации. «Каюм бабай», «слуга татарского народа», «борец за свет и знание», «просветитель народа» – такими эпитетами чащи обозначался К.Насыри в советской татарской печати 1920-х гг. Основные публикации о нем печатались в журнале «Безнең юл», в газетах «Эшче» и «Кызыл Татарстан», а также в «Татарских календарях».

В них акцентировалось внимание на научных знаниях, к которым К.Насыри хотел приобщить татар: истории, географии, математике, естествознанию. Главным каналом распространения этих знаний считались его календари, а также многочисленные книги. Периодические издания писали о его противоречивых отношениях с муллами и купцами («баями»), называя последних хранителями «старого порядка», а К.Насыри – адептом «русско-европейских наук». Авторы объясняли эти противоречия классовыми интересами. В публикациях подчеркивалось, что он был народным ученым, заложившим основы «пробуждения народа», а также его близость с идеями нового советского государства. Впоследствии эти интерпретации стали основой для последующего формирования официального образа К.Насыри. Мероприятия в честь юбилейных дат в 1922 и 1925 гг. (в том числе постоянные публикации в прессе), а также в последующее время закрепили «Каюм бабая» в татарской культуре как символа новых знаний и культурного обновления татарского народа.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Баембитов Г.* Каюм Насыйрига 100 ел тулу белән (1825–1925) // Эшче. 1925. 15 февраль.
2. *Ибраһимов Г.* Каюм бабаның йөз еллыгы // Кызыл Татарстан. 1925. 15 февраль.
3. *Ибраһимов Г.* Каюм Насыйриның вафатына егерме ел тула // Татарстан. 1922. 19 май.
4. Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг.: сборник документов и материалов / под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. Казань: Гасыр, 2005. 256 с.

5. Каюм Насыри: Биобиблиографик күрсәткеч / төз. Р.Ф. Исламов. Казан: ТР ФА М.Х. Хасәнов исемендәге Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты, 2024. 160 б.
6. Каюм Насыри: иллюстрацияле персональ энциклопедия / төз.-авт. Р.В. Шәйдуллин һ.б. Казан: М.Хасәнов исем. Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты, 2025. 500 б.
7. *Корбангалиев М.* Каюм Насыри турында истәлекләр // Кызыл Татарстан. 1925. 15 февраль.
8. *Рәхим Г.* Каюм Насыриның тәржемәи хәле // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар. Казан: ТӘҺСИ, 2020. № 9. Б. 42–81.
9. *Рәхим Г.* Каюм Насыриның тәржемәи хәленә гыйләвә // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар. Казан: ТӘҺСИ, 2020. № 9. Б. 81–88.
10. Татар Календаре 1923 ел өчен. Казань: Типография Татпечати им. Камиля Якуба. 1923. 107 б.
11. Татар Календаре 1924 ел өчен. Казань: Типография Татпечати им. Камиля Якуба. 1924. 165 б.
12. Татарская периодическая печать: научно-энциклопедическое издание / сост. и науч. ред. Р.А. Айнутдинов, З.З. Гилязов. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. 200 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. Казань: Иман, 2002. 190 с.
- «Безнең юл» идарәсе. Каюм бабаның вафатына егерме ел тулу ядкаре // Безнең юл. 1922. № 2. Б. 46–47.
- Гайнуллин М.Х.* Каюм Насыри: очерки жизни и творчества. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 48 с.
- Загидуллин И.К.* Великий татарский просветитель Каюм Насыри. Казань: Татар. кн. изд-во, 2024. 319 с.
- Ибраһимов Г.* Каюм бабаның йөз еллыгы // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик жыеңтык / фәнни мөх. Ж.Миңнуллин; төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Жыен, 2017. Б. 331–340.
- Каюм Насыри бабага йөз ел // Безнең юл. 1925. № 3. Б. 112–113.
- Каюм Насыри мәжмугасы. Вафатына егерме ел тулу мөнәсәбәте белән чыга / ред. һәйят. Казан: ТССЖ дәүләт нәшр., 1922. 160 б.
- Каюм Насыри: әдәби-тарихи һәм документаль-биографик жыеңтык / фәнни мөх. Ж.Миңнуллин; төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Жыен, 2017. 816 б.
- Каюмова Г.И., Бадрутдинова Ф.Р.* «Каюм Насыри» драмасында тарихи шәхесләрнең әдәби образлары // Языки и культуры народов Татарстана. Каюм Насыри. Казань: АН РТ, 2024. С. 48–63.
- Корбангалиев М.* Каюм Насыри турында истәлекләр // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик жыеңтык / фәнни мөх. Ж.С. Миңнуллин; төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Жыен, 2017. Б. 497–502.
- Миннулина Л.З.* Татарские печатные календари XIX – начала XX вв. Казань: Заман, 2015. 176 с.
- Рәхим Г.* Насыриның тәржемәи хәленә гыйләвә // Безнең юл. 1922. № 3. Б. 56–62.

Фахрутдинов Р.Р. Татарское общественно-политическое движение в конце XIX – начале XX вв.: историография проблемы // Вестник Чувашского университета. 2006. № 1. С. 82–108.

Хабибуллина Д.А. Историко-культурное наследие Каюма Насыри: вопросы хронологии и формирование юбилейной практики // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 67–77.

Шерстюков С.А. Панисламизм в трактовке большевиков: освободительное движение, угроза или выдумка? (1917–1924) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 72. С. 101–106.

REFERENCES

Arsharyni A., Gabidullin Kh. *Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia*. Kazan: Iman, 2002. 190 p. (In Russian)

Bezneng Yul Administration. In Memory of the 20th Anniversary of Kayum Babay's Death. *Bezneng Yul*. 1922, no. 2, pp. 46–47. (In Tatar)

Gainullin M.Kh. *Kayum Nasyri: Essays on His Life and Work*. Kazan: Tatar book Publ., 1975. 48 p. (In Russian)

Zagidullin I.K. *Great Tatar Enlightener Kayum Nasyri*. Kazan: Tatar book Publ., 2024. 319 p. (In Russian)

Ibragimov G. Centenary of Kayum Babay. *Kayum Nasyri: Literary-Historical and Documentary-Biographical Collection*. Exec. Ed. J. Minnullin; Comp. R.F. Islamov. Kazan: Jiyen, 2017. Pp. 331–340. (In Tatar)

100 Years to Kayum Nasyri Babay. *Bezneng Yul*. 1925, no. 3, pp. 112–113. (In Tatar)

Collection of Kayum Nasyri. Published on the Occasion of the 20th Anniversary of His Death. Kazan: Tatgosizdat, 1922. 160 p. (In Tatar)

Kayum Nasyri: Literary-Historical and Documentary-Biographical Collection. Exec. Ed. J. Minnullin; Comp. R.F. Islamov. Kazan: Jiyen, 2017. 816 p. (In Tatar)

Kayumova G.I., Badrutdinova F.R. Literary Images of Historical Figures in the Drama "Kayum Nasyri". *Languages and Cultures of the Peoples of Tatarstan. Kayum Nasyri*. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 2024. Pp. 48–63. (In Russian)

Kurbangaliev M. Memoirs of Kayum Nasyri. *Kayum Nasyri: Literary-Historical and Documentary-Biographical Collection*. Exec. Ed. J.S. Minnullin; Comp. R.F. Islamov. Kazan: Jiyen, 2017. Pp. 497–502. (In Tatar)

Minnulina L.Z. *Tatar Printed Calendars of the 19th – Early 20th Centuries*. Kazan: Zaman, 2015. 176 p. (In Russian)

Rakhim G. Supplement to Nasyri's Biography. *Bezneng Yul*. 1922, no. 3, pp. 56–62. (In Tatar)

Fakhрутдинов Р.Р. Tatar Socio-Political Movement in the Late 19th – early 20th Centuries: Historiography of the Problem. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*. 2006, no. 1, pp. 82–108. (In Russian)

Khabibullina D.A. Historical and Cultural Heritage of Kayum Nasyri: Chronological Issues and Formation of Jubilee Practice. *Scientific Notes of Kazan University. Humanities Series*. 2025, vol. 167, no. 2, pp. 67–77. (In Russian)

Sherstyukov S.A. Pan-Islamism in the Interpretation of the Bolsheviks: Liberation Movement, Threat, or Fiction? (1917–1924). *Tomsk State University Journal of History*. 2021, no. 72, pp. 101–106. (In Russian)

Информация об авторах:

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук» (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Садриев Фаниль Рафисович – аспирант, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0001-7868-5391>; e-mail: Linaf1999@mail.ru

About the authors:

Liliya R. Gabdrarifkova – Dr. Sci. (history), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Leading Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Fanil R. Sadriev – Postgraduate Student, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0001-7868-5391>; e-mail: Linaf1999@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 14.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 09.02.2026

Принята к публикации / Accepted 06.03.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH ARTICLE

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.108-124>

Особенности составления и издания
избранных трудов Каюма Насыри
на татарском языке в советский период

И.К. Загидуллин

Центр исламоведческих исследований АН РТ

Казань, Российская Федерация

zagik63@mail.ru

Резюме. Статья посвящена исследованию особенностей и негласных правил подготовки избранных трудов татарского просветителя-энциклопедиста Каюма Насыри в советский период. Анализируется содержание, тематика, подача и научное оформление избранных трудов К.Насыри, опубликованных в 1926, 1945, 1953, 1956 и 1974–1975 гг. Отмечается их преемственность, что выражалось в учете структуры и тематики прежних изданий, а также во включении соответствующих материалов, как правило с некоторыми уточнениями и/или дополнениями, в новые издания. Негласным правилом стало включение в каждый сборник ранее не изданных рукописных трудов К.Насыри. В изданиях отсутствуют тексты религиозного содержания, но при этом имеют место далеко не высокохудожественные материалы, в которых содержится критика в отношении представителей власти или высших слоев общества. На конкретных примерах определяется роль советской цензуры в изъятии из публикации отдельных сочинений и разделов из трудов татарского просветителя.

Ключевые слова: татарское просветительство; Каюм Насыри; советская цензура; советская гуманитарная наука; М.Гайнуллин; М.Гали

Для цитирования: Загидуллин И.К. Особенности составления и издания избранных трудов Каюма Насыри на татарском языке в советский период. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 1. С. 108–124.
<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.108-124>

Specifics of Compiling and Publishing
the Selected Works of Kayum Nasyri
in the Tatar Language During the Soviet Period

I.K. Zagidullin

*Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
zagik63@mail.ru*

Abstract. The article is dedicated to the research of the specifics and unspoken rules for compiling the selected works of the Tatar encyclopedic enlightener Kayum Nasyri during the Soviet period. The author analyzes the content, themes, presentation, and scholarly apparatus of the selected works of K. Nasyri published in 1926, 1945, 1953, 1956, and 1974–1975. Their continuity is noted, which was manifested in the consideration of the structure and themes of previous editions, as well as in the inclusion of relevant materials, usually with certain clarifications and/or additions, in new editions. An unspoken rule was the inclusion of previously unpublished manuscript works of K. Nasyri in each collection. The editions lack texts of religious content, but at the same time, they contain materials of far from high artistic quality that include criticism of government representatives or the upper classes of society. Using specific examples, the role of Soviet censorship in the exclusion of individual essays and sections from the works of the Tatar enlightener is determined.

Keywords: Tatar Enlightenment; Kayum Nasyri; Soviet censorship; Soviet humanities; M.Gaynullin; M.Gali

For citation: Zagidullin I.K. Specifics of Compiling and Publishing the Selected Works of Kayum Nasyri in the Tatar Language During the Soviet Period. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 1, pp. 108–124. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.108-124> (In Russian)

Татарского просветителя Каюма Насыри в полной мере можно считать «юбилейной личностью» советской эпохи, так как публикации его письменного наследия и издание трудов и сборников о нем приурочивались к памятным датам.

1922 г. – год 20-летия со дня кончины К.Насыри – стал отправной точкой для масштабных, республиканского уровня, мероприятий по популяризации его наследия и общественной деятельности. В опубликованный в 1922 г. сборник «Каюм Насыри мәжмугасы» («Сборник Каюма Насыри») (Каюм, 1922), наряду со статьями видных татарских ученых, был включен перевод его известной статьи «Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства» на татарский язык – «Казан татарларының ышанулары, ырымнары, имләүләре (Борынгы шаманизм калдыклары)».

Спустя три года, 15 февраля 1925 г., на торжественном собрании, посвященном 100-летию со дня рождения К.Насыри, народный комиссар просвещения ТАССР Шагит Ахмадиев огласил решение правительства молодой республики о мерах увековечения памяти Каюма Насыри, включая издание избранных произведений юбиляра и сборника материалов, посвященных его жизни и творчеству (Латыф, 1926, б. 129).

При подготовке избранных произведений Насыри сотрудники Академцентра при Наркомпросе ТАССР сосредоточились на его недавно выявленных рукописных трудах¹ и опубликовали в 1926 г. книгу «Каюм Насыриның монарчы басылмаган әсәрләре һәм йөзәллык бәйрәм материаллары» («Ранее не изданные произведения Каюма Насыри и материалы празднования столетия») (Каюм, 1926).

Сборник открывает вводная статья Г.Ибрагимова «Башлангыч» («Начало») (Ибрагимов, 1926, б. 3–5), в которой представлена краткая история обнаружения этих рукописей, а также некоторые методы исследования, применяемые К.Насыри, которые, по мнению автора статьи, могут быть полезны современным учителям при составлении очерков по истории сел и деревень. Ибрагимов пояснил, что присутствующие в текстах Насыри слова «религия», «бог» свидетельствуют о том, что он не принадлежал к числу марксистов, а был одним из татарских реформаторов, способствовавших литературно-научному творчеству в татарском обществе. В конце статьи указано, что язык и стиль текстов составителями оставлены без изменений, лишь была заменена (для удобства прочтения) на новую орфографию и проставлены знаки препинания (Гайнуллин, 1948, б. 113–119).

Далее идет страница с надписью «Казан тарихы турында (халык сөйләгәннәре буенча)» («Об истории Казани (по народным преданиям)») и указанием, что тексты были составлены в 1880-е гг.; руками автора написано (по-русски. – *И.З.*) следующее: «Исторические заметки о Казани по устному преданию, отчасти были помещены в календаре 1882 г.» (Каюм, 1926, б. 6).

Этот раздел, названный «Тәварихе Казан» («История Казани»), состоит из следующих подразделов: «Бу яңа Казанның гыймарәт кыйлынганы» («О строительстве Новой Казани»), «Казан алынганы» («Взятие Каза-

¹ В выявлении и публикации новых рукописей просветителя большую роль сыграл Академцентр при Наркомпросе ТАССР, который в январе 1925 г. возглавил Г.Ибрагимов, в мае того же года он стал руководить Бюро краеведения (Латыпова, 2013, с. 112). Стараниями Академцентра в кантонах республики учителя проводили культурно-просветительские мероприятия, посвященные Насыри. Одним из итогов таких мероприятий стала передача племянником просветителя Габдрахманом Хусаиновым (Свияжский кантон) в Академцентр рукописей Насыри по татарской этнографии.

В 1924 или 1925 г. в фундаментальной библиотеке Казанского университета среди бумаг И.Ф. Готвальда были выявлены переписанные красивым почерком четыре тетради рукописей К.Насыри (Гали, 1948, б. 64).

ни)), «Бәет шәһәри Казан» («Баит о Казани»), «Казанның кадимге планы вә кадимге гыймарәтләре» («Старый план Казани и старые строения»).

По смыслу к теме истории Казани близок раздел, который Г.Губайдуллин назвал «Аксак Каратун, Пугачев һәм Ишбулат мулла хакында риваятьләр» («Легенды о Луке Конашевиче, Пугачеве и мулле Ишбулате»), при этом он отметил, что «в заглавии рукописи автор написал по-русски: “О Луке Каратуне (т.е. Луке Канашевиче), Пугачеве, об Ишбулат-мулле”» (Каюм, 1926, б. 19).

Следовательно, Г.Губайдуллин, исходя из содержания текстов и желая подчеркнуть их актуальность и соответствие эпохе, внес свои коррективы в названия обоих разделов избранных трудов просветителя.

В своей статье «Каюм Насыри кулъязмаларының гыйльми кыйммәте турында» («О научной ценности рукописей Каюма Насыри») (Гобәйдуллин, 1926), размещенной в этом издании (Каюм, 1926) с целью ознакомления читателей с вкладом Насыри в изучение национальной истории, Г.Губайдуллин сообщил, что в 1886 г. в газете «Волжский вестник» (№ 96) была опубликована информация о состоявшемся 5 мая 1886 г. заседании членов Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, на котором Габдрахман Ильяси (в 1887 г. он опубликовал первое в татарской литературе драматургическое произведение «Бичара кыз» («Бедная девушка»)) пересказал содержание рукописи, в которой речь шла о публикуемых в документе событиях, имеющих отношение к Пугачеву, и т.д. Через некоторое время в одном из номеров газеты за этот же год текст этой рукописи был опубликован. Г.Губайдуллин также обратил внимание на то, что Р.Фахретдин переписал из этих рукописей материал и опубликовал его в журнале «Шура» (1912, № 15) (Гобәйдуллин, 1926, б. 64).

Подготовленный Г.Губайдуллиным к печати материал состоит из следующих подразделов: «Аксак Каратун әрхәрәй хакында риваятьләр» («Предания об архиерее Аксак Каратуне»), «Аксак Каратун әрхәрәй хакында сөйләшкәне» («Рассказы об архиерее Аксак Каратуне»), «Пугачев хакында әткәй мәрхүм сөйләгәннән» («Из рассказов моего покойного отца о Пугачеве»), «Әткәйнең үзе күргән эшләре» («События, которые лично видел мой отец»), «Янә Ишбулат мулла хакында Аитов бабасыннан риваять» («Еще [одно] предание от деда Аитова о мулле Ишбулате»), «Кашәм шәехләр хакында» («О шейхах Кашәм»).

После этих материалов в издании представлен труд Насыри «Археология материаллары (Зөя өязе авыллары буенча)» («Материалы по археологии (по деревням Свияжского уезда)»). (У К.Насыри раздел называется «Материалы археологические». – И.З.).

Рукописи Насыри «Йорт-жир» («Жилище»), «Кием-салым» («Одежда»), «Ашау-эчү» («Пища»), «Гадәтләр» («Обычаи») подготовил к печати Г.Рахим, который объединил эти тексты под общим названием «Татар этнографиясе материаллары» («Материалы по татарской этнографии») и составил к ним небольшую пояснительную записку (Каюм, 1926, б. 81).

Таким образом, все тематические рукописи К.Насыри были обозначены составителями по-новому.

Отметим некоторые особенности публикации неизданных произведений просветителя, для объяснения которых необходимо сделать небольшое отступление.

20 января (2 февраля) 1918 г. советское государство обнародовало Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. После Гражданской войны советское правительство стало предпринимать меры, направленные на ограничение влияния религиозной идеологии на народные массы и с этой целью учредило в 1922 г. при ЦК РКП (б) антирелигиозную комиссию. Важную роль в ограничении влияния религии в школах было призвано сыграть постановление Наркомпроса РСФСР «О преодолении вероучения в мусульманских школах» от 3 января 1923 г. (Набиев, 2002, с. 81–82). В обсуждении разрабатываемых антирелигиозных мероприятий участвовали и советские работники из числа татар. Так, выступая на заседании оргбюро ЦК партии 15 декабря 1924 г., сотрудник Центрального бюро Коммунистических народов Востока при ЦК РКП(б) Г.Ибрагимов заявил о необходимости организации антирелигиозной пропаганды, отметив, что «после введения новой экономической политики авторитет мусульманского духовенства среди населения усиливается» (Набиев, 2002, с. 81).

Отметим, что постановление ВЦИК РСФСР от 9 июня 1924 г. «О разрешении религиозного обучения в мечетях» привело к неожиданным результатам. В 1925 г. в Татарской АССР насчитывалось всего 100–150 школ (учащийся контингент 5–6 тыс.), в 1926 г. их численность резко увеличилась – стало 800 школ (30 тыс. учащихся) (Набиев, 2002, с. 83). Религиозный активизм родителей-мусульман, настойчиво отдающих своих детей в примечетские школы, вызвал болезненную реакцию у советских чиновников и напряженность в органах власти.

Именно религиозный фактор сыграл в 1926 г. ключевую роль в изъятии из публикации двух рукописей Насыри. Согласно сообщению, опубликованному в журнале «Безнең юл» («Наш путь») (1925, № 5), во исполнение решения Совета народных комиссаров ТАССР об издании сборника с целью увековечения памяти «реформатора татарского языка», Академцентр при Наркомпросе ТАССР получил из фонда И.Ф. Готвальда фундаментальной библиотеки Казанского университета во временное пользование четыре рукописи Каюма Насыри, в том числе труд, названный «Мэшһүр голәмәләр» («Известные улемы») (Гыйльми, 2017, б. 474–475), который так и остался непечатанным. Г.Губайдуллин сообщил, что название труда звучало как «Некоторые ученые имамы, бывшие в Казани и других местах» (Гобәйдуллин, 1926, б. 64). Аналогичное название рукописи зафиксировано (единица хранения № 62) в фонде И.Ф. Готвальда [1, с. 230].

Из вышерассмотренного труда «Обряды» К.Насыри был изъят подраздел «Посты, праздники, игры» (Загидуллин, 2025, с. 88).

Важно отметить, что в 1930-е гг. все составители «Ранее не изданных произведений Каюма Насыри...» (Каюм, 1926) подверглись репрессиям, а их публикации были изъяты из обращения. В создавшейся ситуации изданные «врагами народа» советской власти труды К.Насыри также подпадали под негласный запрет. К тому же подготовка «Избранных произведений» осуществлялась после выхода постановления ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г. Таким образом, новому поколению татарских гуманитариев пришлось заниматься подготовкой избранных трудов К.Насыри на кириллице в непростых условиях.

Осуществляя в 1944–1945 гг. подготовку мероприятий, посвященных 120-летию со дня рождения просветителя, татарские ученые столкнулись со множеством проблем. Оказалось, что труды К.Насыри по лексикографии, являясь определенным, но уже пройденным этапом в становлении современного литературного языка, не представляют ныне научного интереса. То же самое констатировалось в отношении его учебных пособий по светским дисциплинам, а труды по исламу подпадали под «вето» советской идеологии.

Составление избранных трудов просветителя было поручено наиболее подготовленным по данной теме сотрудникам Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук (ИЯЛИ КФАН) СССР: Латифу Заляю, опубликовавшему в начале 1945 г. в журнале «Совет эдэбияты» («Советская литература») статью «Татарларда мәғрифәт-челек хәрәкәте һәм Каюм Насыйри» («Просветительское движение среди татар и Каюм Насыри») (Жәләй, 1945, б. 37–44), и Мухаммаду Гали, который занимался изучением архива просветителя (Гали, 1948, б. 119–130).

Вероятно, в определении списка трудов просветителя принимал участие и директор ИЯЛИ КФАН СССР Мухаммад Гайнуллин, выступивший редактором издания.

Итак, на первой странице «Избранных произведений» 1945 г. (тираж – 15185 экз.) (Насыйри, 1945) составители разместили портрет К.Насыри, нарисованный художником Байназаром Альменевым (1909–1976), заложив тем самым традицию оформления последующих подобных изданий.

Во вводной статье, написанной Л.Заляем, К.Насыри характеризуется как ведущий представитель татарского просветительства, дается краткий обзор его многогранной издательской деятельности (Жәләй, 1945а, б. I–XIV).

Учитывая опыт предшественников, к каждому из вошедших в издание трудов Насыри представители нового поколения татарской гуманитарной науки составили небольшие пояснительные записки, в которых указывался год издания труда, излагалось краткое содержание произведения и т.д.

Большую работу выполнил М.Гали, написавший пояснительные записки к подготовленным им же текстам разделов «Әбүғалисина кыйсса-

сы» («Повесть об Аbugалисине»), «Кырык вэзир кыйссасы» («Повесть о сорока везирях»), «Жэваһир эл-хикэят» («Жемчужины рассказов») и «Әфсанәи Гөлрөх вә Камәржан» («Роман о Гульрухе и Камарджане»).

После вводного слова под названием «Каюм Насыйриның рус матбугатында басылган әсәрләре» («Произведения Каюма Насыри, опубликованные в русской прессе») М.Гали разместил четыре сказки – «Саламторхан» («Салам-Торхан»), «Жүләр уғыл» («Глупый сын»), «Гөлнәзек» («Гульназек»), «Өч уғыл» («Три сына») – из совместной статьи П.А. Полякова и К.Насыри «Сказки казанских татар и сопоставление их со сказками других народов», опубликованной в «Известиях» Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете за 1900 г. (Насыров, Поляков, 1900).

В следующей своей статье – «Каюм Насыйриның кулъязмалары» («Рукописи Каюма Насыри») М.Гали привел из архива просветителя три стихотворения и «Игъланнамә» («Объявление») домашнего учителя Насыри, предлагающего уроки русского языка.

Небольшая статья М.Гали «Календарьлар» («Календари»), содержащая краткую характеристику практически ежегодно издаваемых Насыри календарей, отличается от остальных публикаций отсутствием текстов из этих изданий.

Л.Залая, в свою очередь, составил пояснительные записки к включенным в «Избранные произведения» отрывкам из книг Насыри «Кырык бакча» («Сорок садов»), «Фэвакиһ эл-жөләсә фи-л әдәбият» («Плоды литературы»), «Буш вакыт» («Свободное время»), к стихотворению «Исереклек заманы» («Время пьянства»), и, возможно, «Жыен бәете» («Баит о джиене») (автор не указан. – И.З.).

Резюмируя, отметим, что выбранные произведения Насыри формируют у читателя представление о нем, главным образом, как о фольклористе, переводчике с османского языка произведений восточных авторов и издателе календарей.

Большим событием в возвращении письменного наследия великого просветителя на кириллице следует признать издание сборника «Избранные произведения» Насыри на татарском языке в 1953 г. (тираж – 7 тыс. экз.) (Насыри, 1953), подготовленного по случаю 50-летия со дня его смерти (1902 г.).² Книга впервые позволила представить советскому читателю масштаб деятельности просветителя-энциклопедиста.

В разработке концепции издания ключевую роль сыграли М.Х. Гайнуллин – редактор этого издания и автор объемной вступительной статьи «Каюм Насыйри (тормышы һәм ижат юлы)» («Каюм Насыйри (жизненный и творческий путь)» (Гайнуллин, 1953, б. 7–50), которую он заимствовал из своей ранней публикации (Гайнуллин, 1948, б. 3–40), и М. Гали (1893–

² Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ. Ф. 11. Оп. 4. Д. 21. Л. 33.

1952), который в то время трудился над историко-биографическим романом «Бөөк мәгърифәтче» («Великий просветитель»).

После кончины М. Гали в 1952 г. директор ИЯЛИ М.Гайнуллин привлёк к работе новых сотрудников – Габдельхая Хисматуллина, Сагита Исанбаева и Хасана Губайдуллина, которые занимались переводом и вычиткой набранных текстов (Редакциядән, 1956, б. 3). Возможно, некоторые имеющиеся в издании неточности объясняются сменой составителей на завершающем этапе подготовки избранных трудов в печать.

В «Избранных произведениях» 1953 г. тексты просветителя представлены в современной орфографии и пунктуации; непонятные для читателя термины уточнялись в примечаниях, расположенных в нижней части страницы; в случаях, когда язык произведения слишком сложный для восприятия, практиковалось размещение их перевода в полном объёме на татарском языке мелким шрифтом.

Прежде чем перейти к рассмотрению структуры издания, отметим, что «Избранные произведения» вышли в свет в год кончины И.В. Сталина и могут послужить репрезентативным источником для определения критериев («красных линий») цензуры, существовавшей в советском тоталитарном обществе.

Серьёзные изменения претерпели некоторые труды просветителя, опубликованные в «Ранее не изданных произведениях Каюма Насыри...» (1926). Из издания был исключён цикл преданий об истории Казани: тексты об основании современной Казани в 1390-е или 1400-е гг., о гербе, о ханах-правителях средневекового государства «Бу яңа Казанның гыймарәт кыйлынганы» («О строительстве Новой Казани»)), о трагических страницах истории татарского народа, связанных с защитой столицы ханства от неприятеля, о взятии Казани войсками Московского государя и основании Татарской слободы («Казан алынганы» («Взятие Казани»)), о защите Казани от «кафиров» («неверных») и о ратных подвигах Чура батыра на этом поприще («Бәет шәһәри Казан» («Баит о Казани»)), о сохранившихся на территории современной Казани поселениях и строениях XVI–XVIII вв. («Казанның кадимге планы вә кадимге гыймарәтләре» («Старый план Казани и старые строения»)).

Текст «Аксак Каратун, Пугачев һәм Ишбулат мулла хакында риваятьләр» («Легенды о Луке Конашевиче, Пугачеве и мулле Ишбулате») представлен в сокращённом варианте под названием «Пугачау кыйссасы» («Предание о Пугачеве»), он состоит из двух подразделов: «Пугачев хакында әткәй мәрхүм сөйләгәннән» («Из рассказов моего покойного отца о Пугачеве»), «Әткәйнең үзе күргән эшләре» («События, которые лично видел мой отец»); иначе говоря, составители ограничились освещением событий, связанных с Е.Пугачевым (включен также последний абзац из подраздела «Аксак Каратун әрхәрәй хакында сөйләшкәне» («Рассказы об архирее Аксак Каратуне»). – *И.З.*). Такой подход позволил изъять ряд раз-

делов, в которых, с точки зрения советской цензуры, содержалась неприемлемая для современного татарского читателя информация.

Из труда «Обряды» были изъяты три подраздела: «Гакыйка корбаны» («Жертвоприношение в честь первых волос новорожденного»), «Сөннэткә утыртмак» («Обрезание»), «Үлек күммәк» («Похороны умершего»), в которых описывались исламские обрядовые ритуалы татар-мусульман дореволюционного периода.

Таким образом, изъятие некоторых текстов из избранных произведений Насыри было обусловлено идеологической борьбой с исламской религией и политикой государства по укреплению межэтнического взаимодействия.

В «Избранных произведениях» 1953 г. материал структурирован по тематике. Из этого правила выбивается лишь часть книги «Буш вакыт» («Свободное время», издание 1909 г.), которая не включена в тематические разделы.

Отсутствие в издании примечаний с указанием, из какого источника извлечен труд просветителя, мы склонны объяснить включением текстов из «Сборника о Насыри» (1922) и «Ранее не изданных произведений Каюма Насыри...» (1926), опубликованных репрессированными впоследствии татарскими учеными. Благодаря такому подходу составителям удалось обойти препоны советской цензуры.

В разделе *«Из трудов, имеющих отношение к истории, этнографии и археологии»* представлено несколько работ Насыри. Перевод на татарский язык статьи «Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства», в отличие от издания 1922 г., представлен с более точным переводом: «Казан татарлары тормышында дин йогынтысыннан тыш барлыкка килгән ышанулар һәм гореф-гадәтләр».

Работы Насыри по татарской этнографии («Жилище», «Одежда», «Пища», «Обряды») презентуются как самостоятельные труды: в них нет общего названия, как в издании 1926 г. «Материалы по археологии (по деревням Свияжского уезда)» также имеют сокращенное название: «Зөя өязе» («Свияжский уезд»). Полагаем, что обновление заглавий вышеназванных трудов было вызвано прежде всего желанием дистанцироваться от изданий 1922 г. и 1926 г.

В разделе *«Образцы народной литературы казанских татар»* из одноименной публикации Насыри представлено: 26 загадок, 170 пословиц и народных песен; 8 сказок, опубликованных в упомянутой выше совместной статье Полякова и Насыри (4 сказки из «Избранных произведений» 1945 г., а также новые: «Байдек», «Үги кыз» («Падчерица»), «Мәче берлән Аю» («Кот и медведь»), «Аю берлән Төлке» («Медведь и лиса»)).

В разделе *«Из трудов об изучении татарского и русского языков»* были размещены предисловия к сочинениям «Фәвакиһ әл-жөләса фи-л-әдәбият» («Плоды литературы»), «Әнмүзәж» («Грамматика татарского языка»), «Кавагыйде китабәт» («Правила письма»), «Ләһжәи татари» («Словарь татарского языка»), «Нәмүнә яки әнмүзәж» («Правила чтения, а также грамматика татарского языка»), «Русча-татарча лөгать» («Русско-

татарский словарь»)), «Игъланнамэ» (объявление о преподавании русского языка); несколько абзацев из «Әхлак рисаләсе» («Трактат о нравственности») и «Тәрбия китабы» («Книга о воспитании»), а также 3, 4, 8, 9, 10, 11 и 13-е обращения из незавершенного публицистического сочинения Насыри «Хитабәт ли әһали Казан» («Обращение к жителям Казани») без указания названия самого рукописного труда и текст «Казан шәһәрәндә мөселман балалары русча укый торган мәдрәсәнең ибтидасы» («Открытие в Казани первой русско-татарской школы для детей мусульман») (впервые был опубликован в журнале «Совет әдәбияты» в 1936 г.).

В разделе «Из трудов о важности различных наук» размещены предисловия Насыри к своим трудам «Истиляхаты жәгърәфия» («Термины по географии»), «Ысулы жәгърәфия кәбир» («Основы большой географии»), «Истиляхаты гыйльме һәндәсә» («Научные термины по геометрии») (размещено и послесловие), «Санайгъ галвания» («Искусство гальванизации»), «Иршад әл-әтбиха» («Наставление повару»), «Хәвассы нәбатат» («Целебные растения»), предисловие и небольшой текст из работы «Хисаплык» («Арифметика»), выдержки из «Гөлзар вә чәмәнзар» («Цветы и травы»), «Гыйльме зирагать» («Наука о земледелии»). Небольшие тексты из учебного пособия «Мәнафиғ әл-әгъза вә кануны сиххәт» («Функции человеческих органов и правила гигиены») по какой-то причине представлены как два самостоятельных труда: «Мәнафиғ әгъза» («Физиология») и «Кануны сыйххәт» («Правила соблюдения здоровья»).

В последнем разделе под названием «Произведения художественной литературы» отчетливо проявляется преемственность с «Избранными произведениями» 1945 г. Здесь в сокращенном и адаптированном для читателя виде представлены тексты «Әбүғалисина кыйссасы» («Повесть об Абуғалисине»), «Гөлрөх вә Камәржан» («Гулрух и Камарджан»), «Кырык вәзир» («Сорок везирей») и выдержки из «Кырык бакча» («Сорок садов»), «Фәвакиһ әл-жөләса фи-л әдәбият» («Плоды литературы»), стихотворение «Исереклек заманы» («Время пьянства»), «Жыен бәете» («Баит о джиге»), а также три стихотворения из архива Насыри и отрывок из «Кабуснамэ» («Книга Кавуса») о поэтах и стихотворениях.

Издание завершает «Библиографический указатель» изданных трудов просветителя и публикаций о нем, составленный М.Гайнуллиным.

Во второе издание «Избранных произведений» Насыри под редакцией М.Гайнуллина (тираж – 10 тыс. экз.) (Насыри, 1956) вошли все тексты из издания 1953 г.

В рамках научных мероприятий ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, приуроченных к 150-летию со дня рождения К.Насыри, в 1974 г. (Насыри, 1974) и 1975 (Насыри, 1975) г. увидел свет двухтомник избранных трудов (тираж каждого – 11 тыс. экз.) просветителя на татарском языке. Примечательной особенностью издания является участие в его составлении специалистов из разных отраслей науки, что позволило привести в конце каждого тома квалифицированные справки о публикуемых текстах.

К этому времени составители избранных трудов Насыри 1926 г. были реабилитированы, и, казалось, его тексты в полном объеме будут включены в новые «Избранные произведения». Однако, как оказалось, у цензуры 1970-х гг. были более жесткие критерии оценки лояльности произведений Насыри к социалистической системе ценностей. По этой причине продолжилась практика изъятия трудов, не соответствующих советской идеологии или содержащих, с точки зрения советской гуманитарной науки, неактуальную информацию. Так, из раздела о преданиях по истории Казани, который назван, как сам Насыри назвал – «Тәварихе Казан» («История Казани»), выпал «Баит о Казани», в котором рассказывается о защите Казани от «кафиров» («неверных») и о ратных подвигах Чура батыра, защищавшего город.

Из материалов «Аксак Каратун, Пугачев, Ишбулат мулла хакында риваятьләр» («Легенды об Аксак Каратуне, Пугачеве, о мулле Ишбулате») – исключены два подраздела – «О шейхах Кашэм» и «Еще [одно] предание от деда Аитова о мулле Ишбулате»).

В предании «О шейхах Кашэм» рассказывается о великой услуге, оказанной основателем этого рода шейхом Касимом соплеменникам (наполнил озеро Кабан чистой водой), основавшим Татарскую слободу, и о почитании слобожанами его потомков.

Содержание «Еще [одно] предание от деда Аитова о мулле Ишбулате» напоминает текст микроистории: в предании рассказывается о том, как мулла Ишбулат, передав своего коня сыну Габдразаку, наставляет его перед отправкой в войско, чтобы тот вернулся на родину с хорошей репутацией, добрым именем («яхшы ат алып кайт»). Между тем имя существительное «ат» на татарском языке имеет два значения «конь/лошадь» и «имя». Оказалось, что Габдразак понял это слово в первом значении. Однако, благодаря подсказке товарища, сумел уяснить философский посыл отцовского наставления.

В подразделе «События, которые лично видел мой отец» изъята натуралистическая сцена – как повстанец-башкир бросил пикку, чтобы заколоть поповского сына, но промахнулся.

Раздел *«Из трудов об изучении татарского и русского языков»*, вошедший в первый том «Избранных произведений», полностью повторяет аналогичный раздел издания 1953 г.

Раздел *«Из трудов, имеющих отношение к истории, этнографии и археологии»*, с некоторыми уточнениями, состоит из материалов сборника неизданных произведений Насыри 1926 г. (за исключением текста «Материалы по археологии (по деревням Свияжского уезда)»), и материалов, заимствованных из изданных К.Насыри календарей: «Сәфәр» («Поездка»), «Макарья ярминкәсе» («Макарьевская ярмарка»), «Казан шәһәре» («Город Казань»), «Казан мәчетләре» («Мечети Казани»), «Некролог вә кабер ташлары» («Некролог и надгробные камни») (материал о Г.Курсави), а также «Алып адәмнәр» («Великаны»).

Таблица 1. Размещение изданных в 1926 г. текстов Насыри в его «Избранных произведениях» 1945, 1953, 1956 и 1974–1975 гг.

Table 1. Placement of Nasyri's Texts Published in 1926 in His *Selected Works* (1945, 1953, 1956 and 1974–1975)

Названия разделов	Количество подразделов				
	1926	1945	1953	1956	1974–1975
Материалы по археологии. (По деревням Свияжского уезда)	1	–	1	1	1
История Казани	4	–	–	–	3
Материалы по татарской этнографии	3+1 (13) ³	–	3+1 (10)	3+1 (10)	3+1 (13)
Легенды об Аксак Каратуне, Пугаче- ве, мулле Ишбулате	6	–	2	2	4
Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства	1	–	1	1	–

В разделе «*Произведения народного творчества*» представлено большое количество загадок, пословиц, примет и поверий, сказок, исторических песен, баитов, взятых из различных трудов Насыри.

Раздел «*Произведения художественной литературы*» представлен полным текстом «Эбугалисина кыйссасы» («Повесть об Аbugалисине»).

Во втором томе (составители: С.Х. Алишев, И.М. Гилязов, Х.Ш. Махмутов, М.В. Гайнетдинов, М.Х. Гайнуллин), а именно в разделе «*Разные науки*» представлены тексты из «Избранных произведений» 1953 г. (раздел «Из трудов о важности различных наук»), новыми являются тексты об ал-Фараби и ибн-Сине.

В разделе «*Художественные произведения и переводы*» также представлены опубликованные в 1953 г. материалы (без отрывка из «Кабус-намэ»). Из них «Эфсанэи Гөлрөх вә Камәржан» («Роман о Гульрухе и Камарджане») представлен в полном объеме. Новыми являются «Баит» и два стихотворения на русском языке неизвестных авторов, переписанных Насыри.

Совершенно новым в этом издании является раздел «*Вопросы нравственности и воспитания*», в котором представлены книга «Китаб эт-тәрбия» (с некоторыми сокращениями), «Книга о воспитании» (отсутст-

³ +1 (13) – подраздел «Обычаи», содержащий 13 тем-сюжетов («Рождение ребенка», «Имянаречение», «Колыбельный пир», «Жертвоприношение в честь первых волос новорожденного», «Обрезание», «Сватание невесты», «Свадебный пир», «Смотрины свадебных подарков», «Уединение жениха и невесты», «Прием жениха», «Меджлис как-тош», «Прибытие невесты в дом жениха», «Похороны умершего»).

вуют наставления 13, 29, 32, 38, 40, 47, 59, 75, 81, 113, 114), выдержки из «Әхлак рисаләсе» («Трактат о нравственности»), а также публикации из Календарей за разные годы о вреде употребления водки и курения, о воспитании детей.

В двухтомнике отсутствуют разделы труда К.Насыри «Буш вакыт» и переведенная на татарский язык его статья «Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства», опубликованные в изданиях 1953 и 1956 гг.

Книгу завершает «Библиографический справочник», в котором перечисляются опубликованные труды К.Насыри и публикации о нем (справочник составлен А.Г. Каримуллиным).

Таким образом, можно обозначить некоторые общие особенности составления избранных трудов Каюма Насыри.

Прежде всего, при составлении соблюдалась преемственность между «Избранными произведениями», что выражалось в учете структуры, тематики прежних изданий, включении соответствующих материалов, как правило с некоторыми уточнениями и/или дополнениями, в новые издания.

Негласным правилом стало включение в каждое последующее издание новых рукописных трудов Насыри, выявленных в его личном архиве.

В изданиях отсутствуют тексты религиозного содержания, но при этом имеют место далеко не высокохудожественные материалы, в которых содержится критика в отношении представителей власти или высших слоев общества. В избранные труды не включались письма Насыри к его родным и другим лицам, хотя в них содержится эксклюзивная информация о многих положительных чертах его характера; полагаем, что тем самым поддерживалась легенда о том, что просветитель всегда жил только заботами о родном народе.

В «Избранные произведения» просветителя включались материалы из изданных им календарей, главным образом, публицистические тексты К.Насыри.

Среди рассмотренных нами «Избранных произведений» самым лучшим представляется издание 1926 г., которое подготовили корифеи татарской гуманитарной науки. Успеху данного издания способствовали следующие факторы: публикация в 1922 г. сборника о письменном наследии К.Насыри, ограниченность объема рукописных материалов, квалифицированные научные аннотации и статьи. Эти тексты в определенной степени выполняют функцию примечаний по упоминаемым в издании личностям и событиям.

Составители последующих изданий оказались в затруднительном положении прежде всего из-за ограниченности объема «Избранных произведений». По этой причине ознакомление советского читателя с многогранной деятельностью просветителя-энциклопедиста осуществлялось, главным образом, путем публикации выдержек из учебников, трудов по языкознанию и научно-популярных книг Насыри, а также, в отдельных случа-

ях, посредством размещения предисловий/пояснительных записок или послесловия автора к своим трудам, в которых говорилось о цели, задачах, содержании и, порой, об источниках составления труда, что следует признать удачной практикой с учетом ограниченности объема изданий.

Во всех изданиях отсутствуют указатели именных и географических названий. Еще одной характерной чертой изданий 1945–1975 гг. является относительно невысокий уровень оформления подготовленных к печати текстов.

В «Избранных произведениях» К.Насыри 1953, 1956, 1974–1975 гг. отсутствуют вводные статьи к отдельным трудам / разделам, т.е. невозможно получить справочную информацию о публикуемом труде. Впервые сведения о том, из какого источника взят текст, появились в издании 1974–1975 гг.

В 1940–1970-е гг. публикацией избранных трудов К.Насыри занимались сотрудники ИЯЛИ КФАН СССР. Опыт, накопленный на этом поприще, способствовал улучшению качества аналогичных изданий татарских классиков. Г.Тукая, Г.Камала, Ф.Амирхана и других известных представителей татарской интеллигенции рубежа XIX–XX вв.

С учетом изложенного выше, в том числе с учетом грубого вмешательства советской цензуры в структуру и содержание избранных трудов К.Насыри, при подготовке в печать новых «Избранных произведений» просветителя востребованы: учет накопленного опыта, соблюдение правил издания академического труда, работа по первоисточникам, привлечение к составлению аннотаций и примечаний специалистов из разных областей науки.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Рукописи. Ч. 2 / сост. Н.Ф.Катанов // Императорского Казанского университета почетный член, профессор и библиотекарь Иосиф Федорович Готвальд (род. 13 окт. 1813 г., умер 7 авг. 1897 г.). Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1900. С. 211–240.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайнуллин М. Каюм Насыйри (тормышы һәм ижат юлы) // Каюм Насыйри. 1825–1945. Тууына 120 ел тулуга багышланган гыйльми сессия материалары / жаваплы редактор Ш.А. Рамазанов. Казан: Татгосиздат, 1948. Б. 3–40.

Гайнуллин М. Каюм Насыйри (тормышы һәм ижат юлы) // Насыйри К. Сайланма әсәрләр / М.Гайнуллин редакциясендә. Казан: Таткнигоиздат (Матур әдәбият редакциясе), 1953. Б. 7–50.

Гали М. Каюм Насыйриның кулъязма мирасы // Каюм Насыйри. 1825–1945. Тууына 120 ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары / җаваплы редактор Ш.А. Рамазанов. Казан: Татгосиздат, 1948. Б. 119–130.

Гобәйдуллин Г. Каюм Насыри кулъязмаларының гыйльми кыйммәте турында // Каюм Насыйриның моңарчы басылмаган әсәрләре һәм йөзгеллек бәйрәм материаллары. Мәжмуга. Казан: Татарстан дәүләт нәшрияты басмасы, 1926. Б. 64–102.

Гыйльми Үзәктә // Каюм Насыйри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык / төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Жыен, 2017. Б. 734–735.

Жәләй Л. Татарларда мәгърифәтчелек хәрәкәте һәм Каюм Насыйри // Совет әдәбияты. 1945. № 2. Б. 37–44.

Жәләй Л. Каюм Насыйри (1825–1902) // Каюм Насыйри. Сайланма әсәрләр / төз. М.Гали, Л.Жәләй; М.Гайнуллин редакциясендә. Казан: Татгосиздат. Матур әдәбият секторы, 1945а. Б. I–XIV.

Загидуллин И.К. О труде Каюма Насыри «Материалы по татарской этнографии» (к 200-летию со дня рождения) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2025. № 4. С. 84–100.

Ибраһимов Г. Башлангыч // Каюм Насыйриның моңарчы басылмаган әсәрләре һәм йөзгеллек бәйрәм материаллары. Мәжмуга / Гали Рәхим карамагында. Казан: Татарстан дәүләт нәшрияты басмасы, 1926. Б. 3–5.

Каюм Насыйри мәжмугасы. Вафатына егерме ел тулу мөнәсәбә белән чыга. Казан: Т.С.С.Ж. дәүләт нәшрияты, 1922. 160 б.

Каюм Насыйриның моңарчы басылмаган әсәрләре һәм йөзгеллек бәйрәм материаллары. Мәжмуга / Гали Рәхим карамагында. Казан: Татарстан дәүләт нәшрияты басмасы, 1926. 135 б.

Латыйф Г. Каюм Насыйрины искә төшерү турында зур җыелыш // Каюм Насыйриның моңарчы басылмаган әсәрләре. Мәжмуга / Гали Рәхим карамагында. Казан: Татарстан дәүләт нәшрияты басмасы, 1926. Б. 127–132.

Латыпова Г.М. Деятельность Народного комиссариата просвещения ТАССР в 1920-е гг.: монография. Казань: Главное архивное управление при Кабинете министров РТ, 2013. 240 с.

Набиев Р.А. Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 244 с.

Насыйри К. Сайланма әсәрләр / төз. М.Гали, Л.Жәләй; М.Гайнуллин редакциясендә. Казан: Татгосиздат. Матур әдәбият секторы, 1945. 188 б.

Насыйри К. Сайланма әсәрләр / М.Гайнуллин редакциясендә. Казан: Таткнигоиздат. Матур әдәбият редакциясе, 1953. 418 б.

Насыйри К. Сайланма әсәрләр. 2 басмасы / М.Гайнуллин редакциясендә. Казан: Таткнигоиздат. Матур әдәбият редакциясе, 1956. 418 с.

Насыйри К. Сайланма әсәрләр. 2 томда. 1 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. 340 б.

Насыйри К. Сайланма әсәрләр. 2 томда. 2 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. 318 б.

Насыров А.К., Поляков П.А. Сказки казанских татар и сопоставление их со сказками других народов // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1900. Т. 16. Вып. 4–6. С. 5–112.

Редакциядән // Насыри К. Сайланма әсәрләр / М.Гайнуллин редакциясендә. Казан: Таткнигоиздат. Матур әдәбият редакциясе, 1956. Б. 3.

REFERENCES

Gainullin M. Kayum Nasyri: His Life and Creative Path. *Kayum Nasyri. 1825–1945. Materials of the Scientific Session Dedicated to the 120th Anniversary of His Birth*. Exec. Ed. Sh.A. Ramazanov. Kazan: Tatgosizdat, 1948. Pp. 3–40. (In Tatar)

Gainullin M. Kayum Nasyri: His Life and Creative Path. *Nasyri K. Selected Works*. Ed. by M. Gainullin. Kazan: Tatknigoizdat, 1953. Pp. 7–50. (In Tatar)

Gali M. Manuscript Heritage of Kayum Nasyri. *Kayum Nasyri. 1825–1945. Materials of the Scientific Session Dedicated to the 120th Anniversary of His Birth*. Exec. Ed. Sh.A. Ramazanov. Kazan: Tatgosizdat, 1948. Pp. 119–130. (In Tatar)

Gubaidullin G. On the Scientific Value of Kayum Nasyri's Manuscripts. *Previously Unpublished Works of Kayum Nasyri and Centennial Jubilee Materials. Collection*. Edited by Gali Rahim. Kazan: Tatgosizdat, 1926. Pp. 64–102. (In Tatar)

In the Scientific Center. *Kayum Nasyri: Literary-Historical and Documentary-Biographical Collection*. Comp. R.F. Islamov. Kazan: Jiyen, 2017. Pp. 734–735. (In Tatar)

Jalai L. Enlightenment Movement Among the Tatars and Kayum Nasyri. *Soviet Literature*. 1945, no. 2, pp. 37–44. (In Tatar)

Jalai L. Kayum Nasyri (1825–1902). *Nasyri K. Selected Works*. Comp. M. Gali, L. Jalay; Ed. by M. Gainullin. Kazan: Tatgosizdat, 1945a. Pp. I–XIV. (In Tatar)

Zagidullin I.K. On the Work of Kayum Nasyri “Materials on Tatar Ethnography” (On the 200th Anniversary of His Birth). *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2025, no. 4, pp. 84–100. (In Russian)

Ibragimov, G. Introduction. *Previously Unpublished Works of Kayum Nasyri and Centennial Jubilee Materials. Collection*. Ed. by Gali Rakhim. Kazan: Tatgosizdat, 1926. Pp. 3–5. (In Tatar)

Collection of Kayum Nasyri. Published on the Occasion of the 20th Anniversary of His Death. Kazan: Tatgosizdat, 1922. 160 p. (In Tatar)

Previously Unpublished Works of Kayum Nasyri and Centennial Jubilee Materials. Collection. Ed. by Gali Rakhim. Kazan: Tatgosizdat, 1926. 135 p. (In Tatar)

Latyf G. Great Meeting on the Commemoration of Kayum Nasyri. *Previously Unpublished Works of Kayum Nasyri. Collection*. Ed. by Gali Rakhim. Kazan: Tatgosizdat, 1926. Pp. 127–132. (In Tatar)

Latypova G.M. *Activities of the People's Commissariat of Enlightenment of the TASSR in the 1920s: Monograph*. Kazan: Main Archive Administration at the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan, 2013. 240 p. (In Russian)

Nabiev R.A. *Islam and the State: Cultural and Historical Evolution of the Muslim Religion in the European East*. Kazan: Kazan Univ. Publ., 2002. 244 p. (In Russian)

Nasyri K. *Selected Works*. Comp. M. Gali, L. Jalay; Ed. by M. Gainullin. Kazan: Tatgosizdat, 1945. 188 p. (In Tatar)

Nasyri K. *Selected Works*. Ed. by M. Gainullin. Kazan: Tatknigoizdat, 1953. 418 p. (In Tatar)

Nasyri K. *Selected Works*. 2nd ed. Ed. by M. Gainullin. Kazan: Tatknigoizdat, 1956. 418 p. (In Tatar)

Nasyri K. *Selected Works*. In 2 volumes. Vol. 1. Kazan: Tatar book Publ., 1974. 340 p. (In Tatar)

Nasyri K. *Selected Works*. In 2 volumes. Vol. 2. Kazan: Tatar book Publ., 1975. 318 p. (In Tatar)

Nasyrov A.K., Polyakov P.A. Tales of the Kazan Tatars and their comparison with tales of other peoples. *News of the Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University*. 1900. Vol. 16. Iss. 4–6, pp. 5–112. (In Russian; In Tatar)

From the Editorial Office. *Nasyri K. Selected Works*. Ed. by M. Gainullin. Kazan: Tatnigoizdat, 1956. P. 3. (In Tatar)

Информация об авторе:

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>; e-mail: zagik63@mail.ru

About the author:

Ildus K. Zagidullin – Dr. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher, Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>; e-mail: zagik63@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 13.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 09.02.2026

Принята к публикации / Accepted 13.03.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH ARTICLE

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.125-142>

«Модернизированный Тукай» как симптом эпохи:
идеологические и эстетические дискуссии
о переводе татарской поэзии в 1950–1960-е годы

А.Т. Сибгатуллина

Институт востоковедения РАН

Москва, Российская Федерация

alfina2003@yandex.ru

Резюме. Статья анализирует русские переводы поэзии Габдуллы Тукая в контексте советской переводческой практики 1950–1960-х гг. На материале публикаций С.Бахтиярова, С.Липкина, Р.Мустафина и В.Ганиева показано, что образ Тукая в русскоязычной культуре формировался в рамках устойчивого нормативного подхода, ориентированного на канон советской лирики и на идеологические представления эпохи о «правильном» прочтении национальной классики. В результате перевод нередко приводил к модернизации оригинала, сглаживанию исторических противоречий и утрате национально-исторической специфики. Выделяются две основные тенденции: стремление «приспособить» Тукая к советской поэтической традиции и, напротив, подчеркнуть его национальную экзотику. Показано, что именно сочетание этих подходов сформировало образ «модернизированного Тукая». Делается вывод о том, что данный образ возник не вследствие отдельных переводческих ошибок, а как результат устойчивой, идеологически закреплённой переводческой практики.

Ключевые слова: татарская литература; Габдулла Тукай; история художественного перевода; советская литературная политика; русско-татарские литературные связи; 1950–1960-е годы

Для цитирования: Сибгатуллина А.Т. «Модернизированный Тукай» как симптом эпохи: идеологические и эстетические дискуссии о переводе татарской поэзии в 1950–1960-е годы. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 1. С. 125–142. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.125-142>

“Modernized Tukay” as a Symptom of the Era:
Ideological and Aesthetic Discussions on the Translation
of Tatar Poetry in the 1950s–1960s

A.T. Sibgatullina

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
alfina2003@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes Russian translations of Gabdulla Tukay’s poetry in the context of Soviet translation practice of the 1950s–1960s. Based on the publications of S. Bakhtiarov, S. Lipkin, R. Mustafin, and V. Ganiev, it is shown that the image of Tukay in Russian-language culture was formed within a stable normative approach oriented toward the canon of Soviet lyric poetry and the ideological ideas of the era regarding the “correct” reading of national classics. As a result, translation often led to the modernization of the original, the smoothing over of historical contradictions, and the loss of national-historical specificity. Two main trends are identified: the desire to “adapt” Tukay to the Soviet poetic tradition and, conversely, to emphasize his national exotica. It is shown that it was the combination of these approaches that formed the image of the “modernized Tukay”. The conclusion is drawn that this image arose not as a result of individual translation errors, but as a result of a stable, ideologically fixed translation practice.

Keywords: Tatar literature; Gabdulla Tukay; History of literary translation; Soviet literary policy; Russian-Tatar literary relations; 1950s–1960s

For citation: Sibgatullina A.T. “Modernized Tukay” as a Symptom of the Era: Ideological and Aesthetic Discussions on the Translation of Tatar Poetry in the 1950s–1960s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 1, pp. 125–142. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.125-142> (In Russian)

Рубеж 1950–1960-х гг. в истории советской культуры характеризуется сложным и противоречивым процессом переосмысления художественного наследия народов СССР. Ослабление идеологического давления после смерти Сталина, частичная либерализация общественной жизни и расширение культурных контактов внутри многонационального советского пространства привели к актуализации вопросов, ранее находившихся на периферии научного и издательского внимания. Вместе с тем, несмотря на заметное ослабление цензурных механизмов после XX съезда КПСС, принципы «правильного» советского отношения к национальной классике оставались устойчивыми. Литературный процесс развивался в рамках установки на приведение национальных литератур к единому нормативному уровню, обеспечивающему их культурную и идеологическую приемлемость. Худо-

жественный перевод на русский язык рассматривался не просто как передача текста, а как его адаптация для советского читателя. Переводчик выступал посредником между национальной традицией и советской литературной моделью и должен был не только переводить, но и редактировать оригинал: сглаживать архаику, ослаблять фольклорные элементы и придавать тексту ощущение современности. В результате произведения национальных литератур, вводимые в общесоюзный оборот, часто подвергались эстетическому выравниванию и идеологической правке.

Показательным материалом для анализа этих процессов являются дискуссии вокруг переводов творчества Габдуллы Тукая как ключевой фигуры татарской литературы и одного из наиболее часто переводимых поэтов. В 1950–1960-е гг. его поэзия активно переиздается, переводится, комментируется и интерпретируется в русскоязычной среде. Однако именно в этот период обнажаются противоречия между декларируемым принципом верности оригиналу и реальной переводческой практикой, в рамках которой образ Тукая нередко подвергался эстетической и идеологической коррекции. Возникает феномен «модернизированного Тукая» – национального поэта, чьи русские переводы зачастую оказывались более «современными», более «нормативными» и более «понятными», чем его собственные тексты, однако эта понятность достигалась ценой утраты поэтической и исторической уникальности оригинала.

В настоящей статье ставится цель проанализировать переводческий дискурс 1950–1960-х гг., связанный с интерпретацией поэзии Г.Тукая в русскоязычной среде. В центре внимания находятся публикации, в которых формулируются ключевые эстетические, методологические и идеологические установки советской теории художественного перевода.

Значимыми для осмысления проблем художественного перевода в советской культуре рубежа 1950–1960-х гг. являются специализированные сборники «Мастерство перевода», выходившие в издательстве «Советский писатель». Эти издания не были нейтральными научными альманахами: они выполняли функцию нормативной площадки, на которой формулировались допустимые границы переводческой свободы, уточнялись критерии «верности» и «реалистичности», а также вырабатывался язык описания межнационального литературного обмена. Принципиально важно учитывать, что данные сборники находились на пересечении научного, критического и идеологического дискурсов. С одной стороны, в них публиковались статьи профессиональных переводчиков и литературоведов, анализировавших конкретные переводческие решения, а с другой – именно здесь закреплялись установки, восходящие к программным документам КПСС и к традиции социалистического реализма, в рамках которой перевод рассматривался как часть общего литературного процесса, подчиненного задачам культурной интеграции.

Характерно, что в текстах начала 1960-х гг. перевод все чаще трактуется не как вспомогательная деятельность, а как форма активного участия

в формировании «общесоюзного» литературного пространства. Эта установка имела прямые последствия для перевода национальной классики, в том числе произведений Габдуллы Тукая. В отношении Тукая перевод оказывался зоной повышенного внимания: с одной стороны, он воспринимался как безусловный классик, «основоположник» новой татарской поэзии, чье наследие подлежало обязательному включению в общесоюзный канон; с другой стороны, его поэтика, интонационная сложность, сочетание городской сатиры, фольклорных элементов и гражданской лирики плохо укладывались в унифицированные представления о «правильной» поэзии. Именно в этом напряжении между канонизацией и несводимостью к канону и формировалась проблематика, которую последовательно анализировали в своих публикациях, представленных в сборниках «Мастерство перевода», Сабир Бахтияров (1913–2000), Семён Липкин (1911–2003), Рафаэль Мустафин (1931–2011), Виль Ганиев (1934–2005) и др. В их статьях обсуждались границы допустимых переводческих вольностей, проблема передачи поэтической интонации, значение подстрочника, а также случаи сознательной или неосознанной идеологической корректировки оригинала. Сама постановка вопроса об «осовремененном», «обновленном» Тукае, характерная для критики начала 1960-х гг., была идеологически мотивированной. Она отражала распространенное среди переводчиков представление о том, что классик татарской литературы должен быть приведен в соответствие с общесоветским литературным каноном, ориентированным прежде всего на русскую поэтическую традицию XIX–XX вв. Несовпадения между ритмикой и образной системой татарской поэзии и нормативами русской поэтики нередко трактовались как проявления «несовременности», подлежащие исправлению. Именно это и вызывало критику: анализ переводов Тукая нередко смещался от поэтики оригинала к оценке того, насколько переводчики «приспособили» поэта к актуальным эстетическим и идеологическим нормам.

Центральная роль в обсуждаемой дискуссии, на наш взгляд, принадлежит Сабиру Сальмановичу Бахтиярову (Бахтияров), критику и литературоведу, выступившему с резкой и принципиальной оценкой переводов Тукая в газете «Советская Татария» от 30 марта 1962 г. Позднее эта статья «Автор и переводчик» была переработана в специально адаптированный очерк «Модернизированный Тукай» и включена в сборник «Мастерство перевода» за 1963 г. («Модернизированный Тукай», 1964), стала своеобразным маркером эпохи, поскольку выводила внутрилитературный конфликт в более широкий идеологический план. Для С.Бахтиярова переводчик национальной классики – не автономный художник, а ответственная фигура, действующая в условиях определенного, пусть и негласного, общественного договора. Этот договор, по его мнению, предполагает не только технично выверенную передачу оригинала, но и уважение к национальному автору как носителю самобытной поэтической традиции. Именно поэтому он столь резко реагирует на попытку «модернизации» Тукая:

под этим термином скрывается не инновация, а стилистическое давление русской поэтической нормы, превращение живой татарской поэзии начала XX в. в безликий образец советской «универсальной» лирики.

Именно С.Бахтиаров, на наш взгляд, первым формулирует проблему в терминах, которые позволяют рассматривать ее как идеологическую. Для него вопрос не в качественных недостатках конкретного перевода, а в самой практике «подгонки» национального автора под стандарты того или иного «знаменитого поэта», популярного «в этом году». Принципиальным для С.Бахтиарова является тезис о том, что переводчик в условиях централизованной культурной политики неизбежно оказывается проводником эстетической унификации. Перевод, по его наблюдению, нередко ориентируется не на внутреннюю логику оригинала, а на «средний» поэтический стандарт, сложившийся в русской литературе соответствующего периода. В результате национальные литературы начинают функционировать как вариации единого сглаженного канона, где различия редуцируются до уровня тематических или этнографических деталей. Под модернизацией С.Бахтиаров понимает не развитие традиции, а ее усечение и подмену: переводчик, исходя из собственного вкуса и текущих литературных мод, сознательно сглаживает архаику, изменяет интонацию и перестраивает образную систему оригинала. В случае с Тукаем это приводило к утрате авторского ритма и исторической конкретности поэтического высказывания. Поэзия Тукая, пишет автор, «не претендует на изысканное изящество, в ней все просто, легко и душевно. Этим она завоевала признание и любовь народа. Часто эту особенность Тукая не понимают некоторые его переводчики и стараются осложнить стихи тяжелыми оборотами, редкостными словами, множеством тире, восклицаний, двоеточий и многоточий... Некоторые переводчики стали на путь “осовременивания” творчества поэта» («Модернизированный Тукай», 1964, с. 376). При этом важно подчеркнуть, С.Бахтиаров не противопоставляет национальные литературы русской и не отрицает самой идеи перевода. Напротив, он подчеркивает его необходимость, но настаивает на профессиональной, художественно мотивированной и внутренне честной природе переводческой работы. Его полемика направлена не против русской культуры как таковой, а против бездумной риторики «осовременивания», превращающей перевод в фабрикат, а национального классика – в фигуру, выполненную по заранее заданным «выкройкам».

Основная проблематика статьи С.Бахтиарова сосредоточена вокруг нескольких ключевых аспектов. Во-первых, автор указывает на низкий художественный уровень большинства переводов Тукая, где «допущены грубейшие ошибки и искажения, поэтому многие стихи и поэмы потеряли свою целостность. Нет в них темпераментного языка поэта, стерта национальная окраска, упрощена, обеднена и фальсифицирована идея произведения» («Модернизированный Тукай», 1964, с. 375). Критик иллюстрирует свои доводы на конкретных примерах. Так, стихотворение «Пара коней», которое по его словам отличается «простотой, образностью, выразитель-

ностью языка и четкостью ритма (для татарина “пара коней” звучит так же поэтично, как для русского “тройка”)), в переводе П.Скосырева теряет свою прелесть: нарушаются гармония и ритм, стих превращается в «бездушное чередование сухих зарифмованных строк:

Заложен тарантас. Ямщик
взмахнул кнутом. “Садись!
Пошел”. Казанский гладок тракт.
И кони понеслись» («Модернизированный Тукай», 1964, с. 375).

А вот перевод А.Ахматовой, по его мнению, передает образность и музыкальность оригинала, сохраняя народную интонацию и задушевность. На основании этих сравнений С.Бахтиаров подчеркивает важность сохранения простоты, ритма и эмоциональной выразительности оригинального текста при переводе, что является характерной чертой поэзии Тукая.

Во-вторых, статья затрагивает вопрос «модернизации» ранних произведений Тукая и придания им классово-революционной окраски. «В 1905 году Габдулла Тукай, девятнадцатилетний юноша, – пишет автор, – посвятил царскому манифесту несколько восторженных стихотворений. В одном из них (“Слово друзьям”) он сравнивает “государев манифест” со свободой и, призывая оценить эту свободу по достоинству, восхищается царем: “Есть же люди прозорливые у нас!” Переводчик этого стихотворения (С.Олендер) изменил его идею:

Мы зорких изберем людей –
наш долг таков,
Не много царский манифест
нам дать готов.
Хоть цену знаем мы ему,
без лишних слов
Все то, что мы сумеем взять,
возьмем теперь» («Модернизированный Тукай», 1964, с. 376).

«В другом стихотворении (“О единстве”) нет еще и намека на критику манифеста, – уверен С.Бахтиаров, – “Поглядите: батюшка-царь горе народное уничтожил; увидев бедствий несчастье, волю нам навеки дал”, – сказано в оригинале. Переводчик же П.Карабан дает этой мысли иную политическую окраску:

Поглядите-ка: царь наш вдруг
Избавил народ от мук,
Испугавшись восстаний вокруг,

Волю дал до скончанья веков» («Модернизированный Тукай», 1964, с. 376–377).

Автор статьи также обращает внимание на переводческую этику: Тукай сам был опытным переводчиком, высоко ценил художественный перевод и строго относился к искажению чужого текста. Поэт популяризировал произведения русских классиков – Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого – и считал «преступлением “уродовать Пушкина стих”» («Модернизированный Тукай», 1964, с. 377). С.Бахтиаров использует этот аргумент для подчеркивания ответственности и современных ему переводчиков, знакомящих русскую аудиторию с творчеством Тукая.

Таким образом, С.Бахтиаров выступал не просто как критик переводческой практики, но как представитель определенного идеологического направления, защищающего ценность национального оригинала от растворения в унифицированном советском литературном каноне. Его концепция основана на двух ключевых принципах: неприкосновенности художественного образа оригинала и недопустимости навязывания автору чуждой поэтической манеры. Он видит идеальную модель только в том переводе, который является результатом личной духовной вовлеченности, художественного слуха и глубокого знания оригинала. Текст должен быть интересен русскому читателю не потому, что он «вписан в общий канон», а потому, что он сохраняет подлинную силу национального автора. С.Бахтиаров определяет свою программу как противостояние двум характерным для эпохи тенденциям: стремлению к унификации литературы под «общий советский стиль» и превращению перевода в коммерческий поток стандартных «стихотворных полуфабрикатов».

В отличие от С.Бахтиарова, рассматривавшего перевод преимущественно как элемент историко-культурного процесса, известный переводчик Семён Израилевич Липкин выстраивает свою аргументацию в плоскости эстетики и художественной ответственности переводчика. Его пространная статья (Липкин, 1964) представляет собой не столько описание состояния переводческого дела, сколько нормативное высказывание о том, каким должен быть художественный перевод в условиях многонациональной советской культуры. Автор трактует художественный перевод не как ремесло, а как системный компонент советского культурного пространства, наделенный эстетической, идеологической и общественной ответственностью. Отталкиваясь от высказывания М.Горького 1929 г. о том, что перевод является ключевым механизмом культурного сближения народов, С.Липкин фиксирует принципиально новую ситуацию: перевод осуществляется, прежде всего, на языки народов СССР и служит интеграции многоязычного культурного пространства. В этом контексте он осмысливается как фундамент культурной политики, выходящий за рамки задачи простого «знакомства народов друг с другом». В условиях социалистического общества перевод, согласно С.Липкину, должен способствовать формированию общности ду-

ховного облика в соответствии с положениями новой редакции Программы КПСС, принятой XXII съездом (1961 г.). Тем самым он предстает как активный механизм социалистического культурного строительства.

Центральное место в статье занимает понятие верности перевода, связанное с реалистическим методом. Верность понимается не как буквальное воспроизведение текста, а как воссоздание художественной и социальной сущности оригинала: его образной системы, интонации, исторического контекста и национального колорита. Резко критикуются модернизаторские и унифицирующие практики, стирающие национальную специфику и исторический фон; в подтексте ощущается полемика вокруг «модернизированного Тукая». Особое внимание уделяется стилистической точности как условию художественной правды, одновременно подчеркивается и продуктивная функция перевода: он не только вводит национальные литературы в общесоветский контекст, но и обогащает русскую литературу новыми темами, образами и ритмами. В итоге художественный перевод осмысливается как системообразующий фактор советского культурного пространства, как форма коллективного труда литератур, механизм их взаимного развития и инструмент идеологической и эстетической консолидации. Статья выступает одновременно теоретическим, идеологическим и критическим документом эпохи, фиксирующим нормативные границы переводческой практики рубежа 1950–1960-х гг.

Для С.Липкина принципиально важно подчеркнуть, что перевод национальной поэзии не сводится к передаче тематического содержания или внешних этнографических деталей. Он решительно выступает против подхода, при котором «национальный колорит» трактуется как набор легко узнаваемых, но поверхностных признаков: экзотических деталей, фольклорных клише, архаизирующей лексики. Подобная стратегия, по его мнению, приводит не к раскрытию поэтики оригинала, а к созданию стилизованных «манекенов», лишенных внутренней художественной жизни. В этой связи С.Липкин ссылается на высказывание Расула Гамзатова о переводчиках, которые «надевают на поэта бешмет, который он никогда и не носил», подменяя живого автора декоративным образом (Липкин, 1964, с. 27). Ключевым для С.Липкина является утверждение, что реалистический перевод требует передачи не внешних форм, а способа художественного мышления, присущего данному народу. Он подчеркивает, что мировоззренческие основы у народов СССР во многом общие, однако способы их поэтического выражения принципиально различны, и именно эти различия должны стать предметом особого внимания переводчика. В этом смысле перевод предстает не как механическое воспроизведение текста, а как сложный акт художественного понимания. Эта установка напрямую связана с осмыслением роли переводчика в советской литературной системе. С.Липкин настаивает на том, что советская эпоха сформировала принципиально новый тип художника-переводчика. В отличие от дореволюционной традиции, где перевод часто оставался индивидуальным литературным опытом и редко влиял на

развитие литературы оригинала, советский переводчик, по его мнению, становится активным участником литературного процесса того народа, с языка которого он переводит. «Надо с твердостью заявить о том, что советская жизнь создала новый, доселе невиданный тип художника-переводчика», – подчеркивает С.Липкин, отмечая включенность переводчика в общее движение национальной литературы (Липкин, 1964, с. 28). В этом контексте принципиально важным оказывается его понимание художественной верности: С.Липкин отвергает как буквальный подстрочник, так и произвольное «пересочинение» оригинала, настаивая на том, что подлинная верность заключается в способности соединить творческую свободу с аналитической точностью. В результате он формулирует отчетливо нормативную концепцию перевода, в которой ключевыми категориями становятся верность подлиннику, реализм изображения и ответственность переводчика за сохранение национальной специфики.

«Русский язык не только стал связным для разных народов – чересчур скромна была бы для него, могучего, такая роль, – он стал их душой, их вожатым к светлой цели. Начало этому было положено еще до революции, – пишет С.Липкин. – Габдулла Тукай был страстным пропагандистом и переводчиком русской литературы. Но дело не только в том, что он переводил русских поэтов на татарский язык, что благодаря ему в далекой Бухаре студент медресе, будущий писатель Садриддин Айни, впервые узнал в своей средневековой келье имена русских классиков. Дело в том, что Тукай первый из поэтов Востока воспринял всем своим существом резкий свет русской реалистической мысли и осветил этим светом тогдашнюю татарскую действительность. И если для восточных поэтов было традицией прославлять своих предшественников, таких, как Фирдоуси, Хафиз или Навои, то Тукай первым из поэтов Востока признал себя учеником Пушкина, обратившись к нему с такими словами: “Стихи и повести твои влекут меня, сверкая. Мне дела нет, что у тебя религия другая”» (Липкин, 1964, с. 22–23).

С.Липкин критикует переводы, в которых «национальный колорит» сводится к внешним признакам, и настаивает на передаче способа художественного мышления и интонации оригинала. Реалистический перевод он понимает как самостоятельный художественный акт, а советского переводчика как нового типа художника, включенного в литературный процесс того народа, на язык которого переводится произведение, и несущего ответственность за сохранение культурного контекста и эстетической ценности оригинала. Для С.Липкина принципиально важно, что переводчик обязан понимать не только текст, но и движение национальной поэзии, ее восходящие и нисходящие линии, внутренние противоречия и историческую динамику. Именно это, по его мнению, отличает подлинный художественный перевод от ремесленного подражания. Он резко противопоставляет переводы, в которых сохранена образная система и интонационная структура оригинала, тем опытам, где переводчик либо «сочиняет лучше

оригинала», либо, напротив, воспроизводит его хуже, но в обоих случаях оказывается «безнадежно далек от национального своеобразия и души оригинала» («Модернизированный Тукай», 1964, с. 77).

Особое место в рассуждениях С.Липкина занимает проблема стихотворной формы. Он подчеркивает, что национально обусловленные метрические и строфические системы – одна из самых устойчивых форм художественного выражения, поскольку они порождены спецификой языка. Однако отсюда не следует, что механическое копирование метра стиха автоматически гарантирует сохранение национального своеобразия. Напротив, С.Липкин настаивает на том, что формальное воспроизведение ритма без понимания его интонационной функции может привести к отчуждению текста от оригинала. Тем самым он критикует упрощенное представление о переводе как о технической операции и вновь возвращает обсуждение в плоскость художественного мышления. В целом позиция С.Липкина по отношению к переводам Тукая может быть охарактеризована как нормативно-эстетическая. Его критика направлена прежде всего против эстетической унификации и поверхностной экзотизации, одинаково искажающих поэтическую индивидуальность Тукая. В контексте дискуссий рубежа 1950–1960-х гг. эта позиция имела принципиальное значение. Она дополняла историко-культурный анализ С.Бахтиярова требованием художественной точности и тем самым выявляла внутренние противоречия переводческой практики эпохи: между задачей культурной интеграции и необходимостью сохранения национальной поэтики, между институциональными нормами и индивидуальной позицией переводчика.

Если для Семёна Липкина центральным в художественном переводе становится проблема сохранения эстетической ценности произведения, то для Рафаэля Мустафина ключевым понятием выступает поэтическая интонация как носитель художественной, национальной и исторической специфики текста. В статье «Поэтическая интонация переводчика» (Мустафин, 1965) на примере пушкинского текста он показывает, что даже корректный прозаический пересказ разрушает поэтическую природу произведения, поскольку поэзия существует прежде всего на уровне организации речи. Исходя из этого, Р.Мустафин четко разграничивает тексты, созданные «по мотивам» иноязычного источника, и собственно художественный перевод, настаивая на том, что подлинный перевод обязан воспроизводить индивидуальный поэтический облик оригинала, прежде всего его интонацию. В полемике с позицией Л.Гинзбург о необходимости сохранения «лица» переводчика он подчеркивает, что индивидуальный стиль не может становиться самоцелью и должен быть подчинен задаче воссоздания художественного целого оригинала (Мустафин, 1965, с. 37). Анализируя переводы поэзии Габдуллы Тукая, Р.Мустафин показывает, что сохранение авторского почерка переводчика нередко достигается ценой утраты интонационного и стилистического строя исходного текста. В этом контексте переводы Анны Ахматовой выдвигаются Р.Мустафиным как при-

мер редкого и глубокого проникновения в поэтический мир Тукая. Он подчеркивает, что А.Ахматова сумела увидеть за внешней образностью его стихов их внутреннюю драматическую напряженность и светлый лиризм, передав не только смысл, но и интонационную структуру оригинала (Мустафин, 1965, с. 37). Принципиально важно, что речь идет не о внешнем подражании национальному колориту, а о точной передаче эмоционального и ритмического строя тукаевской поэзии. Противопоставлением этому служит анализ перевода Ильи Сельвинского. Р.Мустафин подчеркивает, что его перевод выполнен на высоком профессиональном уровне и безупречен с точки зрения передачи фабулы и лексического смысла, однако именно эта безупречность выявляет его основной недостаток: по тексту перевода можно судить прежде всего о стиле самого И.Сельвинского, а не о поэтике Тукая. В результате юмористическое стихотворение Тукая превратилось в легкую разговорную шутку, утратившую присущие оригиналу внутреннюю собранность и художественную меру.

Р.Мустафин на конкретных примерах указывает, что в ряде случаев переводчики, хорошо понимая татарский текст и не допуская формальных ошибок, сознательно изменяют его смысловую и интонационную направленность. Речь идет не о незнании языка, а об идеологически мотивированной «коррекции» классика. Показательным примером служит стихотворение, посвященное Хусаину Ямашеву («Светлой памяти Хусаина»). В оригинале поэт подчеркивает нравственное равенство людей перед героем, избегая классовой риторики:

«Сильный, слабый, бай и нищий –
были все пред ним равны...
(Подстрочный перевод)» (Мустафин, 1965, с. 48).

Однако в русских переводах 1950-х гг. этот фрагмент подвергается принципиальной трансформации. В издании 1951 г. появляется подчеркнутая социальная оппозиция:

«Не лънул он к сильным и богатым,
Дружил с бесправным бедняком.
(Перевод А.Миниха)» (Мустафин, 1965, с. 48).

В более позднем варианте классовая интерпретация усиливается еще резче:

«Не шел ты с поклонами в роскошь палат,
А грел неимущих лучистый твой взгляд.
(Перевод В.Ганиева)» (Мустафин, 1965, с. 49).

Р.Мустафин подчеркивает, что в обоих случаях смысл перевода оказывается прямо противоположным авторскому. Эти изменения не могут быть объяснены случайной ошибкой, поскольку переводчики хорошо владеют татарским языком и работают непосредственно с оригиналом. Тем самым перевод выступает как форма идеологической «доработки» текста, подгонки его под представления более позднего времени (Мустафин, 1965, с. 49–50).

Принципиально важно, что Р.Мустафин не отрицает исторической изменчивости взглядов и не исключает возможности переосмысления классики в научном или публицистическом дискурсе. Однако он категорически возражает против подобного переосмысления внутри художественного перевода. Риторический вопрос, заданный автором, «Какой же смысл задним числом напомаживать и припудривать великого поэта?», фиксирует границу допустимого: перевод не имеет права исправлять историю и приписывать автору то, чего в его текстах не было (Мустафин, 1965, с. 49).

По наблюдению Р.Мустафина, сходным образом были «осовременены» переводы стихотворений «Слово друзьям», «Сожаление», «О единстве», «Гнет» и ряда других произведений Тукая. В результате формируется устойчивый механизм трансформации, при котором ранний Тукай, сложный и противоречивый, предстает в переводах как идеологически «выверенный» поэт, лишенный исторической неоднозначности (Мустафин, 1965, с. 49–50).

Отдельное внимание Р.Мустафин уделяет вопросу границ переводческой свободы. Он признает, что буквальное следование тексту не всегда обеспечивает художественную адекватность и что иногда кажущееся отступление от подлинника позволяет точнее передать «живую душу» произведения. Однако именно здесь, подчеркивает он, необходим четкий критерий: переводчик вправе изменять форму лишь постольку, поскольку это служит сохранению авторской интонации, а не ее подмене. Когда же формальное преобразование приводит к смещению смысловых акцентов и идеологической перекодировке текста, перевод утрачивает право называться художественным.

Таким образом, позиция Р.Мустафина отличается особой принципиальностью. В отличие от С.Липкина, акцентирующего художественную зрелость советского перевода и его потенциал, Р.Мустафин сосредоточен на выявлении скрытых искажений, возникающих в результате «улучшения» классики. Его критика направлена не против перевода как такового, а против практики, при которой перевод превращается в инструмент актуализации, подменяющий исторический голос поэта голосом эпохи переводчика. В контексте дискуссий 1950–1960-х гг. эта позиция имела особое значение, поскольку фактически фиксировала предел допустимого компромисса между художественной интерпретацией и идеологическим давлением. Защита поэтической интонации у Р.Мустафина становится формой защиты исторической правды и художественной автономии нацио-

нальной литературы в условиях централизованной советской культурной модели. Анализ переводов поэзии Тукая, представленный в статье Р.Мустафина, позволяет выделить две различные переводческие установки, исходящие из разных представлений о задачах художественного перевода. Первая ориентирована на сохранение внутренней поэтической формы оригинала: ритма, интонации и образной логики. Формальное соответствие здесь понимается не как самоцель, а как средство передачи «внутренней мускулатуры стиха», определяющей поэтический облик автора. Даже при внешнем совпадении размера перевод может восприниматься как чуждый оригиналу, если нарушено индивидуальное чередование ударений внутри строки. Именно с этой точки зрения Р.Мустафин анализирует перевод стихотворения «Родная деревня» Д.Бродским. Несмотря на кажущееся метрическое соответствие, текст вызывает устойчивые ассоциации с иной поэтической традицией: «Читаешь эти строки, и на память невольно приходит знакомое еще с детства:

Вот моя деревня,
Вот мой дом родной...» (Мустафин, 1965, с. 39).

В итоге Тукай оказывается «облеченным в чуждую ему поэтику»: его авторская интонация подменяется русским лирическим шаблоном, а искажение поэтического голоса осмысливается, прежде всего, как эстетическая утрата.

Вторая установка исходит из иного понимания переводческой задачи как актуализации и смысловой корректировки текста в соответствии с господствующей идеологией и исторической перспективой. В этом случае переводчик сознательно или неосознанно «уточняет» мировоззренческую позицию автора, особенно там, где она воспринимается как недостаточно зрелая или «несовременная». Наиболее наглядно это проявляется в указанных выше переводах стихотворения, посвященного Хусайну Ямашеву.

Критика переводческой модернизации наследия Тукая получает наиболее развернутое и принципиальное теоретическое обоснование в статье переводчика В.Ганиева «Образность как элемент точности» (Ганиев, 1964). В отличие от более частных замечаний о стилистических или ритмических искажениях, В.Ганиев ставит проблему на уровне природы художественного мышления и допустимых границ переводческого вмешательства. Именно поэтому его позиция оказывается особенно значимой для анализа тех случаев, когда Тукай в переводе не просто «осовременивается», а фактически переосмысливается в ином мировоззренческом ключе.

Исходным для В.Ганиева становится принципиальный тезис: точность поэтического перевода не исчерпывается ни буквальным соответствием, ни формальным воспроизведением метра и ритма. Решающее значение имеет сохранение «внутренней жизни образа», его ассоциативного и эмоционального поля. Нарушение этого уровня приводит к тому, что даже

формально корректный перевод оказывается чуждым оригиналу. Именно так В.Ганиев оценивает ряд переводов татарской поэзии, включая произведения Тукая, где внешняя точность оборачивается подменой поэтического строя.

Статья В.Ганиева занимает принципиально важное место в формировании советской теории художественного перевода тюркоязычных литератур на русский язык. В отличие от подходов, в которых точность трактуется преимущественно как семантическое или формально-структурное соответствие подлиннику, он последовательно утверждает иную установку: в поэтическом переводе точность не противопоставлена образности, а реализуется через нее. Тем самым образность выводится из сферы второстепенного «украшения» и осмысливается как центральный механизм художественного мышления.

Пolemический импульс статьи направлен против укоренившегося в литературоведении представления об образе как о вторичном элементе по отношению к «голой мысли». В.Ганиев настаивает на нераздельности художественного мышления: мысль в поэзии не существует вне образной формы, а утрата образности означает утрату самой художественной сущности произведения. В этом контексте он опирается на классическое определение Л.Н. Толстого о неисчерпаемости художественного слова, способного порождать «бесчисленное множество мыслей, представлений и объяснений». Особое значение в концепции В.Ганиева приобретает национальная специфика образного мышления, прежде всего восточного и тюркского. Он показывает, что переводчик, работающий с татарской, узбекской, азербайджанской или туркменской поэзией, неизбежно сталкивается с иным типом метафоризации, иной логикой ассоциаций и иным соотношением традиционного и индивидуального. Восточная образность, по его наблюдению, формировалась в условиях многовековой поэтической канонизации, где ценилось не создание принципиально нового образа, а новое прочтение и смысловое смещение уже известного. Это породило высокую стилистическую культуру и своеобразную «сложную простоту» образа, которая нередко ускользает от переводчика. Отсюда вытекает один из ключевых тезисов статьи: переводческая ошибка может возникнуть не из-за непонимания смысла, а вследствие неверного воспроизведения ассоциативного поля образа. В.Ганиев последовательно демонстрирует это на материале конкретных переводов. Так, при передаче поэзии Х.Такташа или Ф.Карима утрата стилистической окраски, подмена романтически приподнятого образа реалистически нейтральным или, напротив, искусственное усложнение образности приводят к искажению поэтического строя оригинала. Особенно показателен анализ переводов Я.Смеякова, где, по мысли В.Ганиева, индивидуальная манера переводчика вступает в скрытое противоречие со «смелой поэзией» татарского текста.

Особое место в статье занимает анализ традиционных восточных образов и их современной переактуализации. На материале поэзии Мусы

Джалилия, Ахмета Файзи, Габдуллы Тукая В.Ганиев показывает, как древние метафоры цветка, света, солнца, гурий, притчи наполняются новым, зачастую полемическим содержанием. В этом контексте татарская поэзия предстает не как архаичный реликт восточной традиции, а как динамическая система, способная к внутреннему обновлению. Переводчик, по В.Ганиеву, должен улавливать это движение, различать «восходящие и нисходящие токи» поэтики, а не ограничиваться фиксацией внешних признаков традиционности.

Принципиально важен и раздел, посвященный афористичности тюркского образного мышления. В.Ганиев показывает, что для татарской поэзии характерно выражение мысли через цепь конкретных, жизненно очевидных образов, которые в совокупности формируют философское обобщение. Афоризм здесь выступает не украшением, а формой мышления. Перевод, утрачивающий лаконизм, ритмическую отточенность и внутреннюю напряженность афористического высказывания, теряет не частную особенность, а сам способ поэтического мышления.

В отличие от публицистически заостренных выступлений Сабира Бахтиярова и интонационно ориентированного анализа Рафаэля Мустафина, позиция Виля Ганиева выстраивается как попытка теоретически осмыслить художественный перевод в рамках советской эстетики, не выходя за ее нормативные границы, но последовательно отстаивая принцип научно мотивированной верности оригиналу. Он исходит из убеждения, что перевод не может быть сведен ни к ремесленной подстрочности, ни к произвольному поэтическому «пересочинению». Подлинная адекватность, по В.Ганиеву, достигается не механическим копированием формы и не внешней стилизацией, а глубоким проникновением в образное мышление национальной поэзии.

Именно в этом контексте он останавливается на переводах Семёна Липкина из татарской поэзии: «Глубоким проникновением в образное мышление татарской поэзии отмечены переводы С.Липкина, у которого высокая поэтическая культура сочетается с хорошим знанием истоков татарской поэзии и специфики восточного стиха» (Ганиев, 1964, с. 77). Существенным аргументом, по мнению В.Ганиева, служат и комментарии С.Липкина к переводам стихотворений Тукая, опубликованные в книге «Избранное» (М., 1956). В.Ганиев подчеркивает, что многие комментарии С.Липкина, как к собственным переводам, так и к переводам других переводчиков, «находятся на уровне научного исследования» и свидетельствуют о точном понимании закономерностей развития татарской поэзии, ее «восходящих и нисходящих токов» (Ганиев, 1964, с. 77).

Тем самым переводчик в интерпретации В.Ганиева предстает не только как поэт, но и как исследователь, для которого перевод невозможен без аналитического осмысления оригинала. Эта установка принципиально важна в контексте дискуссий 1950–1960-х гг., когда практика перевода национальной классики часто опиралась на упрощенную схему «под-

строчник + поэт». В.Ганиев прямо указывает, что научно обоснованное понимание переводимого произведения является «серьезным залогом победы переводчика, обладающего большим поэтическим дарованием» (Ганиев, 1964, с. 77).

Особое значение в статье имеет обращение к понятию художественной свободы. Свобода переводчика, по В.Ганиеву, допустима и даже необходима, однако она должна быть внутренне дисциплинированной, вытекающей из структуры оригинала, а не навязанной извне: ни эстетическими модами, ни идеологическими ожиданиями. Противопоставляя такие переводы вольным подражаниям и ремесленным опытам, он фактически вступает в полемику с распространенной в тот период практикой «улучшения» национального автора. Он резко отмежевывается от переводчиков, которые «сочиняют порой лучше оригинала, порой хуже, но безнадежно далеки от национального своеобразия и души оригинала» (Ганиев, 1964, с. 77). При этом важно подчеркнуть, что В.Ганиев не противопоставляет научную точность художественности. Напротив, он настаивает на том, что именно аналитическое проникновение в структуру оригинала позволяет создавать живые, органичные русские стихи. Верная трактовка образной системы, по его убеждению, является условием художественной убедительности перевода. Такой подход принципиально отличает подлинный перевод от стилизаций, где национальная специфика подменяется либо универсально-советской интонацией, либо экзотизированным «восточным» колоритом.

Таким образом, позиция В.Ганиева занимает промежуточное, но концептуально важное место в переводческом дискурсе начала 1960-х гг. С одной стороны, он разделяет установку советской эстетики на реалистическую верность и общественную значимость перевода; с другой – последовательно защищает право автора на сохранение своей национальной поэтики, ритмики и образного мышления. В этом смысле его статья служит теоретическим обоснованием той линии перевода наследия Тукая, которая стремится избежать как идеологической «актуализации», так и формального подражания, рассматривая перевод как сложный синтез поэтического дара и научной ответственности.

В целом, статья В.Ганиева формулирует целостную концепцию, в которой образность становится мерой точности, а не ее антагонистом. Для перевода татарской литературы это означает отказ от представления о «восточной пышности» как самоцели и переход к более тонкому пониманию образа как носителя исторической памяти, эмоционального опыта и поэтической энергии. В этом смысле статья В.Ганиева не только подводит итоги переводческой практики 1950–1960-х гг., но и задает методологические ориентиры, сохраняющие актуальность и сегодня.

Таким образом, переводы Тукая на русский язык в исследуемый период часто ориентировались не столько на оригинал, сколько на привычный литературный канон. В результате образ поэта складывался в рамках двух подходов. С одной стороны, Тукая старались «подогнать» под рус-

скую поэтическую традицию: сглаживали иронию, выравнивали ритм, заменяли фольклорные элементы знакомыми русскому читателю образами. Именно против такой «модернизации», превращавшей Тукая в условного «советского поэта» и лишавшей его национальной и исторической конкретности, выступал С.Бахтиаров. С другой стороны, акцент на фольклоре и местных реалиях нередко приводил к экзотизации и созданию стереотипного «восточного» образа, далекого от реальной поэтики Тукая. В итоге в русских переводах возобладал первый подход, что было связано не только с выбором переводчиков, но и с редакционными требованиями. Поэтому сложная интонация поэзии Тукая, соединяющая городскую лирику, сатиру и фольклор, в переводах передавалась лишь частично. Можно сказать, что «модернизированный Тукай» предстает как симптом хрущевской эпохи, как результат взаимодействия эстетических норм социалистического реализма, издательской политики и специфической роли перевода в многонациональной культурной системе СССР. Рассмотренные статьи фиксируют не только художественные искажения, но и более широкий процесс переосмысления национального наследия, в котором перевод выполнял одновременно художественную, культурно-посредническую и идеологическую функцию. Именно в этом качестве они представляют собой ценный источник для изучения истории советской культурной политики и межнационального литературного обмена середины XX в.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ганиев В. Образность как элемент точности // Мастерство перевода. Сб. 3: 1963. М.: Советский писатель, 1964. С. 63–89.
- Липкин С. Перевод и современность // Мастерство перевода. Сб. 3: 1963. М.: Советский писатель, 1964. С. 13–52.
- «Модернизированный Тукай» // Мастерство перевода. Сб. 3: 1963. М.: Советский писатель, 1964. С. 375–377.
- Мустафин Р. Поэтическая интонация переводчика // Мастерство перевода. Сб. 4: 1964. М.: Советский писатель, 1965. С. 34–50.

REFERENCES

- Ganiev V. Imagery as an Element of Accuracy. *Masterstvo Perevoda [Mastery of Translation]*. Coll.3: 1963. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1964, pp.63–89. (In Russian)
- Lipkin S. Translation and Modernity. *Masterstvo Perevoda [Mastery of Translation]*. Coll.3: 1963. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1964, pp.13–52. (In Russian)

“Modernized Tukay”. *Masterstvo Perevoda [Mastery of Translation]*. Coll.3: 1963. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1964, pp.375–377. (In Russian)

Mustafin R. Poet’s Intonation of a Translator. *Masterstvo Perevoda [Mastery of Translation]*. Coll.3: 1963. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1965, pp.34–50. (In Russian)

Информация об авторе:

Сибгатуллина Альфина Тагировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Востока, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-5755-8687>; e-mail: alfina2003@yandex.ru

About the author:

Alfina T. Sibgatullina – Dr. Sci. (philology), Leading Researcher of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-5755-8687>; e-mail: alfina2003@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 15.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 13.02.2026

Принята к публикации / Accepted 13.03.2026

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

PUBLICATION OF THE SOURCE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH ARTICLE

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.143-158>

«Не надо путать вопрос о башкирской
литературе и литературе в Башкирии».
Памяти Я.Г. Абдуллина

А.Г. Галлямова*, Л.Р. Габдрафикова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

** alfiya1955@gmail.com*

Резюме. Статья посвящена видному мыслителю татарского народа, ученому-энциклопедисту, успешному руководителю гуманитарной науки в Татарской АССР Яхье Габдулловичу Абдуллину (9 января 1920 – 4 января 2006), ушедшему из жизни 20 лет назад. Он известен прежде всего своим вкладом в изучение татарской общественной и философской мысли. В середине 1970-х гг. Я.Г. Абдуллин основал в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР сектор истории общественной мысли и руководил им на протяжении 10 лет. В рамках деятельности сектора в непростых идеологических условиях осуществлялась важная работа по возвращению в интеллектуальное пространство творческого наследия татарских богословов. В 1982–1986 гг. Я.Г. Абдуллин возглавлял Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, который находился на переднем фланге борьбы в отстаивании этнической идентичности татарского населения Башкирской АССР. Статья знакомит с двумя документами из фондов Государственного архива Республики Татарстан, освещающими позицию Яхьи Габдулловича в татаро-башкирском дискурсе, который отчетливо стал проявляться с начала 1960-х гг. Это черновик его статьи, с названием которой автор, очевидно, определился не сразу, поскольку в рукописи имеются два названия: «О некоторых тенденциях в освещении башкирскими исследователями проблем наследия культуры» и «О некоторых странных с точки зрения научности тенденциях и отклонениях от историзма в современном башкирском литературоведении». Второй документ представляет собой текст выступления Я.Г. Абдуллина на рабочем совещании в Институте мировой литературы

им. А.М. Горького с участием литературоведов Татарии и Башкирии. В данных документах Я.Г. Абдуллин предстает как борец за духовные ценности своего народа, человек долга, истинный ученый, для которого главными методами, орудием, аргументами в отстаивании своей концептуальной позиции является умение оперировать научно обоснованными историческими фактами и руководствоваться только ими.

Ключевые слова: Яхъя Габдуллович Абдуллин; Институт языка, литературы и истории КФАН СССР; национальная интеллигенция; татаро-башкирский дискурс; татарское литературоведение; башкирские литературоведы; Татарская АССР; Башкирская АССР

Для цитирования: Галлямова А.Г., Габдрафикова Л.Р. «Не надо путать вопрос о башкирской литературе и литературе в Башкирии». Памяти Я.Г. Абдуллина. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 1. С. 143–158. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.143-158>

“Do Not Confuse the Question of Bashkir Literature
and Literature in Bashkiria”. In Memory of Ya.G. Abdullin

A.G. Gallyamova*, L.R. Gabdrāfikova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

** alfiya1955@gmail.com*

Abstract. The article is dedicated to a prominent thinker of the Tatar people, an encyclopedic scientist, and a successful leader of humanitarian science in the Tatar ASSR, Yakhya Gabdullovich Abdullin (January 9, 1920 – January 4, 2006), who passed away 20 years ago. He is known primarily for his contribution to the study of Tatar social and philosophical thought. In the mid-1970s, Ya.G. Abdullin founded the Sector of the History of Social Thought at the G. Ibragimov Institute of Language, Literature, and History of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences and headed it for 10 years. Within the framework of the sector's activities, under difficult ideological conditions, important work was carried out to return the creative heritage of Tatar theologians to the intellectual space. In 1982–1986, Ya.G. Abdullin headed the G. Ibragimov Institute of Language, Literature, and History of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, which was at the forefront of the struggle to defend the ethnic identity of the Tatar population of the Bashkir ASSR.

The article introduces two documents from the funds of the State Archive of the Republic of Tatarstan, which shed light on the position of Ya.G. Abdullin in the Tatar-Bashkir discourse that clearly began to manifest itself from the early 1960s. These are a draft of his article, the title of which the author apparently did not decide on immediately, as the manuscript contains two titles: “On Some Trends in the Coverage of Cultural Heritage Problems by Bashkir Researchers” and “On Some Strange Trends From the Point of

View of Scholarship and Deviations From Historicism in Modern Bashkir Literary Criticism”.

The second document is the text of a speech by Ya.G. Abdullin at a workshop at the A.M. Gorky Institute of World Literature with the participation of literary critics from Tataria and Bashkiria. In these documents, Ya.G. Abdullin appears as a fighter for the spiritual values of his people, a man of duty, and a true scientist, for whom the main methods, tools, and arguments in defending his conceptual position are the ability to operate with scientifically grounded historical facts and to be guided only by them.

Keywords: Yakhya Gabdullovich Abdullin; G. Ibragimov Institute of Language, Literature and History of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences; national intelligentsia; Tatar-Bashkir discourse; Tatar literary criticism; Bashkir literary critics; Tatar ASSR; Bashkir ASSR

For citation: Gallyamova A.G., Gabdrafikova L.R. “Do Not Confuse the Question of Bashkir Literature and Literature in Bashkiria”. In Memory of Ya.G. Abdullin. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 1, pp. 143–158. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.143-158> (In Russian)

20 лет тому назад из жизни ушел видный мыслитель татарского народа, ученый-энциклопедист, успешный руководитель гуманитарной науки Татарстана Я.Г. Абдуллин (9 января 1920 – 4 января 2006). Яхъя Габдуллович известен прежде всего своим вкладом в изучение татарской общественной и философской мысли. В середине 1970-х гг. он по этому направлению основал в Институте языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова Казанского филиала АН СССР сектор истории общественной мысли, в котором в непростых для подобной деятельности идеологических условиях осуществлялась важная работа по возвращению в интеллектуальное пространство творческого наследия татарских богословов.

Я.Г. Абдуллин и его школа оставили яркий след в исследовании джадидизма, положив начало всестороннему анализу этого сложного модернистского явления в этнополитической и этнокультурной истории татарского народа. Яхъя Габдуллович написал десятки трудов, в которых он последовательно и обстоятельно раскрыл причины, нарратив, эволюцию эстетических и историософских воззрений, сложившихся у таких крупных представителей татарского народа, как Г.Курсави, Ш.Марджани, К.Насыри, Х.Фаизханов и др.

Но, кроме этой наиболее известной стороны научных изысканий Я.Г. Абдуллина, есть еще один актуальный круг проблем, связанных с татаро-башкирским дискурсом в гуманитаристике.

Полемика между башкирскими и татарскими учеными берет свое начало с 1940-х гг.: когда башкирские литературоведы начали «отвоевывать» позиции у татарской культуры. Первым крупным шагом в этом направлении было «превращение» татарского писателя М.Гафури в башкир-

ского классика. В 1920–1930 гг. Мажит Гафури сыграл большую роль в становлении башкирской литературы. Вначале его деятельность, так же как деятельность таких именитых татарских писателей, как С.Кудаш, Г.Гумер, Г.Насыри, адекватно воспринималась в Башкортостане – получила высокую оценку как большой вклад татарских писателей в развитие литературы Башкортостана. Но постепенно, выставив на передний план деятельность М.Гафури в развитии башкирской литературы, башкирские литературоведы перестали замечать, что он принадлежал к плеяде татарских писателей, игнорируя тот факт, что Гафури ни строчки не написал на башкирском языке (Балтач, 1994, с. 161).

В последующие годы башкирские литературоведы усилили наступление на татарскую культуру. Антологию этого присвоения обстоятельно проанализировал Я.Г. Абдуллин в статье «Чишелмэгэн төеннәр» («Неразвязанные узлы»), которая была опубликована в 1991 г. в журнале «Казан утлары» (Абдуллин, 1991, б. 163–171).

Однако, как показывает знакомство с личным фондом Я.Г. Абдуллина, находящемся в Государственном архиве Республики Татарстан, позиции башкирских исследователей стали занимать Яхъя Габдулловича уже в 1980-е гг. Ниже опубликованы два документа из этого архива, показывающие неприятие взглядов башкирских коллег. Один из документов представляет часть черновика 105-страничной статьи, которая имеет два названия: «О некоторых тенденциях в освещении башкирскими исследователями проблем наследия культуры» и «О некоторых странных с точки зрения научности тенденциях и отклонениях от историзма в современном башкирском литературоведении». Это машинописный текст с рукописной правкой на русском и татарском языках.

Данные документы показывают, что, Я.Г. Абдуллин, будучи директором Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова Казанского филиала АН СССР в 1982–1986 гг., находился на переднем фланге так называемой борьбы идентичностей, не перекладывая на плечи своих подчиненных участие в дебатах, возникших в профессиональной среде филологов Башкирской и Татарской автономных республик.

В приводимых документах выявляются и аргументированно отмечается позиция за позицией башкирских коллег по удревлению башкирской литературы, превращению ее в литературу, имеющую многовековую письменную историю. Яхъя Габдуллович прослеживает эволюцию башкирского литературоведения на протяжении советского периода. Еще до Великой Отечественной войны никто не оспаривал широко распространенное и утвердившееся в научной среде мнение о том, что башкирская литература была младописьменной. Подобное положение сохранялось еще и в 1960-е гг. Так, в книге «История башкирской советской литературы», изданной в 1963 г. (ч. 1), отмечалось, что «до Великой Октябрьской социалистической революции башкирская литература не стала еще самостоятельной национальной литературой... Только после Октября перед

башкирской литературой открылся широкий путь самостоятельного развития. Начался качественно новый период истории этой еще не сформировавшейся до революции литературы» (История, 1963, с. 8–10).

Указывая на это и осуждая переориентацию башкирских ученых, Яхъя Габдуллович не стал уподобляться им, пытаясь, например, разорвать по национальным кускам наследие М.Акмуллы и Ш.Бабич. Он считал, что на него одинаково могут претендовать три народа: татарский, башкирский и казахский.

Ценными являются и суждения Я.Г. Абдуллина по проблеме языкознания, фольклора. Он разоблачил непомерные притязания башкирских фольклористов, тенденциозность в их трактовке многих преданий старины, народного творчества, в результате чего в их трудах башкирскими стали татарские байты, шежере.

Приведенные документы показывают, что Яхъя Габдуллович хорошо понимал политические причины усиливавшихся к концу 1980-х гг. процессов башкиризации. Сделав небольшой экскурс в историю расселенческого процесса, он останавливается на численности татар, оказавшихся в период становления советской государственности по разные стороны административной границы, разделявшей Татарскую и Башкирскую автономные республики.

Содержание документов раскрывает личность Я.Г. Абдуллина как борца за духовные ценности татарского народа и родную культуру, как человека долга, истинного ученого, для которого главными аргументами в отстаивании своей концептуальной позиции является умение оперировать научно обоснованными историческими фактами и руководствоваться только ими.

В силу большого объема мы не приводим этот документ полностью. Мы опустили материал, связанный с принятым в советских публикациях предварением собственно научного контента коммунистическими идеологемами о торжестве ленинской национальной политики. В статью также не включены фрагменты о прогрессивной роли татарской культуры на зарождение реалистических литератур тюркских народов, а также суждения и цитаты из трудов башкирских ученых о превращении сословия «башкиры» в этноним «башкир». Пропущены и подробности о «присвоении» башкирскими фольклористами легенд и мифов, собранных на исторической территории проживания татар, а также тенденциозные трактовки башкирских языковедов и диалектологов. Выбор материала из обширной черновой статьи Яхьи Габдулловича predetermined целью сфокусироваться на литературоведческих инсинуациях башкирских коллег, объединив оба документа одной тематикой, суть которой вполне видна из названия данной статьи.

При публикации документов пунктуация и орфография автора были сохранены. Явные ошибки исправлены без оговорок.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1. «О некоторых тенденциях в освещении башкирскими исследователями проблем наследия культуры» или «О некоторых странных с точки зрения научности тенденциях и отклонениях от историзма в современном башкирском литературоведении»

Не ранее 1982 г.

[...] Большой вклад в культурное и социальное пробуждение народов российского Востока внесли деятели культуры, литературы и искусства татарского народа. Благодаря ранним связям с русской культурой и через нее с европейской, татары раньше других народов Востока начали приобщаться к достижениям науки и новой литературы. [...] Татарская культура, в свою очередь, была понятна и доступна башкирам, казахам, киргизам, уйгурам, узбекам, туркменам, азербайджанцам, кумыкам, каракалпакам. Поэтому она нашла широкое распространение у этих народов и служила им духовной пищей.

Однако не везде и не все так представляют этот объективный исторический процесс. Так, научными сотрудниками Института истории, литературы и языка Башкирского филиала АН СССР в отношении татарского культурного наследия, татарского языка и его диалектов разрабатываются и выдвигаются различные антинаучные концепции и теории, и в угоду им искажаются факты, археографические, текстологические, фольклорные, диалектологические материалы, и тем самым фальсифицируется история языка и литературы. В настоящее время башкирские литературоведы работают над созданием «Истории башкирской литературы» в пяти томах. В 1979 году выпущен план-проспект этого большого труда. Выпущены отдельные сборники («Вопросы истории литературы народов Приуралья и Поволжья» (Уфа, 1978), «Из истории башкирской литературы» (Уфа, 1975, на башкирском языке). В них разрабатывается и рекомендуется новая концепция формирования и развития башкирской литературы, которая, якобы, основана на применении новейших – системного и комплексного – методов исследования.

В чем же заключается суть этой новой концепции истории развития башкирской литературы? Прежде всего, в стремлении превратить ее из молодой и младописьменной (как считалось в науке до 60-х годов) в литературу, имеющую многовековую письменную историю. [...]

Как же случилось, что «младописьменная» башкирская литература (см. Краткая литературная энциклопедия, т. I, сс. 479–483) в течение последних двух десятилетий волшебной силой превратилась в многовековую?

История этого чуда начинается с середины 60-х годов – с книги А. Харисова¹ «Литературное наследие башкирского народа» (Уфа, 1965). [...] Башкирский ученый все письменные памятники прошлого, обнаруженные на территории современной Башкирии и прилегающих к ней областей, объявил башкирскими, хотя они написаны татарами на татарском языке. А. Харисов упустил из виду тот очевидный факт, что Башкирия давно стала родным краем не только для башкир, но и для других народов, в том числе и для татар.

¹ Харисов Ахнаф Ибрагимович (1914–1977) – доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей СССР.

Исторически сложилось так, что из 6317 тыс. татар лишь немногим более четверти (1672 тыс. или 26%) живет в пределах ТАССР. Остальная часть татарского населения расселена за пределами автономной республики, в том числе в Башкирии и прилегающих к ней областях. Вот некоторые сравнительные данные о количестве татар и башкир в этом регионе (по материалам переписи населения 1979 г.):

Административные районы	Численность татар	Численность башкир
Башкирская АССР	940446	935880
Свердловская область	179347	30051
Пермская область	157726	48752
Челябинская область	219744	133682
Оренбургская область	151384	43263
Курганская область	23507	17664
Всего по региону	1672154	1209298

Из этой таблицы видно, что по самым последним данным татарское население в Башкирской АССР продолжает превышать башкирскую. Причем татарский пласт на территории современной Башкирии сложился в XVI–XIX вв. в результате переселения из Казанской, Пензенской, Симбирской губерний. Это переселение шло как по государственной (особенно в связи с постройкой защитных линий), так и в порядке вольной колонизации (в попытках спастись от непосильных повинностей, установленных царскими властями для татар, от религиозных и национальных преследований, поисков свободных земель и развития торговли). В результате на территории современной Башкирии и сопредельных с ней областей возникло большое количество татарских населенных пунктов. Так согласно справочнику «Башкирская АССР. Административно-территориальное деление» (Издание пятое. Уфа, 1969, с.432), на 1 января 1969 г. в 48 из 53-х районов Башкирской АССР насчитывается более 1000 татарских селений.

Данные архивных, исторических материалов, сохранявшиеся среди местного населения легенды о заселении пределов современной Башкирии, подтвержденные языковыми фактами, показывают также, что татары (как, впрочем, нередко и представители некоторых других народов) в XVII–XVIII вв. с целью приобретения более крупных наделов земли записывались в «башкиры», т.е. в более привилегированное башкирское сословие. В результате этноним «башкир» приобрел второе значение – он стал обозначать не столько представителя определенного этноса, но и сословия, стал социальным термином. Отчасти этим объясняется наличие на современной территории Башкирии татароязычных «башкир» наряду с собственно татарами, являющимися носителями казанско-татарских и мишарских говоров. Достаточно сказать, по переписи населения 1959 года своим родным языком признали татарский 305348 башкир.

Татарское население в новых для него краях продолжало развивать свои культурные традиции, сохраняло свой литературный язык. «Следует учесть еще тот неопровержимый исторический факт, – пишет башкирский ученый Дж.Г.Киекбаев², –

² Киекбаев Джагилль Гиниятович (1911–1968) – доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей СССР.

что переселившееся на башкирские земли татарское население в культурном отношении стояло на более высокой ступени развития...» (Некоторые вопросы изучения башкирских и татарских диалектов. – Сб. Памяти В.А. Богородицкого. Казань, 1961, с.370). Как неоднократно подчеркивалось в трудах Киекбаева, Юлдашева³ и других башкирских ученых, татары несли в Башкирии оседлый образ жизни, приемы и орудия земледелия, и свою письменную культуру. Там они открывали школы для своих и башкирских детей. Это расширяло границы распространения татарской культуры на Восток, Юго-Восток и Северо-Восток.

Переселенцы-татары рука об руку с башкирами создавали свои новые эстетические и иные духовные ценности. В этих условиях шло смешение и взаимообогащение двух близких родственных народов – татар и башкир. Нельзя отрицать воздействие башкирской культуры на культуру и литературу татарского населения Башкирии. Особенно это проявилось в области устного народного творчества, народной музыки. Одновременно сильное воздействие на развитие башкирской культуры оказала татарская культура. В школах-медресе татары и башкиры стали обучаться вместе, по единой программе, на татарском языке. Татарские литературные традиции, книги, литературные произведения постепенно стали проникать и в башкирские семьи.

Так складывалась и развивалась в приуральском регионе татарская литература, сформировавшаяся на традициях старо-татарской литературы. Вот ее-то башкирские литературоведы в 60–70-х годах начали называть башкирской, исходя лишь из формального признака – административно-территориальной принадлежности того или иного писателя.

Подавляющая часть тех письменных памятников, которые обнаружены башкирскими учеными на территории Башкирии и близлежащих к ней областей, принадлежали представителям татарского народа. Чтобы лишить их авторства, А. Харисов прибегнул к своеобразной надуманной им теории: якобы, «татарский литературный язык начал применяться лишь во второй половине XIX века» (с. 49), а до того татарские писатели пользовались лишь «тюрки» – искусственным книжным языком, мало согласующимся с живой разговорной речью» (с. 50). Этот прием обезличивает и денационализировывает произведения татарской литературы прошлого, выводит их за пределы исторической и творческой деятельности татарского народа, превращает в «ничейное имущество», чтобы затем обращаться с ним по своему произволу.

Именно так обращается А. Харисов со многими произведениями татарской литературы, рукописи которых обнаружены на территории Башкирии, объявляя их уже башкирскими. Таким способом делается нечестный трюк, путем которого он так просто превращает татарских писателей XIX века Абульманиха Каргали, Хибатулли Салихова, Шамсутдина Суфи-Заки и др. в башкирские.

Однако концепция А.Харисова и др. башкирских филологов о существовании литературного языка «приуральско-поволжского тюрки» и литературы на этом языке без указания ее этнического носителя является антиисторической. Эта концепция рассчитана на игнорирование старо-татарского литературного языка и имеющейся литературы на нем. Однако историческая правда заключается в том, что еще в XV–XVI вв. в Среднем Поволжье в отличие от староузбекского, старо-

³ Юлдашев Ахнеф Ахметович (1920–1988) – доктор филологических наук, профессор.

азербайджанского, старо-туркменского начинает складываться свой региональный литературный язык. С присоединением к русскому государству окончательно завершается его формирование. На этом языке создаются литературные произведения, осуществляется деловая переписка (как указывал академик В.Бартольд, в отдельные периоды истории татарский язык исполнял и функции дипломатического языка) и этот язык как в официальных, так и научных кругах России назывался татарским языком. Именно как казанско-татарский считали этот язык академик А.Казымбек. Академики В.Бартольд, В.В. Радлов [...].

Способ «обогащения» башкирской литературы, превращения ее в литературу, имеющую многовековую историю, начатый А.Харисовым был подхвачен в 60-х годах другими башкирскими литературоведами. Особенно на этом поприще усиленно работает в последние десятилетия проф. Г.Б. Хусаинов – зав. сектором литературы ИИЯЛ БФ АН СССР. Причем «теория» А.Харисова ныне применительно к началу XX века дополняется установкой, что в этот период башкирские литературные произведения писались на татарском литературном языке. Узвимость этой концепции в том, что она сводит на нет всякие литературно-эстетические особенности литератур, открывает безграничные возможности для субъективного решения о причислении творчества любого писателя, жившего в Башкирии или в бывшей Уфимской губернии и писавшего на татарском языке, к башкирской литературе. Ныне так и делается: все писатели, композиторы, музыканты, которые жили и Уфимской или Оренбургской губерниях, объявляются башкирскими.

[...] В последние годы Г.Б. Хусаинов выдвинул теорию «единой системы тюркоязычной литературы региона Урало-Поволжья XI–XVIII веков», где татарские и башкирские литературы характеризуются «однотипностью развития, общностью литературного языка, тесной близостью этнических, географических факторов» (Вопросы истории литератур народов Приуралья и Поволжья. Уфа, 1978, с.3–6). Опираясь на эту концепцию, башкирские литературоведы всю татарскую литературу XV–XVIII веков склонны считать, общим достоянием башкирского и татарского народов. Татарских поэтов Мавля Кулый (XVII в.), Утыз-Имяни (XVIII в.) они считают поэтами и башкирского народа (исходя из того, что эти поэты жили в восточных районах Татарию).

[...] Если отдельных представителей средневековой татарской литературы превращают в башкирские на основе теории «единой системы тюркоязычной литературы региона Урало-Поволжья», то писатели более позднего времени (XIX век, нач. XX в.) подвергаются перелицовке по принципу территориальной принадлежности или по записям в паспорте. Например, в журнале «Агыйдел» (1983, № 3) опубликованы статьи, в которых утверждаются, что, якобы, найдены новые документы, подтверждающие принадлежность Р.Фахрутдинова к башкирам. В действительности он является выходцем из татарской деревни Кичучат Альметьевского района ТАССР. Как известно из его родословной, напечатанной в свое время во II книге «Асар» самого Р.Фахрутдинова (стр. 83), его деды являлись выходцами из деревни Шырдан Свияжского уезда Казанской губернии (той самой деревни, где родился выдающийся татарский просветитель-демократ К.Насыри). А «башкирином» по паспорту возможно он стал по соображениям социально-политического характера в связи со своей общественной деятельностью. Однако из-за этого он не перестал быть татарским ученым и писателем: писал свои произведения на татарском языке, редактировал татарский журнал «Шура» и в своих

публичных выступлениях говорил от имени татарского народа, хотя этноним «татары» не признавал как навязанный извне.

В последние годы делается попытка превратить в классика башкирской советской литературы известного татарского драматурга Мирхайдара Файзи. Башкирский писатель Н.Идельбай в статье, напечатанной в журнале «Агыйдел» (1981, № 11), эту версию аргументирует тем, что мать драматурга Зайнаб ханум была башкиркой, что он долгое время жил в Башкирии, что язык произведений М.Файзи «очень близок к языку башкир Урала». Отсюда делается вывод, что М.Файзи является драматургом-классиком не только татарского, но и башкирского народов (123 стр.). Не говоря уже о том, что М.Файзи, сын чистопольского тарина (племянник которого – известный татарский композитор Дж.Файзи), творил на чисто татарском поэтическом языке [...].

Хотя башкирские литературоведы признают татарский язык функциональным языком башкирской литературы дооктябрьского периода, при издании литературного наследия прошлого они не придерживаются принципа историзма: переводят их на современный башкирский язык с сохранением некоторых арабских слов и элементов старого стиля (так модернизированы, например, стихи М.Акмуллы), на башкирский лад переименовывают имена писателей (например, Чокрый – на Сокрый, Ялчыгул – на Ялсыгол), при переводе их произведений на русский язык указывают: «перевод с башкирского» (например, произведения М.Акмуллы, М.Гафури, Ш.Бабича, оригинал который написан на татарском языке) [...].

ГА РТ. Ф. Р-5660. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–44.

№ 2. Выступление директора Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР профессора Я.Г. Абдуллина на рабочем совещании в Институте мировой литературы им. А.М. Горького с участием литературоведов Татарии и Башкирии

Не ранее 1983 г.

В выступлениях на совещаниях⁴ уже подчеркивалось, что татары и башкиры – соседи по очагу. Но не только. Они и близкородственные народы. Эти два народа испокон веков живут в постоянном общении, обмениваясь материальными и духовными ценностями. Очень много общего у татар и башкир в их духовной культуре. Эта общность в некоторых параметрах доходит до степени единства. Такая близость прослеживается и в языке. Для тарина и башкира, когда они разговаривают друг с другом, не требуется переводчик; они легко понимают друг друга. Близка у татар и башкир музыкальная культура. Близки во многом бытовая культура и обряды. Их близость отражается и в литературе, и в других областях художественного творчества. Мне довелось смотреть спектакли по пьесе башкир-

⁴ В 1980-е гг. Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР (ИМЛИ) организовывал регулярные встречи, посвященные развитию национальных литератур с целью укрепления идеологических позиций и научно-методических связей. В одной из таких встреч, наряду с литературоведами Гали Хали-том, Н.Г. Юзеевым и другими, участвовал и Яхъя Габдуллович.

ского драматурга Абдуллина «Тринадцатый председатель»⁵ на ленинградской и казанской сценах. И мне представляется, что на Казанской сцене, в игре татарских артистов замысел автора получил более адекватное отражение. Это, по-моему, объясняется близостью миропонимания татар и башкир. И совершенно неслучайно, когда наш академический театр⁶ бывает на гастролях в Уфе, говорят, что билеты трудно бывает достать. То же наблюдается и в Казани, когда приезжают башкирские артисты.

Близость татарского и башкирского народов, их взаимопонимание имеют свои глубокие корни. В этих условиях не удивительно глубокое проникновение в духовный мир башкирского народа произведений татарской литературы. Этот факт бесспорный. Но спор возникает тогда, когда товарищи начинают передвигать акценты, представлять отдельные элементы литературного наследия (да и не только литературного) в качестве собственно башкирских. Причем, в последнее время такие тенденции слишком разрослись.

Я повторяю, между татарским и башкирским народами, как народами, нет никаких проблем. Они, как я уже сказал, очень хорошо понимают друг друга. Сыр-бор вокруг проблем наследия разжигается небольшой группой интеллигенции. Надо скорее потушить эти искорки раздоров. Иначе они могут привести к нежелательным последствиям. Тут Наджиба Хаерзамановна⁷, бросая упрек в адрес профессора М.А. Усманова⁸, воскликнула: «как вы воспитываете свои студентов?». Насколько мне известно, профессор М.А. Усманов вполне нормально воспитывает своих студентов. Между тем, мне приходилось все же наблюдать ненормальные последствия одностороннего воспитания молодежи, ущемления при этой интернациональной природе нашей идеологии. Это было в Уфе, на научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения М. Акмуллы⁹, во время выступления профессора М.А. Усманова. Профессор говорил, что М. Акмулла является певцом трех народов, что он в равной степени принадлежит и татарам, и башкирам, и казахам. В зале было много молодежи, и она среагировала на это высказывание М.А. Усманова весьма своеобразно: топанием ног, шумом, выкриками. Один этот факт достаточно убедительно говорит о том, к чему может привести разжигание страстей вокруг наследия.

Тут мои коллеги в своих выступлениях уже высказали свои соображения в связи с поднятыми здесь проблемами. Наша согласованная позиция о сути обсуж-

⁵ Речь о произведении башкирского драматурга Азата Хамматовича Абдуллина (1931–2023), которое принесло автору мировую известность. Пьеса с успехом шла на сценах более 100 театров страны, в том числе в одном из самых популярных театров – театре им. Е.Вахтангова, а также в Болгарии, Чехословакии, Румынии, США и др.

⁶ Речь идет о Татарском Государственном академическом театре им. Г.Камала.

⁷ Имеется в виду башкирский языковед, доктор филологических наук Максютова Нажиба Хаерзамановна (1932–2004).

⁸ Имеется в виду известный историк, один из основоположников татарской археологии, доктор исторических наук, академик Усманов Миркасым Абдулахатович (1934–2010).

⁹ Мифтахетдин Акмулла (Камалетдинов Мифтахетдин Камалетдинович) (1831–1895) – крупнейший просветитель и мыслитель XIX в.

даемой проблемы была изложена в выступлении Нила Гафуровича Юзеева¹⁰. Мы ее отстаиваем. В выступлениях моих товарищей было представлено также наше мнение об отдельных разделах «Истории литературы народов СССР», посвященных татарской и башкирской литературам. Поэтому я не буду вести речь по конкретным вопросам. В качестве ответа башкирским коллегам хочу лишь сказать: не надо путать вопрос о башкирской литературе и литературе в Башкирии. Башкирия является районом компактного расселения и татарского населения. Оно живет на этой территории в течение ряда веков, создавая свои материальные и духовные ценности. Очень давно там возникли очаги татарской культуры, работали татарские медресе и мектебы. В них воспитывались татарские юноши и выходцы из них вносили свой вклад в развитие татарской духовной культуры, в т. ч. литературы. Башкирские товарищи говорят об этих очагах культуры, о созданных там ценностях, не упоминая их прямого носителя, а потом постепенно, исподволь начинают переносить акценты и в конечном счете ставят печать – «башкирская».

Несколько слов хочу сказать в связи с некоторыми выступлениями на совещании. Прежде всего, о выступлении Гайсы Батыргареевича Хусаинова¹¹. В целом это выступление мне понравилось. Выступление спокойное, в какой-то степени позитивно нацеленное. Гайса Батыргареевич высказал ряд обоснованных замечаний по разделам, посвященным татарской литературе. Мы обязательно учтем эти замечания. В этом выступлении Гайсы Батыргареевича мы видим хороший поворот в его позиции.

Но тут Роберт Гатович Бикмухамедов¹² вел речь и о его письме. Поскольку вопрос об этом письме всплыл, я тоже выскажу свое мнение. Поворот Гайсы Батыргареевича был бы полным, если бы он отозвал это письмо. Ибо его содержание далеко от позитивности и конструктивности.

Гайса Батыргареевич высказал такое пожелание, что мы в разделах, посвященных татарской литературе, ограничились лишь упоминанием вскользь таких писателей, как И.Салихов, А.Каргали, Ш.Заки, Г.Чокрый, З.Хади и Р.Фахрутдинов, а более полно о них будет вестись речь в разделе, посвященном башкирской литературе. Однако все они – татарские писатели, и согласиться с этим предложением мы не можем. Исторический опыт подсказывает нам не делать этого. Опыт, прежде всего, связанный с именем татарского писателя Мажита Гафури. В 20-е и в начале 30-х гг., при жизни М.Гафури все, в т. ч. в Башкирии, его считали только татарским писателем. Так считал и сам М.Гафури. В 30-е годы начинает формироваться мнение о том, что он помогает становлению башкирской советской литературы. По-видимому, так оно и было. Однако во второй половине 30-х годов, уже после смерти самого М.Гафури, признавая, что он татарский писатель, башкирские товарищи ввели формулу, что «М.Гафури – основоположник башкирской советской литературы». Дальше больше. Начинают представлять уже его татарско-башкирским писателем. Далее акценты меняются более основательно и М.Гафури начинают называть башкирско-татарским писателем. А потом очень

¹⁰ Юзеев Нил Гафурович (1931–1996) – литературовед, доктор филологических наук.

¹¹ Хусаинов Гайса Батыргареевич (1928–2021) – доктор филологических наук, академик АН РБ.

¹² Бикмухамедов Роберт Гатович (1928–1995) – доктор филологических наук, член Союза писателей СССР.

прилагательное «башкирский» начинает употребляться без «татарского», и появляются сочинения М.Гафури на русском языке как перевод с башкирского, хотя он на башкирском языке не написал ни одной строчки.

Все его произведения написаны только на татарском языке. Этот опыт говорит за то, чтобы мы больше на такие уступки не шли. Мы будем отстаивать свое наследие, опираясь при этом на историческую правду, на науку, на научную обоснованные факты исторического прошлого.

Много тут говорилось о языке тюрки. Мои коллеги уже документально, на фактах показали, как башкирские исследователи вместо «татарский язык» и «татарское письмо» подставляют некий язык «тюрки» без своего конкретного носителя.

В XV–XVI веках формируется татарская народность. Эта народность имела свою государственность. В этом государстве на базе определенных социально-экономических отношений складываются надстроечные явления, их составной частью была письменная литература. Литературные произведения пишутся на языке населяющей это государство народности – в современном словоупотреблении – на языке поволжских татар. Традиция этой литературы продолжается после присоединения края к Русскому государству. Все официальные источники российского государства и русские ученые литературные произведения, которые башкирские товарищи пытаются представить как общетюркское, называют татарским письмом, а язык, на котором они написаны, называют татарским. Академик Бартольд и другие ученые говорят даже о дипломатической функции татарского языка в восточной политике Российского государства. Причем тут речь идет именно о казанско-татарском языке. Об этом отчетливо говорят и суждения крупного востоковеда академика Казембека, выдвинувшего в середине 19 в. идею создания единого татарского языка. По его мнению, функционировавший тогда татарский язык базируется исключительно на казанском наречии, и он мечтает о создании отличного от казанско-татарского общего для всех тюрко-татарских народов языка. Следовательно, письменным литературным языком Поволжья и Приуралья был ни какой-то общий тюркский язык, а функционировал татарский язык, точнее, казанско-татарский язык. Этот язык был и языком делового письма, и литературных произведений.

Башкирские товарищи пишут и говорят о функциональной роли этого языка по отношению к башкирской литературе. О несостоятельности такой постановки вопроса мои коллеги уже достаточно обстоятельно говорили. Но тут у меня возникает мысль: не будет ли правильнее вести речь не о функциональной роли татарского языка по отношению к башкирской литературе, а о функциональной роли татарской литературы в духовной жизни башкир. Литература подлинно народная глубоко интернациональна. К какому бы народу она ни принадлежала по своему происхождению, входит в духовную жизнь других народов. Прочно вошли в духовную жизнь татар, башкир и других народов русская культура, произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Горького и др. По-видимому, ни мы, ни башкирские товарищи не можем отрицать тот неоспоримый факт, что и татарская литература прочно вошла в духовную жизнь башкирского народа. Читая представленные разделы работы, мы еще раз убедились, что у башкирского народа имеется очень богатое устно-поэтическое наследие, сыгравшее решающую роль в формировании его эстетических представлений. Не можем ли мы вести речь о роли татарской литературы во втягивании башкир к традициям письменной литературы, в зарождении и формировании башкирской письменной литературы? Тут наш

аксакал, Гали ага Халит¹³, говорил о зарождении башкирской литературы в недрах татарской литературы. Не дает ли эта формула ключ к преодолению наших разногласий?

Салават Юлаев – выдающийся сын башкирского народа. В его деятельности нашли отражение стремление башкирского народа к социальной и национальной свободе. Так же обстоит дело с его произведениями. Но свои стихи он писал еще на татарском языке. Или же Уметбаев¹⁴. Это интеллигентный представитель башкирского народа, думает об этом народе, о его прошлом, настоящем и будущем. Но пишет тоже еще на татарском языке.

Высказав эти соображения, я должен обратиться к башкирским товарищам – ради бога не поймите меня превратно, не приписывайте мне, что я отрицаю наличие у башкирского народа традиции культуры. Нур Талипович¹⁵ тут говорил, будто мы, татарские ученые, отрицаем наличие у башкирского народа до революции какой-либо культуры. Это не правда. Никто из нас никогда не выступал с таким абсурдным утверждением. Мы достаточно отчетливо представляем, что у башкирского народа большое историческое прошлое. О башкирах пишет еще Ибн Фадлан в своих заметках. За эти долгие века башкирский народ создал большие духовные ценности. Замечательным примером тому служат представленный в рукописи к I тому материал о башкирском фольклоре. Я без волнения не могу слушать башкирскую музыку, имеющую глубокие исторические корни. У башкир сейчас замечательное балетное искусство, которое для многих народов остается все еще предметом мечты. О таком расцвете балетного искусства нельзя было бы даже мечтать при отсутствии глубоких народных традиций. По-видимому, никто не утверждает, что башкиры стояли совершенно в стороне от письменной культуры. Но путь у различных народов в этом направлении различен, осложнен зигзагами исторического процесса. Не надо ими пренебрегать, ни обходить, а надо объяснять.

Товарищи! Работа совещания показала, что в изучении культурного наследия и перед нами, и перед башкирскими коллегами стоит ряд сложных проблем. Причем, в ряде случаев они осложнены чисто субъективистскими устремлениями отдельных товарищей, искусственными натяжками. Эти проблемы за один присест не решить. Поэтому, Хамза Фатихович¹⁶, возможно, нам самим следует подумать об организации серий рабочих встреч для обсуждения в товарищеской обстановке отдельных сторон и аспектов рассматриваемого вопроса. Давайте подумаем об этом спокойно, без предвзятостей.

Выступавшие товарищи высказали ряд критических замечаний в отношении разделов, представленных нашими литературоведами. Все эти замечания мы изучим и вместе с редакторами томов внесем необходимые исправления. Большинст-

¹³ Халитов Гали Мухамметгалеевич (1915–1992) – доктор филологических наук, литературовед.

¹⁴ Очевидно, речь идет о филологе, этнографе, переводчике, внесшем весомый вклад в развитие татарского литературного языка и в просвещение татар и башкир, Уметбаеве Мухаметсалиме Ишмухаметовиче (1841–1907).

¹⁵ Зарипов Нур Талипович (1925–1997) – башкирский филолог и фольклорист.

¹⁶ Усманов Хамза Фатихович (1923–2009) – доктор исторических наук, академик АН РБ.

во замечаний касалось разделов I тома. Мы принимаем эти замечания. Случилось так, что подготовка вводной части по татарской литературе к I тому шла вне контроля руководства Института и сектора. Воспользовавшись этим, автор раздела допустил некоторую вольность. Мы исправим эту оплошность. Разрешите, Георгий Иосифович¹⁷, нам забрать этот раздел обратно. Мы заново его напишем и представим в ИМЛИ в ближайшее время.

Товарищи, в 1965 году в издательстве «Наука» вышла книга «История татарской советской литературы». Эта работа явилась результатом творческого сотрудничества ученых нашего Института с учеными ИМЛИ им. А.М. Горького. Книга была принята общественностью очень хорошо. И мы очень благодарны товарищам из ИМЛИ за оказанную нам тогда творческую поддержку.

Такое же понимание и поддержку ИМЛИ мы имели при подготовке 6-томной истории многонациональной советской литературы.

Спасибо товарищи всем вам за понимание наших проблем, помощь и поддержку в нашей работе.

Сейчас перед нами стоит трудная задача, решение которой осложнено обстоятельствами, находящимися за пределами чисто научных проблем. Нет у нас никакого сомнения в том, что совместно с опытным, высококвалифицированным коллективом ИМЛИ им. А.М. Горького мы преодолеем эти трудности. Причем непременно преодолеем на основе научного освещения фактов и событий. И работа будет опубликована в предусмотренный срок.

ГА РТ. Ф. Р-5660. Оп. 1. Д. 19. Л. 70–79.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллин Я. Чишелмәгән төеннәр // Казан утлары. 1991. № 6. Б. 163–171.

Балтач Ф. Татаро-башкирские отношения: прошлое, настоящее, перспективы // Аргатак. 1994. № 5. С. 161.

История башкирской советской литературы. Очерки / под ред.: Л.Г. Барага, Х.Ш. Зиннатуллиной, А.И. Чанышева. 1 ч.: 1917–1941. Уфа: Башкнигоиздат, 1963. 502 с.

¹⁷ Ломидзе Георгий Иосифович (1914–1999) – доктор филологических наук, в 1955–1988 гг. заведующий Сектором литератур народов СССР ИМЛИ.

REFERENCES

Abdullin Ya. Chishulmagen Toenner [Unsolved Knots]. *Kazan Utlary*. 1991, no. 6, pp. 163–171. (In Tatar)

Baltach F. Tatar-Bashkir Relations: Past, Present, Prospects. *Argamak*. 1994, no. 5, p. 161. (In Russian)

History of Bashkir Soviet Literature. Essays. Ed. by L.G. Baraga, Kh.Sh. Zinatullina, A.I. Chanyshiev. Vol. 1: 1917–1941. Ufa: Bashknigoizdat, 1963. 502 p. (In Russian)

Информация об авторах:

Галлямова Альфия Габдульнуровна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-4344-902X>; e-mail: alfiya1955@gmail.com

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

About the authors:

Alfiya G. Gallyamova – Dr. Sci. (history), Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-4344-902X>; e-mail: alfiya1955@gmail.com

Liliya R. Gabdrifikova – Dr. Sci. (history), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 26.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 16.02.2026

Принята к публикации / Accepted 13.03.2026

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

NEW BOOKS, REVIEWS

РЕЦЕНЗИЯ / REVIEW

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.159-166>

Рецензия на книгу:

Дубовиков А.М. Дореволюционная литература о роли уральского казачества в присоединении Средней Азии (Казань, 2025)

К.З. Насыров

Адвокатская палата Республики Башкортостан

Уфа, Российская Федерация

adv.nkz012@mail.ru

Резюме. Настоящая рецензия посвящена анализу новой фундаментальной монографии доктора исторических наук А.М. Дубовикова. Книга под названием «Дореволюционная литература о роли уральского казачества в присоединении Средней Азии» является плодом его многолетних научных поисков по изучению вопросов участия уральского казачества в военных походах в Среднюю Азию в XVII–XIX вв. и интерпретации этих событий в дореволюционной литературе. Автор обстоятельно подходит к их анализу, сопоставляет многочисленные свидетельства современников, документальные факты по военным кампаниям, в которых непосредственное участие принимали уральские (бывшие яицкие) казаки, выстраивая таким образом объективную историческую картину по изучаемой теме. Рассмотренные автором события, связанные с участием уральских (яицких) казаков, следующие: набег яицких казаков на Ургенч во главе с атаманом Нечаем в 1603 г., хивинский поход 1717 г. во главе с князем А. Бековичем-Черкасским, экспедиции в «киргизскую» (казахскую) степь для проведения рекогносцировок и оборудования в ней опорных пунктов с целью дальнейшего продвижения на юг и прокладки маршрутов для будущих экспедиций в Среднюю Азию в 1-й половине XIX в., среднеазиатские военные кампании 2-й половины XIX в., в т.ч. Ахалтекинская экспедиция 1880–1881 гг. Данное исследование об участии уральского казачества в военных походах в Среднюю Азию в XVII–XIX вв. делают А.М. Дубовикова одним из ведущих специалистов по истории российского казачества. Автор подчеркивает многонациональный состав уральского казачества, отмечает, что никогда в истории не было в среде воинских подразделений Уральского казачьего войска конфликтов на межнациональной или межконфессиональной поч-

ве. Книга А.М. Дубовикова может быть интересна как профессиональным историкам, краоведам, этнографам, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей казачества и военной историей России.

Ключевые слова: дореволюционная историография казачества; яицкие казаки; река Яик; Средняя Азия; атаман Нечай; хан Абулгази

Для цитирования: Насыров К.З. Рецензия на книгу: Дубовиков А.М. Дореволюционная литература о роли уральского казачества в присоединении Средней Азии (Казань, 2025). *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 1. С. 159–166. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.159-166>

Book review:

Dubovikov A.M. Pre-Revolutionary Literature about the Role of the Ural Cossacks in the Annexation of Central Asia (Kazan, 2025)

K.Z. Nasyrov

Chamber of Advocates of the Republic of Bashkortostan

Ufa, Russian Federation

adv.nkz012@mail.ru

Abstract. This review is dedicated to the analysis of a new fundamental monograph by Doctor of Historical Sciences A.M. Dubovikov. The book titled “Pre-Revolutionary Literature about the Role of the Ural Cossacks in the Annexation of Central Asia” is the fruit of his long-term scientific research on the participation of the Ural Cossacks in military campaigns to Central Asia in the 17th–19th centuries and the interpretation of these events in pre-revolutionary literature. The author thoroughly approaches their analysis, compares numerous accounts of contemporaries, and documentary facts on military campaigns in which the Ural (formerly Yaik) Cossacks took direct part, thus building an objective historical picture of the subject under study. The events considered by the author related to the participation of the Ural (Yaik) Cossacks are as follows: the raid of the Yaik Cossacks on Urgench led by Ataman Nechai in 1603, the Khiva campaign of 1717 led by Prince A. Bekovich-Cherkasskiy, expeditions to the “Kirghiz” (Kazakh) steppe for reconnaissance and equipping strongpoints there for further advancement south and laying routes for future expeditions to Central Asia in the 1st half of the 19th century, Central Asian military campaigns of the 2nd half of the 19th century, including the Akhal-Teke expedition of 1880–1881. This research on the participation of the Ural Cossacks in military campaigns to Central Asia in the 17th–19th centuries makes A.M. Dubovikov one of the leading specialists in the history of the Russian Cossacks. The author emphasizes the multinational composition of the Ural Cossacks, noting that never in history have there been conflicts on interethnic or interconfessional grounds within the military units of the Ural Cossack Host. The book by A.M. Dubovikov may be of interest to both professional historians, local historians, and ethnographers, as well as a wide range of readers interested in the history of the Cossacks and the military history of Russia.

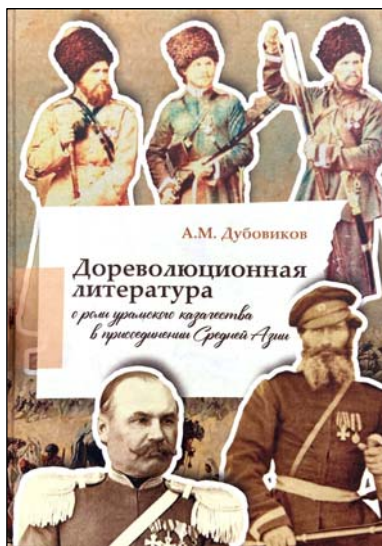
Keywords: Pre-Revolutionary Historiography of the Cossacks; Yaik Cossacks; Yaik River; Central Asia; Ataman Nechai; Khan Abulgazi

For citation: Nasyrov K.Z. Book review: Dubovikov A.M. Pre-Revolutionary Literature about the Role of the Ural Cossacks in the Annexation of Central Asia (Kazan, 2025). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 1, pp. 159–166. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.159-166> (In Russian)

Издание монографии тольяттинского историка А.М. Дубовикова – доктора исторических наук, профессора Поволжского государственного университета сервиса, известного специалиста по истории российского казачества – вызвало неподдельный интерес в широких кругах как научной общественности, так и всех интересующихся военной историей, и, прежде всего, историей российского казачества как неотъемлемой части военной истории Российской империи. Есть все основания считать монографию А.М. Дубовикова фундаментальным исследованием.

Монография А.М. Дубовикова включает в себя введение, четыре главы и заключение. В приложениях представлены подробные биографии 67 личностей, главным образом российских генералов и других офицеров, предметный указатель, список публикаций автора по данной теме, насчитывающий более двух десятков статей, а также иллюстративный материал.

Согласно названию глав монографии, автор, используя проблемно-хронологический метод и метод исторической ретроспекции, последовательно рассматривает этапы участия уральских казаков (называвшихся до 1775 г. яицкими казаками) в военных действиях на территории Средней Азии в период с начала XVII в. до конца XIX в., а также отражение данных событий в российской дореволюционной литературе, прежде всего, в литературе военно-исторической направленности. Исключение – книга хивинского хана Абул-гази-бахадур, одним из фрагментов которой является описание набега яицких казаков во главе с атаманом Нечаем на тогдашнюю столицу ханства – город Ургенч в 1603 г. (Дубовиков, 2025, с. 9). Данное событие стало первым в среднеазиатской эпопее яицких / ураль-

ских казаков. Последним событием той эпопеи стало их участие в Ахалтекинской кампании 1880–1881 гг. (Дубовиков, 2025, с. 364–399).

Название каждой из глав, с учетом их содержания, представляет собой последовательные звенья единой логической цепочки событий (Дубовиков, 2025, с. 3).

Далее следует провести краткий обзор каждой из четырех глав.

В первой главе «Набег яицких казаков на Ургенч во главе с атаманом Нечаем в 1603 году» (Дубовиков, 2025, с. 7–56) автор, используя компаративный метод, сравнивает различные версии книги хана Абулгази, поскольку сам первоисточник, написанный на тюркском языке с использованием арабской графики, не сохранился, и мы можем иметь дело лишь с его различными версиями, изданными на французском и русском языках, в которых к тому же имеются существенные расхождения (Дубовиков, 2025, с. 11). Соответственно, более поздние авторы, используя ту или иную версию, переносят эти расхождения в свои работы (Дубовиков, 2025, с. 17).

А.М. Дубовиков, с помощью той же научной методологии, проводит сравнение описания событий 1603 г. разными авторами, работы которых относятся к XVIII – началу XX в. Среди них – П.И. Рычков, К.М. Бэр, Н.И. Веселовский, Е.Д. Желябужский, М.И. Иванин, В.А. Потто, П.П. Калитин, А.И. Макшеев, М.А. Терентьев и др. (Дубовиков, 2025, с. 55–57). А.М. Дубовиков указывает на достоинства и недостатки той или иной работы, отмечает те из них, которые, с его точки зрения, являются более достоверными, и в заключение главы приводит собственное видение набега Нечая на Ургенч (Дубовиков, 2025, с. 54–55).

Во второй главе «Участие яицких казаков в хивинском походе 1717 года во главе с князем Александром Бековичем-Черкасским» (Дубовиков, 2025, с. 58) автор исследовал историческую литературу, посвященную тому злополучному событию, в котором яицкие казаки играли не последнюю роль. Общая численность отряда, сформированного для хивинской экспедиции, составила порядка шести с половиной тысяч человек – конницы и пехоты примерно поровну. Практически вся пехота была оставлена в трех, ею же основанных, укреплениях на восточном берегу Каспия. Конница, выступившая на Хиву, была преимущественно представлена казаками численностью в две тысячи сабель. А среди казаков основную массу составили казаки Яицкого войска – полторы тысячи (остальные пятьсот – гребенские) (Дубовиков, 2025, с. 65–70). Как известно, не сумев одержать победу в бою, хан пошел на хитрость и, благодаря коварству, смог вероломно истребить отряд Бековича вместе с его командиром (Дубовиков, 2025, с. 78–79). В данной главе А.М. Дубовиков использовал как работы ряда авторов из числа тех, кто был упомянут в первой главе (М.И. Иванин, Е.Д. Желябужский, М.А. Терентьев), так и работы новых авторов – Ф.И. Германа, Г.П. Гельмерсена, Л.Ф. Костенко и др.) (Дубови-

ков, 2025, с. 105–106). Это, в частности – более 80 страниц записок о России 1714–1719 гг. Ф.-Х. Вебера (Дубовиков, 2025, с. 71) – ганноверского резидента при дворе Петра I, размещенных в «Русском Архиве» (там он назван «брауншвейгским резидентом»). Впрочем, это замечание излишне, поскольку сама концепция книги заключается в обзоре и толковании значительного объема дореволюционной литературы о роли уральского казачества во внешнеполитических устремлениях Российской империи. Но еще более ценным историческим источником (хотя и вторичным) являются приложения к обширному труду уральского казака-офицера и краеведа А.Б. Карпова, который, выйдя в отставку, посвятил все свое свободное время архивной работе, стремясь написать «с нуля» историю Уральского казачьего войска. К сожалению, войсковой архив был безвозвратно утерян во время гражданской войны. Особенно ценными документами, представленными Карповым, стали материалы допросов яицких казаков – участников похода Бековича, сумевших чудом выжить и вернуться на родину (Дубовиков, 2025, с. 84–93).

В третьей главе «Участие уральских (бывших яицких) казаков в подготовке к продвижению в Среднюю Азию в 1-й половине XIX века» (Дубовиков, 2025, с. 107) автор исследовал историческую литературу, посвященную рекогносцировкам казачьего войска в Казахской степи с целью возведения там укреплений для дальнейшего продвижения на юг, а также для «усмирения» в ней разного рода никому не подконтрольных «шак» (в основном – казахов-адаевцев). Значительное место отведено работам, посвященным очередному неудачному «хивинскому (зимнему) походу», который возглавил оренбургский военный губернатор, генерал-адъютант В.А. Перовский. В рамках данной главы подробно освещены сюжеты, связанные с участием в этом походе уральских (бывших яицких) казаков, которые составили значительную часть отряда, включающих два полка и Гурьевскую морскую команду, всего более 1200 казаков из примерно шеститысячного отряда (Дубовиков, 2025, с. 144). Среди тех, чьи работы подверглись анализу А.М. Дубовикова, были как непосредственные участники того злополучного похода, чьи работы по праву могут считаться ценными историческими источниками (М.И. Иванин, Е.М. Косырев, В.И. Даль), так и те, кто в нем лично не участвовал (И.Н. Захарьин, И.В. Чернов, «летописец» уральских казачьих подразделений, их земляк, уральский казачий офицер Н.Г. Мякушин, а также те же В.А. Потто, М.А. Терентьев и др. (Дубовиков, 2025, с. 202–204).

Практически все эти авторы признали уральских казаков лучшей частью отряда Перовского: у них лучшие кони, они лучше всех экипированы, они всегда веселы, всегда поднимают боевой дух шутками и песнями, они – единственная категория в отряде, рвавшаяся продолжать поход, несмотря на решение Перовского о возвращении. Наконец, потери от болез-

ней и холодов у них были несравнимо меньше, чем у всех прочих участников похода – оренбургских казаков, башкир и, особенно – солдат оренбургских линейных батальонов (Дубовиков, 2025, с. 151–153). Это участники похода подтверждают не только словами, но и цифрами; тот же Иванин, будучи начальником штаба Перовского, ежедневно вел учет разных показателей – температуры воздуха, пройденной территории, числа павших лошадей и верблюдов, а также числа заболевших и умерших людей (Дубовиков, 2025, с. 144–145). И в этом плане, книга Иванина, пожалуй, можно считать самым ценным источником о походе Перовского. Единственным автором, у которого можно найти критические оценки в отношении казаков-уральцев – это И.Н. Захарьин. В отличие от остальных авторов, он был писателем и журналистом. Он не был военным человеком. К тому же на момент того похода он был двухлетним ребенком – автор написал свою книгу спустя более полувека после описанного им похода Перовского. Как и прочие авторы, он признавал все преимущества уральцев, но считал это следствием особого, даже привилегированного к ним отношения со стороны начальства, чего в реальности не было (Дубовиков, 2025, с. 153–159). Впрочем, в последней части своей книги Захарьин все же наделил уральцев многими комплиментами, прямо противоположными написанному ранее, что кажется довольно странным (Дубовиков, 2025, с. 165, 166–167). Как и ранее, всем использованным источникам и всей использованной литературе А.М. Дубовиков дал объективную, научно обоснованную оценку.

В четвертой главе «Участие уральских казаков в военных кампаниях в Средней Азии во 2-й половине XIX века» (Дубовиков, 2025, с. 206) автором использован наиболее обширный круг литературы. Это и понятно: именно в это время развернулись все известные военные кампании, завершившиеся в итоге завоеванием расположенных в Средней Азии государственных образований – Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханства, а также Ахалтекинского оазиса. Наряду с упоминавшимися выше авторами – Г.Ф. Гельмерсеном, Л.Ф. Костенко, А.И. Макшеевым, В.А. Потто, М.А. Терентьевым и другими – появились буквально десятки новых лиц. Практически все они – офицеры (и даже генералы), непосредственные участники тех событий – А.В. Верещагин (брат известного художника), Н.И. Гродеков, Н.П. Игнатьев, Н.Ф. Кольдевин, А.В. Квитка, А.Н. Куропаткин, Н.Н. Сполатбог, Н.Г. Черняев, А.Черняк, Г.Сярковский и др. (Дубовиков, 2025, с. 399–404). Отдельно хочется отметить авторов из числа уральских казачьих офицеров, активно участвовавших во многих среднеазиатских кампаниях, и – прежде всего – А.Л. Гуляева и А.П. Хорошхина. Кроме книг, большое количество трудов всех этих авторов было представлено их статьями, как большими (до сотни и более страниц), так и небольшими, в 10–15 страниц. Например, статья «Азотова» (Попова), на-

печатанная в трех номерах журнала «Разведчик», в общей сложности заняла 10 страниц, тогда как статья «Муравцева» (Муромцева), выходявшая в пяти номерах «Военного сборника», – 127 страниц. Понятно, что одни и те же события у разных авторов описаны по-разному. Расхождения присутствуют даже в указании имен, чисел и других аспектов, что вполне естественно. Поэтому, переработав огромный массив подобных книг и статей, автор монографии попытался, сопоставив их, дать им всем объективную оценку с учетом их особенностей.

Говоря о недостатках монографии, рецензент полагает, что они все же присутствуют. Во-первых, это слишком разные объемы глав: 1-я – 50 страниц, 2-я – 48, 3-я – 97 и 4-я – 195 страниц. Возможно, автору следовало бы разбить 3-ю и 4-ю главы на еще несколько частей. В приложениях приведены биографии лиц, упомянутых в монографии, но при этом не указаны источники, откуда были взяты эти данные.

Несмотря на указанные замечания, монография А.М. Дубовикова – это, безусловно, очень ценный научный труд, к тому же написанный хорошим литературным языком, не засоренным сложной и ненужной специальной терминологией, и фразеологией (академизмом), а потому читаемый с большим интересом и доступный широкому кругу читателей.

В дальнейшем мы полагаем, что было бы полезным организовать проведение научно-практических конференций с приглашением краеведов из Оренбуржья, Татарстана и Башкортостана с развитием темы о многонациональном и многоконфессиональном составе российского казачества.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дубовиков А.М. Дореволюционная литература об участии уральского казачества в присоединении Средней Азии: монография. Казань: «Груммант», 2025. 508 с.

REFERENCES

Dubovikov A.M. *Pre-Revolutionary Literature about the Participation of the Ural Cossacks in the Annexation of Central Asia: Monograph.* Kazan: Grumant, 2025. 508 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Насыров Камиль Зиннатович – кандидат исторических наук, адвокат, Адвокатская палата Республики Башкортостан (Уфа, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0001-6016-6075>; e-mail: adv.nkz012@mail.ru

About the author:

Kamil Z. Nasyrov – Cand. Sci. (history), Lawyer, Chamber of Advocates of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0001-6016-6075>; e-mail: adv.nkz012@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 23.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 18.02.2026

Принята к публикации / Accepted 13.03.2026

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

ПЕРСОНАЛИЯ / PERSONAL

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.167-178>

**Научное наследие Рауля Усмановича Амирханова:
вклад в изучение татарской национальной идентичности
и межкультурного взаимодействия
(к 80-летию со дня рождения)**

А.Х. Тухватулин

*Казанский (Приволжский) Федеральный университет
Казань, Российская Федерация
tayrat@mail.ru*

Резюме. В данной статье представлен всесторонний анализ научной деятельности Рауля Усмановича Амирханова (1946–2006) – доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан, чьи труды оказали значительное влияние на изучение истории татарского общества и опыта межкультурной коммуникации. Исследование его научного наследия позволяет глубже понять эволюцию татарской идентичности, механизмы формирования национального самосознания и специфику историко-культурного взаимодействия. Научные труды Р.У. Амирханова охватывают широкий спектр исследовательских направлений и представляют собой значительный вклад в развитие исторической науки, культурологии и социологии. Среди ключевых аспектов его научной деятельности можно выделить: 1) историю татарской периодической печати, где Р.У. Амирханов анализирует эволюцию печатных изданий как важного инструмента формирования общественного мнения и трансляции культурных ценностей; 2) национально-освободительное движение и общественные идеи татарского народа, в рамках которого он рассматривает идеологию и стратегию борьбы за национальное самоопределение, а также анализирует влияние просветительских и реформаторских движений на трансформацию татарского общества; 3) проблемы культурного диалога и межнационального взаимодействия, где особое внимание уделяется изучению механизмов сосуществования различных этнических групп и культур в полиэтническом пространстве; 4) биографический метод как инструмент исторического анализа, который ученый использует для изучения жизни и деятельности выдающихся личностей в истории татар, таких как Ризаэддин Фахреддин и Ахмед-Заки Валиди. Исследования Р.У. Амирханова обогатили историографию и

культурологию региона, способствовали популяризации исторических знаний и внесли весомый вклад в изучение проблем национального самоопределения и межкультурного взаимодействия. Научная биография Р.У. Амирханова демонстрирует последовательное развитие его профессиональных компетенций. Научное наследие ученого сохраняет свою актуальность и значимость в современном научном сообществе.

Ключевые слова: Равиль Усманович Амирханов; история татарского общества; периодическая печать; межкультурная коммуникация; национальная идентичность; историко-культурное взаимодействие; исторические источники; историография

Для цитирования: Тухватулин А.Х. Научное наследие Равиля Усмановича Амирханова: вклад в изучение татарской национальной идентичности и межкультурного взаимодействия (к 80-летию со дня рождения). *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 1. С. 167–178. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.167-178>

Scientific Heritage of Ravil Usmanovich Amirkhanov: Contribution
to the Study of Tatar National Identity and Intercultural Interaction
(Dedicated to the 80th Anniversary of his Birth)

A.Kh. Tukhvatulin

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
tayrat@mail.ru

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the scientific activities of Ravil Usmanovich Amirkhanov (1946–2006) – Doctor of Historical Sciences and Honored Scientist of the Republic of Tatarstan, whose works significantly influenced the study of the history of Tatar society and the experience of intercultural communication. The research of his scientific heritage allows for a deeper understanding of the evolution of Tatar identity, the mechanisms of national self-consciousness formation, and the specifics of historical and cultural interaction. The scientific works of R.U. Amirkhanov cover a wide range of research areas and represent a significant contribution to the development of historical science, cultural studies, and sociology. Among the key aspects of his scientific activity, the following can be highlighted: 1. History of the Tatar periodical press, where R.U. Amirkhanov analyzes the evolution of printed publications as an important instrument for shaping public opinion and transmitting cultural values; 2. National liberation movement and public ideas of the Tatar people, within which he examines the ideology and strategy of the struggle for national self-determination, as well as analyzes the influence of enlightenment and reformist movements on the transformation of Tatar society; 3. Problems of cultural dialogue and interethnic interaction, where particular attention is paid to the study of mechanisms for the coexistence of var-

ious ethnic groups and cultures in a polyethnic space; 4. Biographical method as a tool of historical analysis, which the scholar uses to study the life and activities of prominent figures in Tatar history, such as Rizaeddin Fakhreddin and Ahmed-Zaki Validi. The research of R.U. Amirkhanov has enriched the historiography and cultural studies of the region, contributed to the popularization of historical knowledge, and made a significant contribution to the study of problems of national self-determination and intercultural interaction. The scientific biography of R.U. Amirkhanov demonstrates the consistent development of his professional competencies. The scientific heritage of the scholar maintains its relevance and significance in the modern scientific community.

Keywords: Ravil Usmanovich Amirkhanov; History of Tatar society; Periodical press; Intercultural communication; National identity; Historical and cultural interaction; Historical sources; Historiography

For citation: Tukhvatulin A.Kh. Scientific Heritage of Ravil Usmanovich Amirkhanov: Contribution to the Study of Tatar National Identity and Intercultural Interaction (Dedicated to the 80th Anniversary of his Birth). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 1, pp. 167–178.
<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.167-178> (In Russian)

Равиль Усманович Амирханов (1946–2006) – доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Татарстан. Его научные труды, посвященные изучению историко-культурного наследия татарского народа, занимают значимое место в отечественной историографии.

Р.У. Амирханов родился 9 января 1946 г. в с. Старая Кулатка (Иске Кулаткы), находящемся в Ульяновской области. Его семья принадлежала к знатному роду Амирхановых, чья история богата и включает выдающихся представителей в области мусульманского просвещения, религии, науки и дипломатии. Среди них можно выделить муллу Мурада, Амирхана, Хусаина, Зарифа и Назипа Амирхановых, а также Фатыха и Ибрагима Амирхановых (Гарипова, Валиев, 2012, с. 38).

Начальное образование будущий ученый начал получать в Мосеевской семилетней школе в 1952 г., этот этап образования пришлось заканчивать в Старо-Атлашской семилетней школе (оба учебных заведения располагались в Ульяновской области). После успешного завершения 8 класса в 1961 г. вместе с семьей переезжает в Татарскую АССР, в д. Та-

тарская Айша Высокогорского района. Среднее образование получает в школе с. Мульма, расположенного в 5 километрах от Татарской Айши.

Начальный этап профессионального становления Р.У. Амирханова связан с обучением в Казанском государственном педагогическом институте (1963–1968 гг.), где в рамках историко-филологического образования происходило формирование его исследовательской парадигмы, основанной на междисциплинарном синтезе исторического, филологического и источниковедческого подходов. Уже в студенческий период отчетливо проявились характерные черты его научного мышления: ориентация на проблемно-хронологический анализ, внимание к массовым источникам и интерес к истории общественной мысли.

Определяющее влияние на становление исследовательских компетенций Р.У. Амирханова оказал А.Л. Литвин, выступивший медиатором передачи академических норм исторического познания, в том числе принципов источниковой критики, верификации фактов и реконструкции социально-политических процессов. Существенным фактором методологической самодостаточности стало овладение арабской графикой, что расширило корпус привлекаемых источников за счет татарской дореволюционной периодики и рукописного наследия, ранее находившихся на периферии научного оборота.

На факультете Р.У. Амирханов проявил себя как активный участник общественной жизни. Вступив в организацию «Комсомольский прожектор», он также активно включился в работу студенческого совета общежития. По поручению администрации факультета Равиль Усманович осуществлял политико-просветительскую работу, выступал на студенческих научных конференциях, а также принимал участие в художественной самодеятельности. Кроме того, ежегодно он принимал участие в сельскохозяйственных работах в составе студенческой группы.

Равиль Усманович, успешно завершив программу подготовки учителей русского языка и литературы, начал стратегическое планирование своей профессиональной траектории, опираясь на фундаментальные знания и аналитические навыки, полученные в ходе обучения. Доцент Зоя Алексеевна Старицына, куратор его академической группы, рекомендовала ему продолжить академическое развитие в аспирантуре, сконцентрировав внимание на углубленном анализе творчества выдающегося французского писателя Ромена Роллана. Однако, Равиль Усманович принял более прагматичное решение и трудоустроился в восьмилетнюю школу в с. Старая Салаусь Балтасинского района ТАССР. Свой выбор он обосновал необходимостью профессиональной реализации, что позволило бы ему не только углубить теоретические знания на практике, но и внести значительный вклад в развитие образовательной системы региона. Кроме того, трудоустройство в школе способствовало улучшению финансового благополучия его семьи, что являлось важным аспектом в условиях современной экономической ситуации. Наконец, Равиль Усманович стремился оказать мате-

риальную поддержку своим близким, что также было одним из факторов, повлиявших на его профессиональное решение.

В августе 1969 г. Р.У. Амирханов переехал в с. Ленино-Кокушкино Пестречинского района ТАССР с целью приближения к Казани и реализации своей мечты о поступлении в аспирантуру, специализирующуюся на истории СССР, с акцентом на изучение истории Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. Этот шаг был предпринят после завершения обязательного срока отработки по своей основной специальности. В течение последующих двух лет Р.У. Амирханов посвятил себя преподавательской деятельности в Ленино-Кокушкинской средней школе им. М.А. Ульяновой.

Помимо педагогической работы, Р.У. Амирханов был избран секретарем комсомольской организации школы, что позволило ему активно участвовать в идеологической, просветительской и культурной деятельности. Он регулярно читал лекции среди местного населения, принимал участие в организации художественной самодеятельности, преимущественно в качестве певца. Увлечение рыбалкой на р. Ушне и непрерывное стремление к самообразованию также являлись неотъемлемой частью его жизни (Гарипова, Валиев, 2012, с. 43).

Благодаря своей энергичности и активной общественной позиции, Р.У. Амирханов завоевал уважение как среди учащихся, так и среди коллег, что значительно повысило его авторитет в коллективе, и его мнение часто воспринималось как решающее. В эти же годы по состоянию здоровья Равиль Усманович был освобожден от воинской службы.

Таким образом, период педагогической деятельности Р.У. Амирханова (1968–1971 гг.) следует интерпретировать как этап накопления социально-исторического эмпирического материала, повлиявшего на его последующую интерпретацию механизмов культурной трансмиссии, просветительской деятельности и идеологической регуляции в традиционном и позднесоветском социуме. Работа в сельской школе позволила исследователю наблюдать функционирование образовательных институтов как инструмента формирования коллективных представлений и ценностных установок.

Участие в общественно-политической и культурно-массовой деятельности сформировало устойчивый интерес к проблематике взаимодействия власти, интеллигенции и общества – тематическому комплексу, который в дальнейшем получил развитие в его исследованиях по истории татарской общественной мысли и печати начала XX в.

Поступление в аспирантуру Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Казанского филиала АН СССР в 1971 г. обозначило переход к этапу институционализированной научной деятельности. Выбор темы кандидатской диссертации – «Татарская демократическая периодическая печать в годы первой русской революции (1905–1907 гг.)» – свидетельствовал о стремлении к реконструкции общественно-политических

процессов через анализ печатного дискурса как формы артикуляции коллективных интересов и идеологических программ.

Под научным руководством Х.Х. Хасанова Р.У. Амирханов сформировал устойчивую методологическую модель, сочетающую элементы политической истории, истории культуры и дискурс-анализа.

В первый год обучения, охватывающий период с 1971 по 1972 г., Р.У. Амирханов успешно сдал все три кандидатских экзамена, что позволило ему приступить к сбору эмпирических данных для своей диссертационной работы. В этот период он активно участвовал в общественной деятельности института, также внес значительный вклад в работу над общепериодической газетой «Фикер» («Мысль»), начав с членства в редакционной коллегии. Впоследствии он занял должность заместителя редактора, а затем и редактора данного издания. Под его руководством стенгазета «Фикер» неоднократно становилась победителем на общегородских конкурсах стенных газет и удостоивалась Почетной грамоты от дирекции, партийного бюро и профсоюзного комитета института.

В рамках научного поиска Р.У. Амирханов сосредоточил усилия на комплексном исследовании татарской периодической печати начала XX в. В результате многолетней работы им сформирован обширный эмпирический массив данных, охватывающий ключевые параметры изданий указанного периода: номенклатура периодических изданий, объемы тиражей, периодичность выпуска, тематическая специфика публикуемых материалов, биографические сведения о редакторах и сотрудниках изданий.

Продолжая углубленное изучение проблематики татарской периодической печати, Р.У. Амирханов инициировал исследование по вопросам татарского просвещения, а также функционирования татарских учебных заведений. В рамках своей научной деятельности он активно включился в работу философского семинара, посвященного проблемам методологии и методики исторических исследований. Его участие в обсуждениях тем, выносимых на повестку заседаний, отличалось высокой степенью вовлеченности и критического осмысления. Кроме того, Р.У. Амирханов выступал на семинарах с докладами, рефератами и сообщениями, которые в основном носили поисковый, творческий и самостоятельный характер, что способствовало расширению границ научного дискурса и углублению понимания исследуемых вопросов.

В октябре 1974 г. Р.У. Амирханов завершил курс аспирантуры с представлением диссертации. В связи с реформированием специализированных советов по защите диссертаций защита была отложена на пять лет. По решению ученого совета ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова он был оставлен на должности младшего научного сотрудника сектора истории. В 1974 г. он опубликовал первую научную работу – «Из истории освободительного движения шакирдов медресе “Мухаммадия” в начале XX века» (Амирханов, 1974), положившую начало списку публикаций, насчитывающему сотни наименований.

Значимым компонентом профессионализации стала его редакционно-издательская деятельность в рамках страниц периодической печати, способствовавшая освоению практик научной коммуникации и популяризации исторического знания.

Защищенная в 1979 г. кандидатская диссертация представляла собой одно из первых комплексных исследований татарской демократической периодической печати дореволюционного периода, выполненное на основе систематического привлечения источников на арабице. Работа отличалась источниковедческой репрезентативностью, проблемной целостностью и ориентацией на выявление функциональной роли печати в процессе политической мобилизации татарского общества.

В ноябре 1980 г. Р.У. Амирханов занял должность старшего научного сотрудника отдела истории ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, в ноябре 1997 г. – заведующего отделом истории Института истории АН РТ. В 1998 г. он возглавил вновь созданный отдел новой и новейшей истории Института истории АН РТ и проработал в этой должности до конца жизни (Гарипова, Валиев, 2012, с. 45–46).

Р.У. Амирханов, значительно дополнив свою кандидатскую диссертацию, защищенную в 1979 г., новыми архивными материалами и документами, подготовил и издал в Москве в издательстве «Наука» монографию в 1988 г. под названием «Татарская демократическая печать (1905–1907 гг.)» (Амирханов, 1988). В данном исследовании впервые представлен глубокий анализ генезиса и эволюции татарской демократической прессы, а также ее значимости в контексте общественно-политической парадигмы татарского общества в период Первой русской революции 1905–1907 гг.

Стоит отметить, что на протяжении нескольких последних десятилетий XIX в. предпринимались многочисленные попытки создания татарских периодических изданий, однако они не увенчались успехом. Революционные процессы в России, изменения в ментальных установках общества и настойчивая деятельность прогрессивной интеллигенции вынудили власти пойти на определенные уступки, что привело к появлению первых татарских демократических изданий в таких городах, как Казань, Уральск, Оренбург и Астрахань.

Татарская дореволюционная пресса отражала интересы различных социальных страт, политических партий и общественных движений татарского социума. Демократические издания активно освещали политику и действия царского правительства и полицейских структур, способствуя формированию негативного отношения к монархическому строю и буржуазному укладу, а также стимулируя стремление к решительной борьбе против угнетения и социальной несправедливости. Демократическая пресса стремилась мобилизовать широкие народные массы, пропагандируя идеи борьбы за демократические свободы и равноправие народов, а также внедряя социал-демократические концепции.

Кроме того, журналы и газеты выполняли важную просветительскую функцию, распространяя базовые экономические и политические знания среди населения. В разделе книги, посвященном вопросам демократической культуры, акцентируется внимание на том, что татарская интеллигенция была глубоко обеспокоена низким уровнем образования среди татарского социума. Для решения этой проблемы предлагались комплексные меры по модернизации образовательной системы. Интеллигенция также активно продвигала развитие татарской культуры, опираясь на самобытный литературный язык, народное творчество, национальное искусство и театральное искусство.

Своей монографией Р.У. Амирханов убедительно опроверг распространенные утверждения о замкнутости и ограниченности татарского общества рамками исключительно национальных проблем, продемонстрировав высокий уровень культурной и интеллектуальной зрелости татарской писательской интеллигенции.

Таким образом, с середины 1970-х гг. научная деятельность Р.У. Амирханова характеризуется диверсификацией тематических направлений и усилением организационно-координационной составляющей. Он активно участвовал в реализации коллективных исследовательских проектов по истории Татарстана, выполняя функции научного редактора, координатора и эксперта, что способствовало формированию единого историографического пространства в республике.

Докторская диссертация «Проблемы развития русской культуры в татарской периодической печати, 1905–1917 гг.», защищенная в 1997 г., стала логическим продолжением и теоретическим углублением предыдущих исследований. В ней автор сосредоточился на анализе механизмов культурной рецепции, трансляции и адаптации элементов русской культуры в татарской интеллектуальной среде начала XX в. (Кабирова, 2007, с. 45).

Работа характеризуется использованием сравнительно-исторического метода, элементов культурной антропологии и семиотического анализа печатного текста. Введение в научный оборот значительного массива ранее малоизученных источников позволило уточнить представления о характере межкультурного диалога и его роли в формировании современной татарской идентичности.

Назначение Р.У. Амирханова на руководящие должности в Институте истории АН РТ ознаменовало этап его деятельности как организатора науки. Он участвовал в разработке научных программ, формировании кадрового потенциала, координации диссертационных исследований и экспертной оценке научных проектов. Существенное место в его работе занимала редакционная деятельность в ведущих научных журналах и энциклопедических изданиях, включая Татарскую энциклопедию.

В 2002 г. в издательстве «Таткнигоиздат» была опубликована фундаментальная монография Р.У. Амирханова «Татарская дореволюционная пресса в контексте “Восток – Запад”» (на примере развития русской куль-

туры)» (Амирханов, 2002). Данное исследование представляет собой все-сторонний анализ эволюции татарской периодической печати в 1905–1917 гг. и ее роли в общественно-политической жизни татарского общества в условиях масштабных исторических трансформаций начала XX в. Хронологические рамки работы охватывают период до Октябрьской революции, что позволяет автору последовательно проследить закономерности развития татарской прессы в контексте взаимодействия восточных и западных культурных традиций.

Структурно монография состоит из введения, четырех глав и заключения. Первая глава – «Зарождение и функционирование татарской периодической печати» – посвящена анализу процессов формирования и развития татарских печатных изданий. В ней рассматриваются как количественные, так и качественные характеристики данного явления, а также оценивается влияние периодической печати на общественно-политическую жизнь татарского населения Российской империи. По данным, приведенным Р.У. Амирхановым, в 1905–1917 гг. на территории империи издавалось около ста татарских газет и журналов, что свидетельствует о высоком уровне развития национальной журналистики в указанный период.

Для реконструкции истории становления первых татарских периодических изданий автор привлекает широкий круг источников, включая как хорошо известные, так и ранее не введенные в научный оборот материалы. В развитии татарской прессы Р.У. Амирханов выделяет шесть этапов:

1) возникновение и становление (1905–1906 гг.); 2) период возмужания (1907–1909 гг.); 3) этап сокращения (1910–1912 гг.); 4) период оживления (1913–1914 гг.); 5) этап стабилизации (1914–1916 гг.); 6) период расцвета (февраль 1917 – конец 1917 г.) (Амирханов, 2002, с. 46).

Каждый из обозначенных этапов характеризуется специфическими количественными и качественными показателями, включая степень поляризации общественно-политических сил, формирование идейных лидеров различных направлений, а также динамику развития печатных органов.

Исследование показывает, что идейно-политическое многообразие татарской периодической печати обусловило сложный и неоднозначный характер ее эволюции. Острая полемика между различными изданиями и столкновение противоположных точек зрения отражают глубинные социальные и культурные процессы, происходившие в татарском обществе начала XX в.

Р.У. Амирханов подчеркивает, что татарская дореволюционная периодическая печать являлась органической частью многонационального информационного пространства Российской империи и обладала общероссийским значением. Вместе с тем официальные структуры царской власти, включая цензурные органы и православную прессу, независимо от реальной политической ориентации изданий, квалифицировали татарскую прессу как «националистическую». Автор отмечает, что в дореволюционном офици-

альном дискурсе данный термин имел иное смысловое наполнение, нежели в современных научных интерпретациях (Назипова, 2007, с. 54).

Три последующие главы монографии посвящены анализу литературно-публицистических и философских проблем русской культуры, различных аспектов русского искусства, а также вопросам просвещения и науки. Основным источниковым материалом при изучении данных аспектов выступают татарские газеты и журналы, что позволило автору выявить и проанализировать значительное количество фактов, ранее не использовавшихся в научных исследованиях. Существенная часть выводов и обобщений основана на оригинальном источниковедческом анализе, включая авторские переводы текстов с татарского языка на русский.

Рассматривая культурное положение татарского народа, находившегося на стыке восточной и западной цивилизационных традиций, Р.У. Амирханов отмечает доминирующее влияние культурного наследия Востока, глубоко укоренившегося в быту, духовной жизни и национальном самосознании татар. Вместе с тем автор указывает на наличие в общественной жизни архаичных элементов – замкнутости интеллектуальной среды и религиозной ограниченности, которые во многом сдерживали процессы модернизации и общественного прогресса.

Научные труды Равиля Усмановича представляют собой фундаментальные исследования, посвященные анализу деятельности представителей освободительного движения, изучению общественной мысли и культурного наследия татарского народа. Эти работы характеризуются высокой степенью информативности и значительной научной значимостью, что подтверждается их вкладом в развитие исторической и культурологической науки.

В центре внимания Амирханова находятся ключевые фигуры татарской истории и культуры, такие как Хади Амирхан, Галимжан Баруди и Габдулла Ахмеров. Особое место в его исследованиях занимает наследие ученого-историка мирового уровня Ахмеда-Заки Валиди, что свидетельствует о глубоком понимании автором значимости данного исторического деятеля. В рамках этой работы были подготовлены и опубликованы шесть работ, включая книгу «Краткая история тюрко-татар» (Краткая история, 1992). Эти исследования способствовали сохранению и актуализации историко-культурного наследия татарского народа, а также углублению научного осмысления ключевых этапов его исторического развития.

Персоналистический анализ, проведенный Р.У. Амирхановым, позволил выявить и ввести в научный оборот значительное количество ранее неизвестных фактов и уточняющих деталей биографий указанных деятелей, что обогатило историческую науку новыми данными. Особое место в исследованиях ученого занимает наследие Ризаэддина Фахреддина, который был выдающимся мыслителем и общественным деятелем (Назипова, 2007).

Творческая деятельность Р.Фахреддина стала предметом тринадцати научных и научно-популярных публикаций, что свидетельствует о значи-

тельном вкладе Р.У. Амирханова в популяризацию его наследия. Существенный вклад в изучение и популяризацию трудов Р.Фахреддина связан с подготовкой, переводом и изданием его работ, написанных на арабице. В общей сложности было опубликовано 86 материалов, включая две монографии – «Казанские ханы» и «Ханы Золотой Орды», что позволило глубже понять и оценить вклад Р.Фахреддина в развитие татарской культуры и общественной мысли (Фахретдин, 1995).

Таким образом, научно-исследовательская деятельность Р.У. Амирханова представляет собой целостный исследовательский проект, направленный на реконструкцию социально-культурных процессов в татарском обществе конца XIX – начала XX в.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Р. Послесловие // Краткая история тюрко-татар / Ахмед-Заки Валиди. 1-е изд. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. С. 142–161.

Амирханов Р.У. Из истории освободительного движения шакирдов медресе «Мухаммадия» в начале XX века // Тезисы докладов III научной конференции молодых ученых / отв. ред.: Л.Т. Махмутова, Ю.И. Смыков; АН СССР. КФ. ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова. Казань, 1974. С. 49–51.

Амирханов Р.У. Татарская демократическая печать (1905–1907 гг.). М.: Наука, 1988. 188 с.

Амирханов Р.У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток-Запад» (на примере развития русской культуры). Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 239 с.

Гарипова З.Г., Валиев А.М. Жизненный и творческий путь Р.У. Амирханова // Научный Татарстан. 2012. № 1. С. 38–47.

Кабирова А.Ш. Памяти Р.У. Амирханова // Страницы истории татарского народа и Татарстана в новое и новейшее время. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. С. 45–46.

Назипова К.А. Научное наследие Р.У. Амирханова // Страницы истории татарского народа и Татарстана в новое и новейшее время. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. С. 50–55.

Фахретдин Р. Ханы Золотой Орды = Алтын Урда ханнары / под ред. Р.У. Амирханова; перевод с татарского С. Шамси. Казань: Татар. кн. изд-во, 1996. 127 с. (на татарском и русском языках).

REFERENCES

Amirkhanov R. Afterword. Ahmed-Zaki Validi. *Brief History of the Turko-Tatars*. Kazan: Tatar book Publ., 1992. 180 p. (In Russian)

Amirkhanov R.U. From the History of the Liberation Movement of the Shakirds of the Muhammadia Madrasah at the Beginning of the 20th Century. *Abstracts of the Third Scientific Conference of Young Scientists*. Ed. by L.T. Makhmutova, Yu.I. Smykov. Kazan, 1974. Pp. 49–51. (In Russian)

Amirkhanov R.U. *Tatar Democratic Press (1905–1907)*. Moscow: Nauka Publ., 1988. 188 p. (In Russian)

Amirkhanov R.U. *Tatar pre-revolutionary press in the context of the "East-West" (on the Example of the Development of Russian Culture)*. Kazan: Tatar book Publ., 2002. 239 p. (In Russian)

Garipova Z.G., Valiev A.M. Life and Creative Path of R.U. Amirkhanov. *Nauchniy Tatarstan [Scientific Tatarstan]*. 2012, no. 1, pp. 38–47. (In Russian)

Kabirova A.Sh. In Memory of R.U. Amirkhanov. *Pages of the History of the Tatar People and Tatarstan in Modern and Contemporary Times*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2007. Pp. 45–46. (In Russian)

Nazipova K.A. Scientific Heritage of R.U. Amirkhanov. *Pages of the History of the Tatar People and Tatarstan in Modern and Contemporary Times*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2007. Pp. 50–55. (In Russian)

Fakhretdin R. *Khans of the Golden Horde*. Ed. by R.U. Amirkhanov. Kazan: Tatar book Publ., 1996. 127 p. (In Tatar, In Russian)

Информация об авторе:

Тухватулин Айрат Халитович – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического и обществоведческого образования Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-6042-5711>; e-mail: tayrat@mail.ru

About the author:

Airat Kh. Tukhvatulin – Cand. Sci. (history), Associate Professor of the Department of Historical and Social Science Education, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-6042-5711>; e-mail: tayrat@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 25.12.2025

Поступила после рецензирования / Revised 19.02.2026

Принята к публикации / Accepted 13.03.2026

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.

Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property
rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole
or in part, without permission of the rights holder is prohibited

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.
2026. Том 16, № 1

From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.
2026, vol. 16, no. 1

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 06.04.2026 г. Дата выхода в свет 13.04.2026 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆ Печ. л. 11,25 Тираж 100 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф